

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Федеральный исследовательский центр «Якутский научный центр
Сибирского отделения Российской академии наук»
Институт гуманитарных исследований и проблем
малочисленных народов Севера Сибирского отделения
Российской академии наук

На правах рукописи

Васильев Айсен Данилович

**ОБЛАСТНОЙ НАЧАЛЬНИК В СИСТЕМЕ МЕСТНОГО УПРАВЛЕНИЯ НА
СЕВЕРО-ВОСТОКЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ (1805-1852 ГГ.)**

Специальность 5.6.1 - Отечественная история

Диссертация на соискание ученой степени

кандидата исторических наук

Научный руководитель:
доктор исторических наук

Борисов А.А.

Якутск 2021 г.

Оглавление

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА 1. ОБЛАСТНОЙ НАЧАЛЬНИК КАК ИНСТИТУТ МЕСТНОГО УПРАВЛЕНИЯ В ИМПЕРСКОЙ СИСТЕМЕ	29
1.1. Институт областного начальника в первой половине XIX в.: историко- сравнительный аспект	29
1.2. Исторические предпосылки учреждения должности областного начальника в Якутии и его правовой статус	43
1.3. Корпус якутских областных начальников.....	79
ГЛАВА 2. РЕГИОНАЛЬНАЯ СПЕЦИФИКА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НАЧАЛЬНИКА ЯКУТСКОЙ ОБЛАСТИ.....	111
2.1. Руководство организацией снабжения северо-восточных окраин Российской империи.....	111
2.2. Организация полицейского надзора и управление ссылкой	133
2.3. Политика в отношении инородческого населения.....	154
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	179
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	185
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ.....	186
ПРИЛОЖЕНИЕ 1. ТАБЛИЦЫ.....	221
ПРИЛОЖЕНИЕ 2. ИЛЛЮСТРАЦИИ	244

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Политические изменения, реформирование институтов государственного управления, проходящие в современной России, совершенствование законодательной базы, регламентирующее правовое положение органов власти, разработка концептуальных основ региональной политики государства вызывают определенный интерес к рассмотрению исторических особенностей и исторического опыта управления в Российской империи.

В начале XIX в. на Северо-Востоке России начинается новая веха административного реформирования. В 1805 г. в процессе сибирских преобразований первого генерал-губернатора Сибири И. О. Селифонтова Якутия вновь обрела статус административно-территориальной единицы – области, где во главе был поставлен областной начальник. Со второй четверти XIX в. управление Якутским краем стало регламентироваться сибирскими реформами 1822 г. М. М. Сперанского. Якутская область являлась самым обширным регионом среди губерний и областей империи, но имела малую плотность населения. Северо-Восточный регион империи характеризовался своими уникальными природно-климатическими условиями и социально-экономическими особенностями. В первой половине XIX в. область являлась форпостом освоения и укрепления Дальнего Востока и Русской Америки, что было обусловлено ее географическим положением, тесной связью с Охотском, где находился единственный порт с выходом на Тихий океан. Следующей спецификой Якутского края являлась ее полиэтничность, где основная часть населения была представлена коренными народами, называемыми в официальных документах «иноверцами», а с 1822 г. «инородцами», которых правительство планировало инкорпорировать в российское социально-экономическое пространство. Другая особенность области была представлена ее удаленностью от центра, которая определила окраинный регион как место для ссылки и включала край в пенитенциарную систему Российской империи.

Институт областного начальника в Якутии функционировал довольно продолжительное время – до введения должности гражданского губернатора в области (1852 г.). Учреждение данного института власти в начале XIX столетия на северо-восточной части государства являлось первым опытом административного преобразования в Российской империи, что придает особую актуальность для нашего исследования. Анализ взаимоотношения центральных органов власти и периферии, представленный новой формой управления в административной практике империи – областным начальником, вызывает значительный интерес. Изучение истории института областного начальника в контексте упомянутых региональных особенностей Якутского края позволяет определить специфические черты его функционирования.

При этом актуальность исследования обусловлена не только политическими изменениями в современной России и особенностями функционирования института областного начальника в Якутской области, но и отсутствием специальных исследований по институту областного начальника в целом и по другим регионам Российской империи.

Степень разработанности темы. Историографию условно можно разделить на три периода: дореволюционный, советский и постсоветский. Исследования А. В. Лохвицкого, И. Е. Андриевского, А. Д. Градовского, Н. М. Коркунова, С. А. Корфа, В. М. Гессена, А. А. Каменского, И. А. Блинова, Н. И. Лазаревского, И. М. Страховского¹, чьи труды имеют фундаментальное значение, посвящены характеристике органов местного управления и института губернаторства в Центральной России, где в основном затрагивались юридические аспекты. Существенный вклад в отечественную историографию

¹ Лохвицкий А. В. Губерния, ее земские и административные учреждения. СПб., 1864; Андриевский И. Е. О наместниках, воеводах и губернаторах. СПб., 1864; Градовский А. Д. История местного управления в России. СПб., 1893; Коркунов Н. М. Русское государственное право. СПб., 1893. Том I-II; Корф С. А. Очерк исторического развития губернаторской должности в России // Вестник права. 1901. № 9. С. 130-147; Гессен В. М. Бюрократия в России. Вопросы местного управления. СПб., 1904; Каменский А. А. Реформа местного управления: наблюдения и заметки практика. СПб., 1904; Блинов И. А. Историко-юридический очерк. СПб., 1905; Лазаревский Н. И. Лекции по русскому государственному праву. СПб., 1910. Том II; Страховский И. М. Губернское устройство // Журнал Министерства юстиции. 1913. № 7. С. 28-92.

внес Ю. В. Готье, который достаточно подробно рассмотрел местные административные учреждения XVIII в.¹ Административным устройством окраин занимался юрист В. В. Ивановский, исследование которого охватывает вторую половину XIX в.² Е. П. Карнович впервые уделил особое внимание чиновничьему аппарату Российской империи, в том числе аппарату окраин, где по Сибири отмечал низкий уровень профессиональной компетенции чиновников³. Институт областного начальника на Кавказе упоминается в контексте работ, посвященных общей системе местного управления региона, которые представлены в трудах И. И. Шопена, С. С. Эсадзе и др.⁴

Общие вопросы организации местного управления в Сибири были представлены в трудах М. А. Корфа, В. И. Вагина, Н. М. Ядринцева, В. К. Андриевича, С. М. Прутченко, А. П. Щапова⁵. В «Обзрении главных оснований местного управления Сибири», подготовленном А. П. Величко, бывшим управляющим делами Сибирского комитета, отмечалась неясность правового положения местных институтов власти в сибирской иерархии управления⁶.

С. М. Прутченко в своем исследовании привлек существенный исторический материал и одним из первых обратил внимание на учет специфики регионов в отношении управления окраинами. Среди исследований, посвященных М. М. Сперанскому и его сибирским преобразованиям, центральное место занимает труд В. И. Вагина «Исторические сведения о деятельности графа Сперанского в Сибири с 1819 по 1822 гг.» в двух томах, в котором дается положительная оценка реформам. Исследование было основано на обширном комплексе архивных документов и внесло значительный вклад в отечественную

¹ Готье Ю.В. История областного управления в России от Петра I до Екатерины II. М., 1913. Т. 1.

² Ивановский В.В. Административное устройство наших окраин. Казань, 1891.

³ Карнович Е.П. Русские чиновники в бытии и настоящем времени. СПб., 1897.

⁴ Шопен И. И. Исторический памятник состояния Армянской области в эпоху ее присоединения к Российской Империи. СПб., 1852; Эсадзе С.С. Историческая записка об управлении Кавказом. Тифлис, 1907. Т. 1.

⁵ Корф М.А. Жизнь графа Сперанского. СПб., 1861; Вагин В.И. Исторические сведения о деятельности графа Сперанского в Сибири с 1819 по 1822 г. В 2-х т. СПб., 1872; Ядринцев Н.М. Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении. СПб., 1882; Андриевич В.К. Сибирь в XIX столетии. СПб., 1889; Прутченко С.М. Сибирские окраины. Историко-юридические очерки. СПб., 1899; Щапов А.П. Сочинения. СПб., 1906. Т. III.

⁶ Обзорение главных оснований местного управления Сибири. СПб., 1841.

историографию. В данной работе имеются ценные сведения по кадровой политике российского правительства в отношении формирования корпуса якутских областных начальников и по политике снабжения северо-восточных окраин Российской империи.

Фрагментарные сообщения о сибирской власти первой половины XIX в. имеются в трудах П. А. Словцова и И. В. Щеглова, которые были направлены на историко-этнографическое описание Азиатской России¹. В очерке, составленном Ф. Ф. Веселаго, перечислен список выпускников Морского кадетского корпуса, где включены областные начальники Якутии². Статистические сведения о чиновниках Якутской областной администрации представлены Ю. А. Гагемейстером³. Обширные сведения о Якутской области были освещены И. Д. Булычовым, где, в частности, рассматривалось и положение Охотского тракта⁴. В статье якутского купца И. С. Москвина «Воеводы и начальники г. Якутска и их действия» освещается характер власти якутских областных начальников И. Г. Кардашевского, М. И. Миницкого и Н. И. Мягкова⁵.

В 1869 г. военно-морским историком А. С. Сгибневым были опубликованы краткие сведения из службы М. И. Миницкого в Охотске⁶. Некоторые другие сведения из биографии якутских областных начальников имеются в летописях, составленных служащими по Якутской области – В. Л. Приклонским и П. П. Явловским, где дается хронология их правления⁷. В сборнике «Материалы по обычному праву и общественному быту якутов»⁸, авторами которого являются Д.

¹ Словцов П. А. Историческое обозрение Сибири. СПб., 1886. 2-издание. Кн. 1 и 2; Щеглов И. В. Хронологический перечень важнейших дат из истории Сибири: 1032-1882 гг. Сургут, 1993.

² Веселаго Ф. Ф. Очерк истории Морского кадетского корпуса с приложением списка воспитанников за 100 лет. СПб., 1852.

³ Гагемейстер Ю. А. Статистическое обозрение Сибири, составленное по высочайшему его императорского величества повелению, при Сибирском комитете, действительным статским советником Гагемейстером. СПб., 1854.

⁴ Булычов И. Д. Путешествие по Восточной Сибири. СПб., 1856. Ч. 1.

⁵ Москвин И. С. Воеводы и начальники г. Якутска и их действия // Памятная книжка Якутской области за 1863 год. 1864. С. 165-202.

⁶ Сгибнев А. С. Охотский порт // Морской сборник. 1869. № 12. С. 1-63.

⁷ Приклонский В. Л. Летопись Якутского края. Красноярск. 1896; Явловский П. П. Летопись города Якутска от основания его до настоящего времени (1801-1914 гг.). Якутск, 2004. Т. II.

⁸ Павлинов Д. М., Виташевский Н. А., Левенталь Л. Г. Материалы по обычному праву и общественному быту якутов. Л., 1929.

М. Павлинов, Н. А. Виташевский, Л. Г. Левенталь, на основе архивных источников довольно кратко освещается деятельность некоторых якутских областных начальников в отношении инородческого населения. В статье Н. О. Матюнина и в монографии А. В. Манькина-Невструева изучается положение якутского казачества, рассматривается деятельность М. И. Миницкого по оснащению якутской казачьей команды¹. М. Рыбаковым опубликованы архивные материалы, где освещается надзорная деятельность якутского областного начальника Н. И. Мягкова в отношении декабриста М. И. Муравьева-Апостола².

В целом, труды исследователей были основаны на анализе законодательной базы и содержали богатый фактический материал. Несмотря на то, что исследователи дореволюционного периода акцентировали свое внимание на губернаторском звене власти и писали свои труды в русле заданного имперского курса, их работы заложили основу для дальнейших исследований.

В советское время преобладала марксистско-ленинская методология, где изучение дореволюционного государственного управления рассматривалось весьма односторонне, зачастую давалась предвзятая оценка, например, в отношении представителей царской власти.

В исследовании первого профессионального историка Якутии Г. А. Попова и иркутского исследователя Б. Г. Кубалова рассматриваются особые отношения якутского областного начальника Н. И. Мягкова с представителями политической ссылки в Якутской области, первыми революционерами, декабристами³. Появляются работы советских историков, где критикуется политика Российской

¹ Матюнин Н. О. О покорении казаками Якутской области и состоянии Якутского казачьего пешего полка // Памятная книжка Якутской области на 1871 г., 1877. С. 138-184; Манькин-Невструев А. В. Завоеватели Восточной Сибири якутские казаки: Очерк. М., 1883.

² Рыбаков М. Из архива Якутского областного правления // «Сибирские вопросы». 1912. № 21. С. 91-97.

³ Попов Г. А. Очерки по истории Якутии. Якутск, 1924; Кубалов Б. Г. Декабристы в Восточной Сибири. Иркутск, 1925.

империи в отношении национальных окраин государства, в частности, по реализации либеральных реформ М. М. Сперанского¹.

В 50-х и 60-х гг. XX в. выходят обобщающие труды, академические издания «История Якутской АССР» и «История Сибири», где игнорируется роль, значение областных начальников и в целом практически не упоминаются². Исследования Г. П. Башарина посвящены социально-экономическому положению дореволюционной Якутии, среди них особое место занимает работа «История аграрных отношений в Якутии», где освещается землеустроительная политика царской России в деятельности якутских областных начальников³. Монография Г. П. Башарина имеет богатый материал и по истории организации провоза грузов на северо-восточные окраины Российской империи. Среди советских историков именно в трудах данного автора наиболее подробно рассматривается деятельность областных начальников Якутии Н. И. Мягкова и И. Д. Рудакова. Некоторые аспекты областного управления социально-экономическими процессами Якутии в XIX в. рассмотрены в трудах З. В. Гоголева, А. Л. Дьяконова, В. Ф. Иванова⁴.

Интерес к истории государственного управления появляется в третьей четверти XX в. В 1960-х гг. вопросами местного управления царской России, сибирскими реформами 1822 г. М. М. Сперанского занимался А. И. Парусов⁵. В 1970-80-х гг. развивается целая школа по изучению истории государственного

¹ Бахрушин С. В. Сибирские туземцы под русской властью до революции 1917 г. // Сов. Север. 1929. № 1. С. 66-97; Мамет Л. П. Колониальная политика царизма в Якутии в XVII–XIX вв. // 100 лет Якутской ссылки. М. 1934. С. 26-78; Токарев С. А. Очерки истории якутского народа. М., 1940; Общественный строй у якутов XVII-XVIII вв. Якутск, 1945.

² История Якутской АССР. М. 1957. Т. II; История Сибири. Новосибирск, 1965. Т. II.

³ Башарин Г. П. Земельные отношения в Якутии в конце XVIII- первой трети XIX в. // Исторические записки. 1950. Т. 35. С. 127-169; Рынок Якутии конца XVIII — первой половины XIX в. // Исторические записки. 1956. Т. 55. С. 289-309; История аграрных отношений в Якутии (60-е годы XVIII-середины XIX в.). М., 1956; История аграрных отношений в Якутии. В 2-х т. М., 2003; История земледелия в Якутии (XVII в.-1917 г.). Якутск, 1989. Т. 1.

⁴ Гоголев З. В. Якутия на рубеже XIX-XX вв. (социально-экономический очерк). Новосибирск, 1970; Дьяконов А. Л. Пушной промысел в Якутии конца XVIII – середины XIX века. Якутск, 1990; Иванов В. Ф. Социально-экономические отношения в Якутии (конец XVII-начало XIX в.). Новосибирск, 1992.

⁵ Парусов А. И. К истории местного управления в России первой четверти XIX столетия // Уч. зап. Горьковского ун-та. Вып. 72, Т. 1. Горький, 1964. С. 155-226; Ревизия и реформа аппарата управления Сибири в 1819–1822 гг. // Уч. зап. Горьковского ун-та. Историко-философская сер. Вып. 72, Т. 1. Горький, 1964. С. 41-92.

управления под руководством профессора П. А. Зайончковского¹ и его учеников Н. П. Ерошкина², М. М. Сафонова³, С. В. Мироненко⁴ и др. Исследовательская методика, которую заложил П. А. Зайончковский, была основана на применении комплекса источников: законодательных актов, мемуаров, отчетов, формулярных и послужных списков. Особое внимание представляют труды Н. П. Ерошкина, где анализируются особенности местного управления на окраинах империи и затрагиваются военно-гражданские функции областных начальников, обусловленные особенностями пограничных регионов.

Г. Ф. Быконя проанализировал неподатное население Восточной Сибири в XVIII – начале XIX вв. преимущественно на примере енисейского региона. Автор провел обобщающее исследование по выявлению особенностей кадровой политики, изучил социальный состав бюрократического аппарата⁵.

Примечательным для нас является и работа О. В. Моряковой «Система местного управления России при Николае I». В этой работе наиболее подробно проведено исследование губернаторского корпуса второй четверти XIX в. и выявлены особенности губернаторской власти николаевского периода⁶.

В 60-70-х гг. XX в. появляются исследования, посвященные анализу губернаторских отчетов, где определяется значение данного исторического источника и рассматриваются вопросы их достоверности⁷. В условиях отсутствия специальных работ по исследованию отчетов областных начальников подобные труды имеют для нас фундаментальное значение.

¹ Зайончковский П. А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. М., 1978.

² Ерошкин Н. П. История государственных учреждений дореволюционной России. М., 1968; Крепостническое самодержавие и его политические институты. М., 1981; Местное государственное управление дореформенной России (1800-1860 гг.). М., 1985.

³ Сафонов М. М. Проблема реформ в правительственной политике России на рубеже XVIII- XIX вв. Л., 1988.

⁴ Мироненко С. В. Самодержавие и реформы. Политическая борьба в России в начале XIX в. М., 1989.

⁵ Быконя Г. Ф. Русское неподатное население Восточной Сибири в XVIII – начале XIX вв.: формирование военно-бюрократического дворянства. Красноярск, 1985.

⁶ Морякова О. В. Система местного управления России при Николае I. М., 1988.

⁷ Дятлова Н. П. Отчеты губернаторов как исторический источник // Проблемы архивоведения и источниковедения. Л., 1964. С. 227-246; Литвак Б. Г. О достоверности сведений губернаторских отчетов XIX в. // Источниковедение отечественной истории. Сб. статей. М., 1977. С. 125-164; Очерки источниковедения массовой документации XIX-начала XX в. М., 1979.

Исследованию политики российского правительства по освоению северо-восточных окраин Российской империи способствовали труды советских историков С. Б. Окуня и Р. Ф. Макаровой, которые основаны на обширном комплексе архивных данных¹.

М. М. Федоровым была проведена работа по изучению политики царской России в отношении инородцев Якутской области, где исследован поэтапно процесс интеграции аборигенного населения в общеимперское пространство². В 1980-е гг. Л. М. Дамешек детально изучил политику царской России касательно коренных народов Сибири в XIX в.³

В трудах Ф. Г. Сафронова представлены органы управления в Якутской области, имеются сведения о численности и составе чиновничьего аппарата Якутской областной администрации, представлены хронологические рамки их службы, проведена краткая характеристика деятельности якутских областных начальников. Исследования Ф. Г. Сафронова охватывают и вопросы обеспечения поставок на окраинах северо-востока России, политическую ссылку в Якутской области и др.⁴

В результате существования партийной идеологии изучение имперских институтов власти советскими историками проводилось односторонне, отсутствовало объективное и всестороннее исследование представителей царской России. Областные начальники продолжают рассматриваться в контексте тематики общегосударственного или регионального управления, где внимание

¹ Окунь С. Б. Российско-американская компания. М., 1939; Макарова Р. В. Русские на Тихом океане во второй половине XVIII в. М., 1968; Внешняя политика России на Дальнем Востоке (вторая половина XVIII в. – 70-е гг. XIX в.). М., 1982.

² Федоров М. М. Правовое положение народов Сибири в XVII – первой половине XIX вв. Якутск, 1978; Памятники права Саха (Якутия). Якутск, 1994.

³ Дамешек Л. М. Ясачная политика царизма в Сибири в XIX начале XX в. Иркутск, 1983; Внутренняя политика царизма и народы Сибири (XIX - начало XX вв.). Иркутск, 1986; Историко-правовое положение народов Сибири в освещении русской историографии XIX в. // Государственно-правовые институты самодержавия в Сибири. Иркутск, 1982. С. 131-137.

⁴ Сафронов Ф. Г. Русские крестьяне в Якутии в XVII – нач. XX вв. Якутск, 1961; Декабристы в Якутской ссылке. Якутск, 1975; Русские на Северо-Востоке Азии. В XVII – середине XIX в. М., 1978; Русские промыслы и торги на северо-востоке Азии в XVII — середине XIX в. М., 1980; Якуты: мирское управление в XVII – нач. XX в. Якутск, 1987; Тихоокеанские окна России. Хабаровск, 1988; Дореволюционные начальники Якутского края. Якутск, 1993.

уделяется губернской форме власти. При этом советская историография создала серьезную базу для дальнейших исследований, историками были введены в научный оборот обширный комплекс исторических источников.

Среди представителей зарубежной историографии XX в. представляют интерес труды В. Пинтнера и Д. Филда, где дается анализ социального состава бюрократического аппарата Российской империи, что стало основой для последующих исследований по составлению социального портрета дореволюционного российского чиновника¹.

С отходом от коммунистической идеологии и появлениями новых методологических подходов в науке в постсоветской России начинается новый этап в рассмотрении и переосмыслении вопросов истории государственного управления. Для нас примечателен коллективный труд московских историков «Национальные окраины Российской империи. Становление и развитие системы управления»², а также исследования В. В. Рабцевича³, где дается характеристика местных органов власти на окраинах империи. Л. Е. Шепелев провел анализ чиновничьего аппарата дореволюционной России, где, согласно его выводам, областные начальники Якутии в соответствии их чином входят в категорию «среднего чиновничества»⁴.

С возобновлением института губернаторства в России появляются труды, посвященные исследованию исторического опыта функционирования губернаторской и генерал-губернаторской должности в Российской империи⁵.

¹ Pintner W. M. The Social Characteristics of the Early Nineteenth Century Russian Bureaucracy // Slavic Review. 1970. Vol. 29. № 3. P. 429 - 433; Field D. The End of Serfdom: Nobility and Bureaucracy in Russia, 1855-1861. Cambridge. 1976.

² Национальные окраины Российской империи. Становление и развитие системы управления. М., 1997.

³ Рабцевич В. В. Государственные учреждения дореформенной Сибири (последняя четверть XVIII – первая половина XIX вв.: Справочник. Челябинск, 1998.

⁴ Шепелев Л. Е. Чиновный мир России: XVIII – XX в. СПб., 1999.

⁵ «Губернаторство в России: история, современность и перспективы» // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 1996. № 3. С. 12-20; Сибирские и тобольские губернаторы: исторические портреты, документы. Тюмень, 2000; Выдающиеся губернаторы тобольские и сибирские: XVIII–XX вв. Тюмень, 2000; Губернии Российской империи. История и руководители. 1708–1917. М., 2003; Гаркуша П. И. Правовой статус губернаторов в России. Ростов-на-Дону, 2003; Ляхов Б. А., В. С. Сухоруков Губернаторы России 1703 – 1917 гг. История в лицах. М., 2004; Манько А. В. Блюстители верховной власти: Институт губернаторства в России. М.,

Значительный вклад в изучении губернаторского и генерал-губернаторского звеньев власти внес Л. М. Лысенко. На основе массива архивных источников исследователь показывает процесс формирования, становления и эволюции данных институтов власти. Показано значение генерал-губернаторов в процессе интеграции окраинного региона в общеимперское пространство. Л. М. Лысенко, А. С. Минаков, Г. В. Алексушин отмечают роль министра внутренних дел, в губернаторском звене власти¹, что привлекает интерес к рассмотрению деятельности МВД в отношении других представителей местной власти – областных начальников.

В трудах В. Н. Иванова рассмотрены вопросы вхождения Якутии в состав Российского государства, анализируется исторический опыт управления народами Сибири в XVII – начале XX вв.² Фрагментарные сообщения по дореволюционной Якутии на основе вновь введенных в научный оборот архивных данных представлены А. А. Калашниковым в его работе «Якутия. Хроника. Факты. События. 1632–1917»³.

Н. П. Матханова в своих трудах, посвященных высшей администрации Восточной Сибири, относит областных начальников в категорию «среднего чиновничества». Автором составлен анализ чиновничьего аппарата по возрастным, имущественным и сословным критериям, рассмотрен характер власти генерал-губернаторов, а также вопрос об авторстве губернаторских и генерал-губернаторских отчетов, исследована специфика репрезентативности

2004; Михеева Ц. Ц. Эволюция института губернаторства в Российской Империи (Историко-правовой аспект): Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006; Алексушин Г. В. Самарские губернаторы: историко-краеведческие очерки. Самара, 1996; Развитие губернаторской власти в России (1708-1917 гг.): исторический опыт и уроки: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 2009; Толочко А. П. Генерал-губернатор степного края М.А. Таубе (Биографический очерк) // Азиатская Россия: люди и структуры империи. Омск, 2016. С. 397-402.

¹ Лысенко Л. М. Губернаторы и генерал-губернаторы Российской империи (XVIII – начало XX вв.). Издание 2-е, исправленное и дополненное. М. 2001; Минаков А. С. Губернаторский корпус и центральная власть: проблема взаимоотношений (по материалам губерний черноземного центра второй половины XIX - начале XX вв.): Автореф. дис... д-ра ист. наук. М., 2011; Алексушин Г. В. Развитие губернаторской власти в России (1708-1917 гг.): исторический опыт и уроки: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 2009.

² Иванов В. Н. Вхождение Северо-Востока Азии в состав Русского государства. Новосибирск, 1999; Якутия в составе русского государства (XVII в.). Якутск, 2002; Управление народами Сибири: исторический опыт // Северо-Восток Азии в контексте российской истории: сб. науч. ст. Якутск, 2005. С. 99-114.

³ Якутия. Хроника. Факты. События. 1632–1917. Сост. А. А. Калашников. Якутск, 2000; Якутия. Хроника. Факты. События. 1632–1917. Сост. А. А. Калашников. 2-е изд. доп. Якутск, 2002.

отчетов генерал-губернаторов в соавторстве с Н. Н. Родигиной. Кроме того, Н. П. Матханова провела существенную работу по изучению корпуса сибирской мемуаристики XIX в.¹

Кадровую политику в отношении формирования губернаторского корпуса первой половины XIX в. впервые наиболее подробно исследовала А. Н. Бикташева. Автор на примере Казанской губернии рассматривает механизм назначения губернаторов, роль высших государственных учреждений в процедуре назначения губернаторов, критерии их назначения. А. Н. Бикташева приходит к выводу, что образовательный уровень начинает играть важную роль в карьере губернатора лишь в середине XIX в.²

Среди работ, посвященных административно-территориальному устройству Российской империи, значительный интерес привлекает кандидатская диссертация О. П. Дамбаевой, где дается анализ областной формы управления. Исследователь проследила процесс формирования областей, в результате сравнительного анализа составила их классификацию, определила правовой статус административно-территориальной единицы и др. Однако автор в своем труде не акцентирует внимание на рассмотрение институтов власти, в частности, к должности областного начальника³.

Существенный вклад в изучение политики российского правительства в отношении окраин империи внесли сибирские историки А. В. Ремнев, Н. П.

¹ Матханова Н. П. Генерал-губернатор в системе управления России: закон и практика (на примере Восточной Сибири середины XIX в.) // Проблемы истории местного управления Сибири XVIII-XX в. Новосибирск, 1996; Генерал-губернаторы Восточной Сибири середины XIX века: В. Я. Руперт, Н. Н. Муравьев-Амурский, М. С. Корсаков. Новосибирск: Изд-во СО РАН. 1998; Губернаторские отчеты и жандармские донесения как источник по истории российского провинциального чиновничества середины XIX в. // Источники по русской литературе: Средневековье и Новое время. Новосибирск: Издательство СО РАН, 2000; Высшая администрация Восточной Сибири в середине XIX в.: проблемы социальной стратификации. Новосибирск, 2002; Сибирская мемуаристика XIX века. Новосибирск, 2010; Матханова Н. П., Родигина Н. Н. Всеподданейшие отчеты как источник для изучения представлений сибирских генерал-губернаторов второй половины XIX столетия о регионе // Гуманитарные науки в Сибири. 2019. № 1. С. 45–51.

² Бикташева А. Н. Критерии отбора Российских губернаторов: опыт Казанской губернии // Научные ведомости БелГУ. Сер. История. Политология. Экономика. Информатика. 2009. №7 (62), вып. 10. С. 107-113; Антропология власти. Казанские губернаторы первой половины XIX века. М., 2012.

³ Дамбаева О. В. Область в системе государственного устройства и управления Российской империи (XVIII - начало XX вв.): диссертация на соискание учёной степени кандидата юридических наук: 12.00.01. Уральская академия государственной службы. Екатеринбург, 2006.

Матханова, Л. М. Дамешек, И. Л. Дамешек, А. В. Гимельштейн, Д. Я. Резун, М. В. Шиловский¹. Л. М. Дамешек создал иркутскую историческую школу по изучению региональной политики империи на примере Сибири². Коллективная монография сибирских историков под руководством Л. М. Дамешека посвящена проблемам организации управления Сибирью, интеграции региона в общеимперское пространство³. Значительный интерес для нас привлекают совместные труды Л. М. Дамешека и И. Л. Дамешек, которые затрагивают проблемы функционирования генерал-губернаторской и губернаторской власти в Азиатской России, вопросам реализации сибирских реформ М. М. Сперанского 1822 г. и др.⁴

¹ Ремнев А. В. Самодержавие и Сибирь. Административная политика первой половины XIX века. Омск, 1995; Матханова Н. П. Высшая администрация Восточной Сибири в середине XIX в.: Проблемы социальной стратификации. Новосибирск, 2002; Дамешек И. Л. Сибирь в системе имперского регионализма (компаративное исследование окраинной политики России в первой половине XIX века). Иркутск, 2002; Гимельштейн А. В. Имперский регионализм и единоначалие: сибирская попытка // История и культура Восточной Сибири: гуманитарные исследования. Улан-Удэ, 2007. С. 13-19; Резун Д. Я., Шиловский М. В. Сибирь, конец XVI - начало XX века: фронт в контексте этносоциальных и этнокультурных процессов. Новосибирск, 2005.

² Дамешек Л. М. Сибирские «инородцы» в имперской стратегии власти XVIII-нач. XX вв. Иркутск, 2007; Национальная и окраинная политика как фактор хозяйственного освоения сопредельных территорий империи (XVIII-начало XX века) // Роль государства в хозяйственном и социокультурном освоении Азиатской России XVII – начала XX века: сб. материалов регион. науч. конф. Новосибирск, 2007. С. 35-41; Дамешек И. Л., Дамешек Л. М. Сибирь в системе имперского регионализма (1822-1917 гг.). Иркутск, 2009; Суворова Н. Г., Толочко А. П. Серия «Азиатская Россия»: новые исследования иркутских историков // II Омские исторические чтения. посв. проф. кафедры всеобщ. ист. ОмГУ им. Ф. М. Достоевского Г. К. Садретдинова. Сб. статей. Омск, 2009. С. 183-192; Дамешек И. Л. Российское законодательство и Сибирь. Соотношение имперских принципов и регионализма // Известия Иркутского государственного университета. Сер. История. 2012. № 2 (3), Ч. 1. С. 54-57; Дамешек Л. М. Административно-территориальное устройство и система управления Сибири в XVII – начале XX вв. Новосибирск, Т. 1. 2014; Генерал-губернаторский корпус Азиатской России и его особенности // Вестник Бурятского научного центра СО РАН. 2014. № 1(13). Улан-Удэ, 2014. С. 88-99; У истоков имперского регионализма // Вестник Бурятского научного центра СО РАН. 2014. № 2 (14). Улан-Удэ, 2014. С. 60-71; Управление административными процессами в пореформенной Сибири: сибирские инородцы, концепты и люди // Известия Иркутского государственного университета. 2020. Т. 32. С. 21-31.

³ Сибирь в составе Российской империи. М., 2007.

⁴ Дамешек Л. М., Дамешек И. Л. Генерал-губернаторский корпус Азиатской России и его особенности // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. 2014. № 1 (13). С. 88–99; У истоков имперского регионализма (к 195-летию назначения М. М. Сперанского сибирским генерал-губернатором // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. 2014. № 2. С. 60–71; Ясак в Сибири в XVIII – начале XX веков: монография. Иркутск, 2014; Особые комитеты как органы управления окраинами Российской империи в XVIII – первой половине XIX в. // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. 2014. № 3 (15). С. 85–100; Сибирская реформа М. М. Сперанского 1822 г. как проявление принципов имперского регионализма // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 426. С. 88-93; Сибирские генерал-губернаторы и судьбы Советов Главных управлений Сибири (1822-1887 гг.) // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. 2019. № 2 (34). С. 10-16; Социальный портрет генерал-губернаторского корпуса Азиатской России в свете одного юбилея (к 210-летию со дня рождения генерал-губернатора Восточной Сибири графа Н. Н. Муравьева-Амурского) // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской Академии наук. 2019. № 3 (35). С. 10-23; Сибирская управленческая комбинация Н. Н. Муравьева-Амурского и образование Забайкальской и Якутской областей // Известия Иркутского государственного университета. Серия «История». 2019. Т. 29. С. 33-41; Азиатское приграничье и внешнеполитические полномочия генерал-губернаторов Азиатской России // Вестник Томского государственного университета. История. 2019. № 61. С. 21-25; Дамешек И.Л., Дамешек Л.М. Имперская модель управления окраинами // Государственная власть и общество: на материалах городов Иркутской губернии XIX – начала XX веков. Иркутск, 2019. С. 8-20; Особые комитеты как органы управления окраинами Российской

В 2020 г. вышел обобщающий труд данных авторов совместно с новосибирским историком Н. П. Матхановой, который был посвящен генерал-губернаторской власти в Сибири, где в основном были затронуты такие персоналии, как М. М. Сперанский и Н. Н. Муравьев-Амурский¹.

И. Л. Дамешек посвятила свои исследования окраинной политике Российской империи. Историк отмечает, что статус российской окраины зависел от стратегического значения территории для государства, социально-экономического уровня развития региона и ее характера присоединения. Исследователь выделяет три типа управления окраинами: политическую автономию, административную автономию и наличие общеимперской государственной администрации на всех уровнях власти².

В 2016 г. был издан обобщающий труд уральских историков «Актеры российской имперской модернизации» (XVIII – начало XX в.): региональное измерение», где было проведено исследование движущих сил российской имперской модернизации XVIII – начала XX вв. Авторы обращают внимание не только на социальные акторы, но и на региональные институциональные (административный аппарат, органы самоуправления и др.)³.

Полезными для нас были и труды красноярских ученых. Г. Ф. Быконя рассмотрел служебное население Восточной Сибири в XVIII-начале XIX вв.⁴ Исследования Д. Н. Гергилева, Т.Г. Карчаевой и Н. С. Дуреевой посвящены

империи // Государственная власть и общество: на материалах городов Иркутской губернии XIX – начала XX веков. Иркутск, 2019. С. 20-62; Место Азиатской России в социально-экономических процессах империи // Государственная власть и общество: на материалах городов Иркутской губернии XIX – начала XX веков. Иркутск, 2019. С. 62-78; Институт генерал-губернаторов в Азиатской России: люди и структура. Государственная власть и общество: на материалах городов Иркутской губернии XIX – начала XX веков. Иркутск, 2019. С. 78-98.

¹ Дамешек Л. М., Дамешек И. Л., Матханова Н. П. «Главные бенефициары неприкосновенности верховных прав самодержавия и пользы государства»: М. М. Сперанский, Н. Н. Муравьев-Амурский и другие сибирские генерал-губернаторы. Иркутск, 2020.

² Дамешек И. Л. Сибирь в системе имперского регионализма (компаративное исследование окраинной политики России в первой половине XIX в.). Иркутск, 2002; Российские окраины в имперской стратегии власти (начало XIX – начало XX вв.). Иркутск, 2005.

³ Актеры российской имперской модернизации (XVIII – начало XX вв.): региональное измерение / Институт истории и археологии УрО РАН. Екатеринбург, 2016.

⁴ Быконя Г. Ф. Казачество и другое служебное население Восточной Сибири в XVIII-начале XIX в. (демографо-сословный аспект). Красноярск, 2007.

анализу системы местного управления в Сибири в первой половине XIX в., в частности на примере Енисейской губернии¹.

На современном этапе исследователи активно рассматривают ежегодные отчеты сибирских губернаторов и генерал-губернаторов как источник изучения общественно-политической и социально-экономической жизни дореволюционной Сибири. Это труды О. А. Малыгиной, Л. В. Кальминой, А. С. Маджарова, Е. Л. Пономаревой, А. А. Иванова, С. Л. Кураса². Однако специальных работ по годовым отчетам областных начальников до сих пор не имеется.

Вопросы истории управления Якутии с середины XVIII-XIX вв. рассмотрены А. А. Борисовым. Автором анализируются особенности областной формы управления на северо-востоке Российской империи, где акцент ставится на полиэтничность региона³. Городские уровни управления и представительные

¹ Гергилев Д.Н. Результаты губернской реформы Екатерины II для регионов России (на примере Сибири) // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2018. № 3-2. С. 11-13; Исторические особенности административного управления Восточной Сибирью (с 1822 г. до середины XIX в.) // Известия Алтайского государственного университета. 2018. № 2 (100). С. 41-45; Административно-территориальное устройство Сибири в 1708-1917 гг. Красноярск, 2018; Административно-территориальное управление Сибирью в XVIII-начале XX в.: диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук: Дис. ... канд. ист. наук. Красноярск, 2021; Гергилев Д. Н., Дуреева Н. С. Особенности административно-территориального положения России в начале XIX века (на примере Сибири) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2017. № 2. С. 30-33; Сибирь как пример оптимальных государственных механизмов управления // Вестник Томского государственного университета. 2017. С. 103-108; Верхотурова Т. Г. Штаты и численность Енисейской губернской администрации (1822-1917 гг.) // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В. П. Астафьева. 2011. № 2. С. 233-238; Карчаева Т. Г. Привилегии государственной службы в Енисейской губернии: исторический аспект (1822-1917) // Вестник КрасГАУ. 2012. № 4. С. 229-236; Губернаторы Енисейской губернии (социальный портрет сибирского чиновничества) // Известия Иркутского государственного университета. Серия «История». 2014. №7. С. 44-50.

² Малыгина О. А. «Инородческий вопрос» в делопроизводстве военных губернаторов Забайкальской области (вторая половина XIX – начало XX в.) // Вестник Бурятского государственного университета. Серия «История». № 7. 2013. С. 146–149; Маджаров А. С., Пономарева Е. Л. Социальная история Сибири 50-80-х гг. XIX в. в материалах всеподданейших отчетов генерал-губернаторов // Известия Иркутского государственного университета. Серия «История». 2015. Т. 14. С. 6–17; Кальмина Л. В., Малыгина О. А. «Желательно нарушение обособленной сплоченности инородцев...» (инородческий вопрос в представлениях военных губернаторов Забайкальской области) // Известия Иркутского государственного университета. Серия «История». Т. 15. 2016. С. 39–49; Иванов А. А., Курас С. Л. Всеподданейшие отчеты иркутских генерал-губернаторов конца XIX – начала XX в. как источник изучения сибирской политической ссылки // Известия Иркутского государственного университета. Серия «История». 2019. Т. 27. С. 99–113.

³ Борисов А. А. Исторические предпосылки и значение образования Якутского областного управления (к постановке проблемы) // Известия ИГУ. Серия «История». 2017. Т. 19. С. 6-14; Область как альтернативная форма регионального управления на Северо-Востоке Российской империи // Известия Иркутского государственного университета. Серия «История». 2017. Т. 21. С. 63-67; Переходный период в истории местного управления в Якутии в 1775-1805 гг. // Столица и провинции: взаимоотношение центра и регионов в истории России. СПб., 2018. С. 157-161; Якутское областное управление и инородческое самоуправление: формирование вертикали власти (1775-1810-е гг.) // Известия ИГУ. Серия «История». 2018. Т. 23. С. 6-15; Якутское чиновничество в 1775-1803 гг. // Гуманитарные науки в Сибири. 2019. Т. 26. С. 16-22.

органы власти дореволюционного Якутского края и Восточной Сибири исследованы П. П. Петровым¹ и М. М. Плотниковой². На современном этапе отечественной историографии социально-экономические процессы в Якутской области в XIX в. рассматривались Н. И. Бурнашевой³. Вопросы сибирского купечества и его роль в процессе интеграции сибирской окраины в общеимперское пространство рассматривались В. П. Шахеровым⁴ и М. Д. Кушнаревой⁵. Система образования в дореволюционной Якутии и Восточной Сибири изучалась А. И. Макаровой⁶ и И. Н. Мамкиной⁷. Инкорпорация Якутии в Российскую империю на примере религиозного компонента рассмотрена И. И. Юргановой. В своих трудах исследователь также проводит характеристику взаимоотношений светской и духовной власти⁸.

А. В. Ремневым наиболее подробно исследовано административное устройство Охотско-Камчатского края, анализирована геополитическая роль

¹ Петров П. П. Города Якутии 1861-1917 гг. Якутск, 1990; Город Якутск: представительные органы управления (1822-2012). Якутск, 2012.

² Плотникова М. М. Городские думы Восточной Сибири в последней четверти XVIII-первой половине XIX вв.: практика городского самоуправления и бюджетная политика городов. Дис. ... докт. ист. наук. Иркутск, 2019.

³ Бурнашева Н. И. Экономика Якутии в XIX веке: первые шаги к рыночным отношениям // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2015. № 2. С. 15-19; Создание и развитие государственной системы продовольственной безопасности в Якутии в XIX веке // Научный диалог. 2020. № 2. С. 308-321.

⁴ Шахеров В. П. Иркутск купеческий: история города в лицах и судьбах. Хабаровск, 2006; Предпринимательство и власть в Сибири XVIII – первой половины XIX в.: от конфронтации к партнерству // Известия ИГУ. Серия «Политология. Религиоведение». 2015. Т. 12. С. 57-69.

⁵ Кушнарева М. Д. Роль купечества в процессе инкорпорации сибирской окраины в общеимперское пространство в конце XVIII-XIX вв. // Известия ИГУ. Серия «История». 2020. Т. 33. С. 112-115; Кушнарева М. Д. Исторический портрет якутского купца 1-й гильдии П. А. Кушнарева // Гуманитарный вектор. 2020. Т. 15. № 3. С. 91-99; Кушнарева М. Д. Исторический портрет якутского купца 1-й гильдии А. М. Кушнарева // Известия ИГУ. Серия «История». 2020. Т. 32. С. 4-10.

⁶ Макарова А. И. История женского образования в Якутии (конец XIX – начало XX века). Якутск, 2018; Деятельность губернаторов Якутской области в сфере народного образования во второй половине XIX-начале XX в. // Общество: философия, история, культура. 2018. № 12 (56). С. 64-68; Историографический аспект проблемы государственной политики в области образования в Якутии в конце XIX - начале XX вв. // Вестник СВФУ. Серия: История. Политология. Право. 2018. № 2 (10). С. 5-11; Частная и общественная инициатива в становлении и развитии народного образования в Якутской области во второй половине XIX-начале XX вв. // Общество: философия, история, культура. 2019. № 10 (66). С. 34-38; Роль системы образования в социокультурном развитии Якутского края во второй половине XIX-начале XX вв. // Общество: философия, история, культура. 2020. № 12 (80). С. 105-108; Становление и развитие инородческой начальной школы в Якутской области во второй половине XIX-начале XX веков // Научный диалог. 2020. № 7. С. 375-389.

⁷ Мамкина И. Н. Развитие системы общего образования в Восточной Сибири в условиях модернизации (1864-1917 гг.): монография. Чита, 2016.

⁸ Юрганова И. И. Инкорпорация Якутского края в Российскую империю на примере христианизации // Вестник СВФУ. 2012. Т. 9. № 2. С. 95-98; Особенности духовного управления Якутии (XVII-нач. XX в.) // Клио. 2018. № 10 (142). С. 84-89; Деятельность Русской православной церкви в Якутском крае: инкорпорация в русскую государственность (XVII-нач. XX в.): Дис. ... докт. ист. наук. Иркутск, 2017; «До царя далеко, до Бога высоко...» (из истории взаимоотношений светской власти и духовенства в Якутском крае) // Гуманитарный вектор. 2018. Т. 13. № 4. С. 102-109.

региона в империи¹. История освоения северо-восточных окраин империи рассмотрены Д. А. Шириной, С. И. Бояковой и др.² Среди работ, посвященных деятельности Российско-Американской компании, стоит отметить, к примеру, труды Е. В. Алексеевой, Л. И. Галлямовой, А. В. Гринева и А. Н. Ермолаева³. Труды П. Л. Казаряна направлены на исследование истории политической ссылки в Якутии, а также Иркутского, Охотского трактов и Охотско-Камчатского края⁴. Кроме того, изучению региональной специфики деятельности якутских областных начальников способствовали труды и других исследователей, чьи

¹ Ремнев А. В. Региональные параметры имперской «географии власти» (Сибирь и Дальний Восток) // *Ab Imperio*. 2000. № 3-4. С. 343-358; Россия Дальнего Востока. Имперская география власти XIX – начала XX веков: Монография. Омск, 2004.

² Ширина Д. А. Петербургская академия наук и Северо-Восток. 1725-1917 гг. Новосибирск, 1994; Россия: научное исследование Арктики. XVIII-1917 г. Новосибирск, 2001; Якутск и академические экспедиции XVIII-XIX столетия // *Город Якутск: история, культура, фольклор*. Якутск, 2007. С. 108-117; Роль отечественной академии в исследовании северо-востока Российской Арктики XVIII-начала XX вв. // *Исследования Российской Арктики: прошлое, настоящее, будущее. Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной Международному Полярному Году (2007-2008 гг.)*. Архангельск, 2008. С. 43-48; Академия наук XVIII-начала XX вв.: организация естественно-научного исследования отечественного северо-востока // *История наук о земле: исследования, этапы развития, проблемы. Материалы международной научной конференции*. М., 2008. С. 113-114; Отечественная академия наук и научное изучение Арктики в XVIII - начале XX века // *Якутский архив*. 2008. № 2. С. 3-13; Боякова С. И. Освоение Арктики: история, политика, стратегия // *Наука и образование*. 2000. № 2. С. 5-11; Освоение Арктики и народы северо-востока Азии (XIX-1917 г.). Новосибирск, 2011; Арктическая политика России и народы северо-востока Азии (1800-1860-е годы) // *Якутия – форпост освоения северо-востока Сибири, Дальнего Востока и Русской Америки (XVII-XX века)*. Якутск, 2004. С. 121-130; Из истории Охотского тракта // *Томпонский улус (район): история, культура, фольклор*. Сб. статей. Сер. «Улусы Республики Саха (Якутия)». Якутск, 2007. С. 47-53; Захаров В. П. Вклад дореволюционной Якутии в освоение Северо-Востока и сегодняшние проблемы Республики // *Якутия – форпост освоения Северо-Востока Сибири, Дальнего Востока и Русской Америки (XVII-XX века)*. Якутск, 2004. С. 273-277; Роль якутов в присоединении северо-востока Азии // *Коренные народы Сибири: история, традиции и современность. Материалы международной научно-практической конференции с международным участием*. М., 2014. С. 52-57; Дамешек Л. М., Захаров В. П. Якутия в освоении Северо-Востока Азии в 30-е гг. XVIII-начало XX в. // *Известия Иркутского государственного университета. Серия: История*. 2015. Т. 12. С. 6-12.

³ Алексеева Е. В. Управление Российскими колониями в Америке (1741-1867 гг.) // *Уральский исторический вестник*. Екатеринбург. 1996. № 3. С. 100-108; Галлямова Л. И. О роли Российско-Американской компании в освоении Русского Дальнего Востока // *Русская Америка и Дальний Восток (конец XVIII в. – 1867 г.)*. Владивосток, 2001. С. 282-285; Гринева А. В. Динамика высшей управленческой элиты Российско-Американской компании // *Клио*. 2002. № 3. С. 72-84; Ермолаев А. Н. Российско-Американская компания в Сибири и на Дальнем Востоке (1799 – 1871 гг.). Кемерово, 2013.

⁴ Казарян П. Л. Якутия в системе политической ссылки России, 1826-1917 гг. Якутск, 1998; Генезис политической ссылки в России (конец XV-начало XIX в.). Учебное пособие. Владивосток, 1999; Ссылка на северо-восточную Россию (середина XVII – начало XX вв.). Проблемы археографии // *Сибирская ссылка*. Сб. научных статей. Иркутск, 2017. С. 27-42; Пути сообщения в Якутии (XVII - начало XX века) // *Транспорт России. Анализ. Проблемы. Перспективы*. М., 2005. Выпуск 3. С. 387-395; Первый тракт на Северо-Востоке России // *Наука и техника в Якутии*. 2006. № 2 (11). С. 50-57; Первый Российский тракт к берегам Тихого океана. ВЕСТНИК РАЕН. 2007. № 2. С. 84-90; Иркутско-Якутский почтовый тракт: история становления // *Управление Мегалополисом*. 2008. № 6. С. 53-63; План П.Ф. Кузмищева 1834 года о передаче Охотско-Камчатского края Российско-Американской компании. Якутск, 2009; Сухопутные сообщения Северо-Восточной России (XVII в. - 1920 г.). Якутск, 2012.

труды посвящены ссылке¹, этнической политике царской России и социально-экономическим и культурным процессам Сибири в XIX в.²

Значительный интерес представляли исследования З. И. Петуховой³, где освещается деятельность Н. И. Мягкова по внедрению «Устава об управлении инородцев» 1822 г., рассматривается роль и либерализм якутского областного начальника в реализации реформ М. М. Сперанского, развитии инородческого самоуправления на Северо-Востоке империи. Впервые после Ф. Г. Сафронова в монографии З. И. Петуховой были опубликованы новые сведения из биографии некоторых областных начальников Якутии.

Среди работ зарубежной историографии интерес привлекают монографии А. Каппелера «Россия – многонациональная империя: Возникновение, история, распад» и Дж. Хоскинга «Россия: народ и империя (1552-1917)». А. Каппелер обращает внимание на национальные движения в имперском периоде. В работе Дж. Хоскинга отмечается отсутствие вмешательства российской власти в

¹ Перцева Т. А. Наказание декабристов: долженствующее и реальное // Сибирская ссылка. Иркутск, 2011, вып. 6 (18). С. 107-123; Степанова Н.Г. (Шенмайер). Управление каторгой в Сибири в начале XX века (правовой аспект) // Сибирская ссылка: Сборник научных статей. Иркутск: Отгиск 2011. С. 92-106; Иванов А. А. Политическая ссылка Иркутской губернии первой половины XIX века // Известия Иркутской государственной экономической академии (Байкальский государственный университет экономики и права). 2015. Т. 6. № 2. URL: <http://eizvestia.isca.ru/reader/article.aspx?id=20040>; Юрганова И. И. Из истории ссылки по религиозным мотивам в Якутию (вторая половина XIX – начало XX в.) // Известия Иркутского государственного университета. Серия «Политология». 2016. Т. 16. С. 135-140.

² Иванова Т. С. Основные этапы общественно-политического и государственного развития Якутии в составе России (XIX- 30-е гг. XX в.). М., 2000; Максимова О. Д. Правовое регулирование общественных отношений якутов в XIX – начале XX вв. Якутск, 2001; Дьяконова Н. Н. Якутская интеллигенция в национальной истории: судьбы и время (Конец XIX в. - 1917 г.). Новосибирск, 2002; Боякова С. И. «Устав об управлении инородцев» 1822 года: правовой статус и управление народами северо-востока Азии // История либерализма в Якутии. Сб. научных статей. Якутск, 2005. С. 27-34; Становление и эволюция системы органов общественного управления народов Севера Якутии (2-я пол. XVIII – нач. XX в.) // Якутская Степная дума – первый опыт областного самоуправления. Материалы научно-практической конференции. Якутск, 2007. С. 93-98; Никитина С. Е. Местное управление Якутской области и реформа М. М. Сперанского // Современные проблемы гуманитарных и естественных наук. Вторая международная научно-практическая конференция. Т. 2. М., 2010. С. 105-109; Самоуправление народа Саха в Якутской области XVII-XIX вв. в контексте имперской государственности // Новые исследования Тувы. № 4. 2010. С. 194-209; Борисов А. А. Якутские исторические этюды. Якутск, 2003; Борисов А. А., Л. М. Дамешек. Степные думы Сибири: исторический опыт самоуправления в имперской системе власти // Известия Иркутского государственного университета. Серия «Политология. Религиоведение». № 1 (6). 2011. С. 123-135; К изучению динамики численности якутов в XIX в. // Новый исторический вестник. № 3. 2011. С. 8-15; Миронов Б. Н. Управление этническим многообразием Российской империи. СПб., 2017.

³ Петухова З. И. Якутская Степная Дума (1827 -1838 гг.). Якутск, 2007; «Устав об управлении инородцев» М. М. Сперанского и учреждение Степной думы в Якутии // Россия и АТР. 2011. № 3. С. 13-18; Инициативы Якутской Степной думы по расширению полномочий // Вестник Бурятского государственного университета. Педагогика. Филология. Философия. 2011. № 7. С. 28-32; Н. И. Мягков: начальник Якутской области (1825-1831 гг.) // Казанская наука. 2012. № 4. С. 29-31.

областях империи по вопросам религии, образования, местного управления и судопроизводства¹.

В современной отечественной историографии, в отличие от работ, посвященных областным начальникам Якутии, проводятся активные исследования по институту губернаторства в Якутской области, среди них труды А. А. Павлова, А. И. Архиповой, Н. В. Третьяковой и др., которые посвящены персоналиям, в частности, по И. И. Крафту, В. Н. Скрипицыну, К. Н. Светлицкому, Ю. Н. Штубендорфу. А. И. Архипова провела комплексное исследование института губернаторства на примере Якутии в XIX-нач. XX вв.²

Итак, историография постсоветского периода характеризуется повышением интереса к губернской форме власти в связи с реформированием местного управления в Российской Федерации, в это время появляется ряд крупных обобщающих работ по организации местной власти имперского периода. В

¹ Каппелер А. Россия – многонациональная империя. Возникновение, история, распад. М., 2000; Хоскинг Дж. Россия: народ и империя (1552-1917). Смоленск, 2001.

² Казарян П. Л. Ю. И. Штубендорф-первый правитель дел СОИРГО, губернатор Якутской области // Якутский архив. 2001. № 3. С. 57-60; Матханова Н. П. Юлий Иванович Штубендорф: губернатор на фронтире и исследователь Сибири // Немецкий этнос в Сибири: альманах гуманитарных исследований. Новосибирск, 2002. Вып. 3. С. 90-98; Калашников А. А. К. Н. Светлицкий // Руководители Якутии. Якутск: Бичик, 2012. С. 69-72; Павлов А. А. Губернатор И. И. Крафт: опыт управления Якутской областью. Якутск, 2003; Павлов А. А. И. И. Крафт // Руководители Якутии. Якутск, 2012. С. 78-84; Р. Э. фон Витте // Руководители Якутии. Якутск, 2012. С. 84-91; Третьякова Н. В. Губернаторская власть в Якутии // Теория и практика общественного развития 2015. № 18. С. 217-220; Третьякова Н. В. Вице-губернаторы Якутской области // Общество: философия, история, культура. 2017. № 11. Архипова А. И. Якутская область в общеимперском пространстве по материалам всеподданнейших отчетов губернаторов (конец XIX начало XX вв.) // История и историки в контексте времени. 2011. № 8. С. 155-163; Губернаторская власть и политика в отношении инородческого населения на рубеже XIX-XX вв. в Якутской области // Власть и управление на Востоке России. 2011. №4 (57). С. 114-117; В. Н. Скрипицын // Руководители Якутии. Якутск, 2012. С. 72-78; Губернаторский корпус Якутской области: социальный портрет // Известия ИГУ. Серия «История», № 15. 2016. С. 73-78; Кадровая политика на северо-востоке России как отражение интересов центра и региона (вторая половина XIX в.) // Известия ИГУ. Серия «История». 2017. Т. 21. С. 72-76; Административное устройство и управление Северо-Востока России: институт губернатора в середине XIX-начале XX вв.: Дис. ... канд. ист. наук. Иркутск, 2019; Якутская область в административно-территориальном устройстве Азиатской России XIX века // Научный диалог. 2018. № 12. С. 288-299; О предпосылках учреждения должности губернатора в Якутской области (середина XIX в.) // Столица и провинции: взаимоотношения центра и регионов в истории России. Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием. 2018. С. 161-164; Северо-Восток России в проектах административно-территориальных преобразований (50-80-е гг. XIX в.) // Карамзинские чтения. Вторая научно-практическая конференция «Карамзинские чтения», посвященная 200-летию юбилею императора Александра II Освободителя. 2018. С. 216-222; Якутская область в административных преобразованиях генерал-губернатора Н. М. Муравьева // Общество: философия, история, культура. 2019. № 9 (65). С. 57-60.

Сибири формируется научная школа по исследованию истории управления Азиатской России, изучению процесса интеграции сибирской окраины в имперское пространство, что говорит об актуальности изучения истории регионального управления на современном этапе. При этом исследователи не акцентировали свое внимание на рассмотрение института областного начальника в империи.

Таким образом, в историографии отсутствуют специальные работы по изучению института областного начальника Российской империи и в целом рассматривались сравнительно мало. Историография по-прежнему оставляет якутских областных начальников в тени своих коллег – губернаторов. Данный институт власти рассматривается в контексте работ, посвященных «губернаторской тематике», и в исследованиях, посвященных общей системе управления Российской империи первой половины XIX в. Интересные биографические находки о жизни и деятельности якутских областных начальников, а также социокультурные характеристики даны лишь по отдельным личностям и довольно в краткой форме.

Объектом исследования выступает институт областного начальника в Якутской области в первой половине XIX в.

Предмет исследования – возникновение, формирование и функционирование института областного начальника в Якутии в системе местного управления Российской империи.

Цель диссертации – рассмотреть и охарактеризовать институт областного начальника в системе местного управления Российской империи, определить специфику функционирования института на примере Якутской области.

Для достижения данной цели нами определены следующие **задачи**:

Провести компаративный анализ института областного начальника Российской империи;

Рассмотреть исторические предпосылки учреждения института областного начальника в Якутии и определить его правовой статус;

Исследовать кадровую политику российского правительства в отношении формирования корпуса якутских областных начальников и рассмотреть его кадровый состав;

Проанализировать региональную специфику деятельности якутских областных начальников;

Рассмотреть проблемы взаимодействия областных начальников Якутии с представителями высшей сибирской администрации.

Хронологические рамки исследования охватывают период с 1805 до 1852 года. Нижняя хронологическая граница обусловлена временем учреждения института областного начальника в Якутии. Верхняя хронологическая граница объясняется введением в действие «Положения об управлении Якутской областью», согласно которому Якутская область стала существовать на правах губернии, где должность областного начальника была заменена на гражданского губернатора.

Территориальные рамки охватывают северо-восточную часть Азиатской России – Якутскую область в первой половине XIX в.

Методология и методика исследования. Методологию исследования составили принципы историзма, научной объективности и системности. Принцип историзма подразумевает анализ деятельности областных начальников Якутии в исторической перспективе. Принцип объективности основан на комплексном анализе источников и литературы, вне зависимости от субъективных пристрастий и идеологической принадлежности. Принцип системности предполагает

рассмотрение института областного начальника как составную часть в системе государственного управления Российской империи.

Исходя из поставленных задач нами использованы следующие методы: проблемно-хронологический, структурно-функциональный, историко-сравнительный, ретроспективный, историко-биографический, историко-антропологический. Проблемно-хронологический метод способствует изучению поставленной проблемы в ее последовательном развитии. Структурно-функциональный позволяет исследовать закономерности становления института областного начальника и составить анализ основных направлений его деятельности в исторической динамике. Историко-сравнительный дает возможность выявить общие и специфические черты института в функционировании института областного начальника в сравнении с другими областями и губерниями империи. Ретроспективный метод позволяет провести реконструкцию данного исторического периода с помощью массива исторических источников. Историко-биографический метод направлен на реконструкцию процесса формирования и развития личностей начальников Якутской области. Историко-антропологический подход способствует выявлению роли личностных характеристик областных начальников в политических событиях и процессах.

Источниковая база. Исследование основано на комплексе опубликованных и неопубликованных источников: нормативно-правовых документов, делопроизводственных материалов, документов личного происхождения.

Законодательные акты. Основная база нормативно-правовых документов, необходимых для выявления статуса и функционирования института областного начальника в Якутии, содержится в двух собраниях Полного собрания законов Российской империи (1649-1881 гг.) и «Своде законов Российской империи». В контексте изучения кадровой политики российского правительства в отношении формирования корпуса якутских областных начальников рассмотрено законодательство, направленное на удержание чиновников на службе в Сибирь:

«О распространении на Тобольскую губернию силы указов, данных 21-го марта 1798 и 17 ноября 1803 года для Иркутской и Томской губерний, о награждении чинами определяемых в оныя губернии чиновников» 1810 г.; «Об определении чиновников в присутственные места Иркутской губернии с награждением чинов и с выдачею прогонных денег на проезды» 1798 г. Локальные нормативно-правовые акты представлены, прежде всего, именным указом Александра 1 «Об учреждении в городе Якутск правления, под именем Якутского областного правления» 1805 г., согласно которому был учрежден институт областного начальника в Якутии, и сибирскими реформами М. М. Сперанского 1822 г.: «Учреждение для управления Сибирских губерний», «Устав об управлении инородцев», «Устав о ссыльных» 1822 г. и «Устав о сибирских городских казаках» и др. императорскими указами, связанными с образованием областей во главе с областными начальниками на определенных территориях Кавказского региона.

Делопроизводственные документы. *Годовые отчеты* якутских областных начальников, содержащие обширные сведения по политической и социально-экономической жизни Якутской области, составили центральное место среди исторических источников. Важнейшую ценность имеют найденные в фондах центральных архивных ведомств *формулярные и послужные списки* всех начальников Якутской области, которые позволили проанализировать кадровый состав, составить социальный портрет чиновников по ряду критериев: сословному происхождению, уровню образования, имущественному положению, административно-хозяйственному и военному опыту и др. Другую важную часть делопроизводства составили *предписания* МВД, генерал-губернаторов, иркутских гражданских губернаторов, якутских областных начальников, *рапорты, прошения* чиновников нижних ведомств и др.

Источники личного происхождения. Данную категорию составили опубликованные *записки и воспоминания* представителей высшей администрации Сибири, чиновников Якутской области, Охотска, Иркутской губернии,

*воспоминания и письма декабристов, путевые записки путешественников и др*¹. Интересные биографические сведения о якутском областном начальнике опубликованы бывшим чиновником по особым поручениям Якутского областного правления А. Я. Уваровским. «Воспоминание» Уваровского также является первым литературным произведением на якутском языке, где дается характеристика деятельности якутского областного начальника Н. И. Мягкова в отношении аборигенного населения. Источниковая база диссертационного исследования обладает достаточной репрезентативностью, что позволило реконструировать процесс возникновения, формирования и функционирования института областного начальника в Якутии в системе местного управления Российской империи.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Институт областного начальника являлся переходной формой власти, который функционировал в процессе инкорпорации окраинного региона в политическое и социально-экономическое пространство Российской империи.

2. В структуре властной цепочки место института областного начальника имело равный статус с губернаторской должностью, которая являлась промежуточным звеном между высшей и местными органами власти: генерал-губернатор (наместник) – областной начальник (губернатор) – окружной исправник (уездный начальник). Однако функционирование института областного начальника на Северо-Востоке Сибири характеризовалось двойным административным подчинением на региональном уровне – генерал-губернатору и иркутскому гражданскому губернатору.

¹ Письмо к издателю // Вестник Европы. 1808. № 5. С. 18-23; Записки флота капитана Головнина: часть вторая: О приключениях его в плену у японцев в 1811, 1812 и 1813 годах: С приобщением замечаний его о японском государстве и народе. СПб., 1816; Cochrane, John Dundas. Narrative of a pedestrian journey through Russia and Siberian Tartary, from the frontiers of China to the Frozen sea and Kamchatka. Vol. 1 / by capt. John Dundas Cochrane. 3 edition. Printed for Charles Knight, 1825; Геденштром М. М. Отрывки о Сибири. СПб., 1830; Щукин Н. С. Поездка в Якутск. СПб., 1844; Александр Бестужев в Якутске. Неизданные письма его к родным / Публ. Подгот. М. Семевский // Русский вестник. 1870. № 6. С. 213-264; Записка о службе И. Б. Пестеля, им самим писанная // Русский архив. 1875. Кн. 1, № 4. С. 370-407; Врангель Ф. П. Путевые записки адмирала барона Ф. П. Врангеля // Исторический вестник. 1884. Т. 18. № 10. С. 162-180; Струве Б. В. Воспоминания о Сибири. 1848-1854 г. СПб., 1889; Посмертные записки Николая Васильевича Берга // Русская старина. 1890. Т. LXV. С. 293-319; Записки Э. И. Стогова // Русская старина. 1903. № 3. С. 459-476; Муравьев-Апостол М. И. Воспоминания и письма. СПб., 1922; Уваровский А. Я. Воспоминания. Якутск, 1995.

3. Учреждение института областного начальника в Якутии зависело от следующих региональных факторов: 1) географического положения, обоснованного тесной связью с северо-восточными окраинами империи, а также обширностью и удаленностью края от губернского центра – г. Иркутска; 2) малонаселенности края, что стало препятствием к учреждению губернской формы власти в Якутии. Образование новой формы управления и отсутствие других институтов власти, которые соответствовали бы назревшим условиям и формату областного управления, требовали учреждения своего «губернатора», где правительство остановилось на учреждении новой должности – областного начальника.

4. Политика освоения и укрепления северо-восточных окраин Российской империи являлась ключевым фактором при образовании данного института власти в Якутии, что объясняет и особенность кадровой политики правительства в отношении формирования корпуса якутских областных начальников. Зачастую данную должность занимали люди из военно-морской среды, обладавшие соответствующими деловыми качествами.

5. В условиях административного подчинения Якутской области Иркутской губернии и существования кадровой проблемы в Сибири областью руководили представители «среднего чиновничества». При этом в результате действующих сибирских привилегий по службе многие якутские областные начальники находились в званиях «статского советника».

6. Региональную специфику деятельности начальника Якутской области определяли: необходимость обеспечения северо-восточных окраин государства, пенитенциарный фактор и полиэтничность региона.

Научной новизной является то, что впервые в историографии на основе использования многообразного корпуса источников предпринята попытка комплексного исследования института областного начальника на Северо-Востоке Российской империи. Впервые рассмотрен процесс образования института областного начальника в различных частях государства, определен правовой статус и выявлены особенности функционирования данного института власти.

Определена специфика правового положения начальника Якутской области в сравнении с западносибирскими и кавказскими коллегами. В диссертации выявлены региональные факторы Якутии, повлиявшие на формирование нового института власти на Северо-Востоке России в начале XIX в. – областного начальника. Формулярные и послужные списки способствовали рассмотрению принципов формирования корпуса областных начальников в Якутии, составлению социокультурной характеристики начальника Якутской области. В контексте региональных особенностей рассмотрен их круг обязанностей, изучена деятельность якутских областных начальников.

Практическая значимость работы обусловлена тем, что его результаты могут быть использованы при анализе реформ институтов государственного управления в России, осуществлении региональной политики. Кроме того, материалы исследования могут быть необходимы при написании учебных пособий, при составлении учебных программ и чтении курсов по «Истории Якутии», «Истории Сибири», «Истории государственных учреждений», «Истории государства и права», «Истории России». Работа восполнит некоторые пробелы в историографии по проблемам управления Сибирью. Данные будут востребованы при составлении справочников, энциклопедии, календарей знаменательных и памятных дат Якутии, в музейном деле и краеведческой работе.

Апробация исследования. Результаты и выводы исследования изложены в семнадцати статьях, из них одиннадцать в изданиях, рекомендованных ВАК. Отдельные положения диссертационного исследования были представлены на международных, всероссийских и региональных научных конференциях: на Международной научно-практической конференции «Сибирь в России, Россия в Сибири: история региональной политики как фактор формирования сибирской идентичности», г. Иркутск, 27-29 сентября 2017 г.; на Международной научной конференции «Народы России, Сибири и стран Востока» история и современность», г. Иркутск, 21 апреля 2021 г.; на Международной научно-практической конференции «Россия-Монголия: 100 лет вместе», посвященной

100-летию установления российско-монгольских дипломатических отношений», г. Иркутск, 20 мая 2021 г.; на VIII международном Сибирском историческом форуме, г. Красноярск, 21-23 сентября 2021 г.; на Всероссийском форуме научной молодежи «Эрэл-2014», г. Якутск, 24-28 ноября 2014 г.; на Всероссийской научно-теоретической конференции «Сибирь в изменяющемся мире. История и современность», г. Иркутск, 23 апреля 2018 г.; в VII Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 210-летию со дня рождения Н. Н. Муравьева-Амурского, 170-летию со дня рождения А. М. Сибирякова, г. Иркутск, 24-25 октября 2019 г.; на XI Всероссийской научной конференции «Столица и провинции: проблемы взаимоотношений центра и регионов в истории России», г. Санкт-Петербург, 13 марта 2020 г.; на Всероссийской научно-теоретической конференции «Сибирь в изменяющемся мире. История и современность», г. Иркутск, 22 апреля 2020 г.; на XII Всероссийской научной конференции «Столица и провинции: проблемы взаимоотношений центра и регионов в истории России», г. Санкт-Петербург, 12 марта 2021 г.; на X Крушановских чтениях, г. Владивосток, 1-3 июня 2021 г.; на Всероссийской научно-практической конференции «Социально-экономическое развитие Северо-Востока России в XIX-начале XXI в.»: исторический опыт, дискуссии, новые подходы», г. Якутск, 20-21 сентября 2021 г.; на Региональной научно-практической конференции молодых ученых, аспирантов и соискателей «Наследие народов Северной Азии в этнокультурных исследованиях», г. Якутск, 25 сентября 2014 г.; на Региональной научно-практической конференции аспирантов и молодых исследователей «Этнокультурное наследие Северной Азии в исследованиях молодых ученых», г. Якутск, 16 октября 2015 г.; на Республиканской научно-практической конференции «Гуманитарные науки в Якутии: исследования молодых ученых», г. Якутск, 16 апреля 2020 г.

Структура диссертации. Диссертация состоит из введения, двух глав, шести параграфов, заключения, списка сокращений, списка использованной литературы и источников, приложений.

ГЛАВА 1. ОБЛАСТНОЙ НАЧАЛЬНИК КАК ИНСТИТУТ МЕСТНОГО УПРАВЛЕНИЯ В ИМПЕРСКОЙ СИСТЕМЕ

1.1. Институт областного начальника в первой половине XIX в.: историко-сравнительный аспект

Россия в первой половине XIX в. представляла собой многонациональное государство, раскинувшееся в трех частях света – Европе, Азии и Америке. В начале XIX столетия площадь государства доходила до 16 млн км². В течение первой половины XIX в. происходит дальнейшее расширение территории империи до 18 млн км², которое связано с присоединением Финляндии, значительной части Польши и Закавказья, Черноморского побережья Кавказа, Бессарабии и Казахстана. Таким образом, российское государство в политическом отношении являлось конгломератом множества регионов: внутренних и окраинных.

В течение первой половины XIX в. за счет присоединенных территорий население Российской империи увеличилось с 37 до 69 млн человек. Россия являлась самым населенным государством Европы, где существенную часть составляло нерусское население, проживавшее в большинстве своем в окраинных регионах. Помимо национально-культурной специфики, данные территории характеризовались также и разным уровнем социально-экономического и политического развития.

Территориальное расширение Российской империи было основано, прежде всего, на военно-стратегических и экономических интересах. Периферийные регионы использовались как военно-экономический плацдарм для дальнейшего имперского расширения: Охотско-Камчатский край – для Северной Америки; Забайкалье – для Приамурья; Западная Сибирь и Оренбургский край – для Казахстана и Средней Азии; Закавказье – для дальнейшего продвижения в

Персию, Турцию и Иран¹. За присоединением новых территорий неизбежно следовали задачи административного обустройства, а также последовательной интеграции в имперское политико-административное пространство. В. С. Дякин справедливо отмечал, что «включение в состав Российской империи территорий с иноязычным населением каждый раз ставило перед властью проблему включения его в общую правовую и административную систему»². При этом «под знаком растущего страха перед революцией российских элит традиционные соображения безопасности получили дальнейшее преимущественное развитие в направлении последовательной интеграционной политики»³.

В административно-управленческом отношении Российская империя представляла собой сложноорганизованное государственное пространство. Длительному и стабильному существованию самой империи способствовала значительная гибкость окраинной политики России в первой половине XIX в., связанная с «поливариантностью властных структур, многообразием правовых, государственных, институциональных управленческих форм, асимметричности связей различных народов и территориальных образований»⁴.

Российскому правительству не удалось выработать универсальную модель управления окраинами, однако наблюдался ряд общих черт в системе окраинного управления: 1) существование наместника (генерал-губернатора), который пользовался личным доверием императора и обладал широкими полномочиями, а также определенной долей автономии в решении вопросов; 2) «использование местных обычаев, прежде всего, местных институтов управления и судебной

¹ Дамешек Л. М., Дамешек И. Л. Сибирь в системе имперского регионализма: монография. Иркутск, 2018. Т. 2. С. 95; Ремнев А. В. Россия Дальнего Востока. Имперская география власти XX – начала XX. Омск, 2004. С. 14-15.

² Дякин В. С. Национальный вопрос во внутренней политике царизма: (XIX в.) // Вопросы истории. 1995. № 9. С. 131.

³ Каппелер А. Россия – многонациональная империя: Возникновение, история, распад. М., 2000. С. 85.

⁴ Ремнев А. В. Россия Дальнего Востока. Имперская география власти XX – начала XX. Омск, 2004. С. 7.

системы, привлечение национальной элиты к делам управления окраины»; 3) унификация системы управления в целях полной инкорпорации в империю¹.

Структура управления на окраинах империи в первой половине XIX в. подразделялась на четыре уровня: 1) генерал-губернаторство (наместничество); 2) губернское управление (областное); 3) уездное (окружное); 4) волостное.

Генерал-губернаторская власть впервые появляется в петровскую эпоху и начинает функционировать на окраинах империи. Данная форма власти осуществляла регламентацию всех сторон жизни общества. В последующем реформирование генерал-губернаторской власти произошло во второй половине XVIII в. в период правления императрицы Екатерины II. В эпоху Павла I институт наместников был упразднен, однако уже в первые годы царствования Александра I, который намеревался продолжить политику своей бабушки, вопрос о возобновлении института генерал-губернатора стал одним из основных правительственных обсуждений. Реформаторская деятельность Александра I была «гораздо ближе к замыслам Екатерины II, нежели его отца» – отмечает А. Б. Каменский². В результате заседания Непременного совета было определено восстановить должность генерал-губернаторов, которым поручалось бы управление сразу нескольких губерний, как и во времена Екатерины II³. Функционирование генерал-губернаторской системы управления на окраинах империи было обусловлено спецификой данных регионов: отдаленностью периферии от центра, огромностью территории, приграничного положения, а также пестрого этнографического состава.

Однако существование практически параллельных форм власти (например, в отношении министерств – *А. В.*) привело к борьбе «двух тенденций: ведомственного (линейного) управления – с одной стороны, и децентрализации

¹ Дамешек И. Л. Типологическая характеристика и региональные особенности российских окраин XIX в. // Сибирь в империи – империя в Сибири: имперские процессы на окраинах России в XVII – начале XX вв. Иркутск, 2013. С. 228-229.

² Каменский А. Б. Российская империя в XVIII веке: традиции и модернизация. М., 1999. С. 299.

³ Дамешек Л. М. Губернаторская власть в меняющемся пространстве империи: от Петра I до Александра I // Известия Иркутского государственного университета. Серия «История». 2016. Т. 15. С. 11.

управления с подчинением всех его звеньев по горизонтали одному местному «главному начальнику» – с другой стороны», которая велась в «бюрократических сферах всю первую половину века...»¹.

В первой половине XIX в. основной административно-территориальной единицей России оставалась губерния, возглавляемая губернатором, которая учреждалась как во внутренних, так и в окраинных регионах империи. В отличие от внутренних губерний, которые функционировали преимущественно на основании «Учреждения о губерниях» 1775 г., на административные единицы периферийных территорий распространялись и специальные законодательные акты. Губернаторам на основании «екатерининского учреждения» была передана вся власть (полиция, финансы, суд и др.). Сенат занимался лишь общим надзором. Главным отличием губернаторов на окраинах от их европейских коллег являлось отграничение их полномочий властью генерал-губернатора. Соответственно политическое значение первых было ниже вторых. Например, в Сибири назначение генерал-губернаторов было «личным выбором монарха», а кандидатов на этот пост представлял министр внутренних дел².

Таким образом, окраинные регионы характеризовались особенностями в системе управления в отличие от «внутренних территорий» империи. Так, например, в Сибири «существование таких регионов обычно объяснялось их пограничным положением, социальной и сословной спецификой населения (области расселения казачества), а также экономическими соображениями (места добычи полезных ископаемых)»³.

Вторая административно-территориальная единица – «область» имела довольно упрощенную систему управления по сравнению с губернией и учреждалась исключительно на окраинных регионах Российской империи: Сибирь, Кавказ, Оренбургский, Новороссийский край и земли донских казаков.

¹ Ерошкин Н. П. Местные государственные учреждения дореформенной России (1800-1860 гг.). М., 1985. С. 19.

² Дамешек Л. М., Дамешек И. Л. Сибирь в системе имперского регионализма: монография. Т. 2. Иркутск, 2018. С. 295.

³ Национальные окраины Российской империи. Становление и развитие системы управления. М., 1997. С. 85.

Впервые «область» как территориальная единица упоминается еще в начале XVIII в., однако юридическое оформление происходит при Екатерине II в 1775 г. в связи с принятием «Учреждения для управления губерний Всероссийской империи»¹. Первоначально (последняя четверть XVIII в.) областью называлась провинция с наибольшим количеством населения, на которые делились наместничества, но уже в первой половине XIX в. активно начинают учреждаться самостоятельные области.

М. М. Сперанский в начале XIX в. в своем знаменитом реформаторском проекте «Введение к уложению государственных законов» касательно «области» отмечал, что из-за пространства и населения они не могут войти в общий распорядок управления. Таким образом, еще до «Сибирского учреждения» 1822 г. в зачаточной форме были заложены принципы имперского регионализма².

Если традиционно «хозяином губернии» считается «губернатор», то во главе области функционировали различные институты власти, одним из них являлся «областной начальник», который активно учреждался в первой половине XIX в. Многовариантность институтов во главе управления областью вызывает определенный интерес к их рассмотрению. Нами предлагается сопоставить исторический опыт областного начальства в различных частях государства, тем самым выявить общее и особенное в их истории. Особо важным является определить место института областного начальника в системе местного управления Российской империи.

Впервые областные начальники встречаются в Сибири. В начале XIX в. данный географический регион представлял огромную отдаленную окраину, где из-за слабого управления творились многочисленные злоупотребления и беспорядки на местах. Азиатская Россия нуждалась в проведении коренных преобразований.

¹ Дамбаева О. В. Область в системе государственного устройства и управления Российской империи (XVIII - начало XX вв.): дисс. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2006. С. 51.

² Дамешек Л. М., Дамешек И. Л. Сибирь в системе имперского регионализма: монография. Т. 2. Иркутск, 2018. С. 203.

Еще в последней четверти XVIII в. при проведении губернской реформы 1775 г. было обращено особое внимание на Сибирь. Слабое местное управление в Сибири требовало проведения реорганизации управления. Именно с этого времени начинает формироваться «окраинная политика» Российской империи.

22 апреля 1805 г. в ходе реализации реформ первого Сибирского генерал-губернатора И. О. Селифонтова, которые должны были нести временный, «задержательный» характер: «поставив временную преграду возникшим злоупотреблениям, приуготовить новый и твердый порядок управления»¹, вместо Якутского уезда была образована **Якутская область (1805-1852)**. Область состояла из комиссарств и продолжала административно подчиняться Иркутской губернии. В указе от 22 апреля 1805 г. говорилось: «По великому пространству, разделяющему Якутский край от Главного губернского начальства, дабы доставить обывателем сего края более удобства как в суде и расправе, так и в других отношениях их к начальству, учредить в городе Якутске особенное гражданское правление под именем Якутского областного правления, которое соединять в себе имеет часть Полицейскую, Судную и Казенную». Если главой Якутского уезда (1797-1805) являлся городничий, то с 1805 г. председателем Якутского областного правления и собственно «хозяином области» был определен областной начальник². Это был первый опыт функционирования данного института власти в системе местного управления Российской империи.

В 1822 г., ко времени целостного реформирования управления Сибири, данный институт власти был положительно апробирован. Согласно «Сибирскому учреждению» М. М. Сперанского от 22 июня 1822 г. Якутия оставалась в статусе области, где во главе находился областной начальник. Однако комиссарства были упразднены, а вместо них были учреждены округа. Изменения произошли и в составе, а также структуре Якутского областного правления. Согласно «Сибирскому учреждению» 1822 г. институт областного начальника учреждается

¹ Обзорение главных оснований местного управления Сибири. СПб., 1841. С. 4.

² ПСЗРИ. Собр. I. 1805. Т. XXVIII. № 21726.

и в западной части Сибири, где из частей Тобольской и Томской губерний была образована **Омская область (1822-1838)**, состоящая из округов. Омская область, как и Якутская, была отнесена в категорию «особенных образований», которая объяснялась тем, что «...по малому их населению и по роду обывателей, не могут составить губернию, а по обширности их и удалению, одного окружного управления было бы для них недостаточно». Омское областное управление разделялось на общее и частное. Общее областное управление составляли областной начальник и областной совет, который отсутствовал в Якутии. Омское областное правление входило в частное управление¹.

Спустя месяц, 24 июля 1822 г., областные начальники впервые появляются на Кавказе, в северной части региона, в **Кавказской области (1822-1847)**. Если ранее области формировались из числа малых административных единиц, то здесь она была преобразована из Кавказской губернии, а точнее «переименована» после ревизии сенатора Б. А. Гермеса и Д. Б. Мертваго в связи с ее региональной спецификой: «местному ее положению и роду населения». Областным городом был определен Ставрополь². В 1821 г. М. М. Сперанский в своем письме министру внутренних дел В. П. Кочубею указывал на то, что согласно поручению императора Александра I проект об учреждении Кавказской области должен быть «соглашен и в некоторых местах дополнен статьями из Положения об управлении Омской области и вообще сибирских губерний», причиной – которой являлись сходства регионов «по положению и по роду населения»³. В результате Сперанский упоминает, что, рассматривая в 1822 г. проекты по управлению Кавказской областью в Сибирском комитете, отмечал одну из них на схожесть с «Сибирским учреждением»⁴. Таким образом, положения по управлению Омской и Кавказской областями имеют весьма значительные сходства.

¹ ПСЗРИ. Собр. I. 1822. Т. XXXVIII. № 29125.

² Там же. № 29138.

³ РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 60. Л. 1-1 об., 254.

⁴ Пругченко С. М. Сибирские окраины: областные установления, связанные с Сибирским учреждением 1822 г., в строе управления русского государства. СПб., 1899. С. 83.

Однако особенного положения об управлении Кавказской областью еще не было, разработка и внедрение проекта по управлению областью продержались 5 лет. До издания «особенного учреждения» кавказский областной начальник управлял областью на правах губернатора на основании «екатерининского учреждения» 1775 г. Весьма вероятно то, что российское правительство ожидало положительную апробацию реализации проекта по управлению Омской областью.

6 февраля 1827 г. было учреждено Положение для управления Кавказской областью. Область состояла из округов. Аналогично организации управления Омской областью здесь было учреждено общее областное управление, куда входили областной начальник и областной совет, под председательством первого. Кавказское областное правление состояло в частном общем областном управлении¹.

Начиная с 20-х гг. XIX в., география власти областных начальников перемещается на Кавказский регион, преимущественно в Закавказье. В 1837 г. генерал-губернатор Восточной Сибири С. Б. Броневский предложил проект, в котором предлагал отделить Забайкалье от Иркутской губернии и из Верхнеудинского, Нерчинского округов и Троицкосавского пограничного управления, учредить Нерчинскую область во главе с областным начальником с губернаторскими полномочиями, однако безуспешно. Дипломатические вопросы предполагалось оставить в руках иркутского губернатора, а пограничные дела – нерчинскому областному начальнику².

Политика российского правительства по поиску оптимальных форм управления в отношении Кавказского региона характеризовалась особой сложностью. В Закавказье «сложились несколько форм управления:

¹ ПСЗРИ. Собр. II. 1822. Т. II. № 29125.

² Ремнев А. В. Самодержавие и Сибирь. Административная политика в первой половине XIX в. Омск, 1995. С. 141-142.

комендантская (военно-народная), губернская и областная»¹. На основании указа от 21 марта 1828 г. институт областного начальника учреждается в Восточной Армении, в **Армянской области (1828-1840)**, чуть позже, от 4 марта 1830 г. в северном Азербайджане, в **Джаро-Белоканской области (1830-1840)**. Первая была образована из присоединившихся по Туркманчайскому мирному договору 1828 г. из Эриванского и Нахичеванского ханств в результате русско-персидской войны 1826-1828 гг. Областное правление состояло из «исполнительной и судной части, по хозяйственной части распоряжалось управлению по сборам податей и повинностей». Согласно указу от 23 июня 1833 г. полномочия армянского областного начальника были расширены в результате ликвидации коллегиальной формы управления в областном правлении. Вторая область учреждена из Белоканского, Джарского, Катехского и др. обществ после восстанческих событий местного населения. Здесь, как и в других регионах, областное правление, называемое «временным правлением», управлялось под руководством областного начальника, джаробелоканского. Джаро-Белоканская область состояла из магал, а Армянская – из округов, которые в свою очередь делились на магалы².

В последующем введение института областного начальника нашло отражение и в крупной реформе барона П. П. Гана от 10 апреля 1840 г. по устройству Закавказского края («земли лежащие между Черным и Каспийскими морями»). Происходит укрупнение закавказских регионов. Армянская и Джаро-Белоканская области упразднены, Закавказский край был разделен на одну губернию, под названием Грузино-Имеретинская (западная часть Закавказья), и на одну область – **Каспийскую (1840-1846)** (восточная часть), где и был учрежден институт областного начальника. Область состояла из уездов, в областном правлении председательствовал областной начальник³.

¹ Дамешек Л. М. Сибирь в системе имперского регионализма (1822-1917 гг.). Иркутск, 2018. Т. 2. С. 70.

² Эсадзе С. С. Историческая записка об управлении Кавказом. Тифлис, 1907. Т. 1. С. 64, 190; ПСЗРИ. Собр. II. 1833. Т. VIII. № 6282.

³ ПСЗРИ. Собр. II. 1840. Т. XV. № 13368.

Таким образом, образование данного института власти в Сибири в дальнейшем было заимствовано и активно практиковано в Кавказском регионе после введения «Сибирского учреждения» 1822 г. Данный пример ярко демонстрирует выводы иркутских историков Л. М. Дамешека и И. Л. Дамешек об использовании правительством опыта организации управления с одной окраины империи в другую: «Несмотря на отличие типов окраин и колоний, в каждом отдельном случае руководство страны пыталось учитывать опыт своей деятельности в конкретном регионе»¹.

Областное управление «...не есть новый Степень Управления, но единственно приспособление Губернского к местным обстоятельствам»², – т. е. областное управление, как и губернское, административно подчинялось Главному управлению в лице генерал-губернатора. В иерархии местного управления место областного начальника имело равный статус с губернаторской должностью. Таким образом, сибирские областные начальники, как и губернаторы, непосредственно подчинялись сибирскому генерал-губернатору, с 1822 г. западносибирскому и восточносибирскому, кавказские – главноуправляющему Грузии и командирам Отдельного Кавказского корпуса, с 1840 г. – главноуправляющему Закавказским краем и командирам Отдельного Кавказского корпуса, с 1844 г. кавказскому наместнику. В отличие от кавказских и западносибирских коллег, полномочия якутских областных начальников были ограничены еще и существованием иркутского губернаторства из-за административной подчиненности Якутской области Иркутской губернии [см. Таблица 1].

В вышеперечисленных областях для управления по гражданской части (полиция, хозяйство, суд и др.) были учреждены областные правления. Якутский, Армянский, Джаро-Белоканский и Каспийский областные начальники являлись

¹ Дамешек Л. М., Дамешек И. Л. Сибирь в системе имперского регионализма: монография. Иркутск, 2018. Т. 2. С. 93.

² Прутченко С. М. Сибирские окраины: областные установления, связанные с Сибирским учреждением 1822 г., в строе управления русского государства. СПб., 1899. С. 83.

председателями областных правлений. Начальники Кавказской и Омской областей не являлись председателями областных правлений, они составляли общее управление совместно с областным советом, где являлись председателями. По части гражданского управления (полиция, хозяйство, суд) они были наделены правами и обязанностями гражданских губернаторов. Областное правление в данных регионах составляло управление ниже – частное управление. Весьма интересным является организация Кавказского областного правления, где в 1834 г. председателем был определен гражданский губернатор в условиях того, что областью управлял областной начальник¹.

Н. П. Ерошкин, рассматривая сибирские области в первой половине XIX в., отмечал, что данная административно-территориальная единица отличается от губерний тем, что на их территории находятся регулярные войска, и соответственно этим объяснял существовавшие военные полномочия у областных начальников². Так, омские областные начальники в связи с «необходимостью обеспечения внешней безопасности и «по управлению расположенными и водворенными на линии войсками» действовали на правах дивизионного начальника и являлись командирами Сибирской линии. Аналогично было и у кавказских областных начальников, которые руководили Кавказской линией³. Омская область граничила к западу с Малою ордою киргиз-кайсаков, к югу и востоку с китайскими и другими владениями. Границы Кавказской области к югу и к юго-западу были сопредельными с землями горских народов. Властью дивизионного начальника при конфирмации приговоров военного суда (по уголовным делам) обладал и армянский областной начальник⁴. Военная функция административно-политической системы Кавказского региона оказывалась приоритетной, что связано с очагом волнений и военными действиями. Безусловно, данные и другие областные начальники Кавказа были в военных

¹ ПСЗРИ. Собр. II. 1834. Т. IX. № 7541.

² Ерошкин Н. П. История государственных учреждений дореволюционной России. М., 1968. С. 194.

³ ПСЗРИ. Собр. I. 1822. Т. XXXVIII. № 29125; ПСЗРИ. Собр. II. 1827. Т. II. № 878; ПСЗРИ. Собр. I. 1822. Т. XXXVIII. № 29138; Сибирь в составе Российской империи. М., 2007. С. 92.

⁴ Шопен И. И. Исторический памятник состояния Армянской области в эпоху ее присоединения к Российской Империи. СПб., 1852. С. 459.

чинах, в генеральских званиях. Единственным регионом империи, где областные начальники служили в статских (гражданских) чинах, являлась Якутская область¹.

Кроме того, якутское областное начальство характеризуется и продолжительностью функционирования (1805-1852 гг.) – почти столетия. Кавказское областное начальство (1822-1847) просуществовало четверть века, остальные же не продержались и 20 лет, что характеризуется военной спецификой, полиэтничностью и многоукладностью данного региона, из-за чего совершались частые институциональные и административно-территориальные изменения. Омская область в 1822 г. была образована с целью внедрения «Устава о Сибирских киргизах» 1822 г. (Средний жуз входил в состав данной области). Однако омское областное управление в конце 1930-х гг. не могло достаточно полностью справляться с управлением в казахских землях, что и требовало необходимость проведения реорганизации управления данным краем. Так, по мере освоения Казахского края было создано в 1838 г. «Пограничное управление сибирскими киргизами» и принято «Положение об отдельном управлении сибирскими киргизами», Омская область упразднялась. Данные преобразования были направлены на централизацию управления над казахским населением².

Таким образом, институт областного начальника был учрежден в первой половине XIX в. в восточных и южных периферийных частях империи: в Сибири и на Кавказе. Функционирование данного института власти регламентировалось общеимперским законодательством, в то же время существовали специальные законоположения, которые определяли специфику деятельности областного начальника на конкретном регионе. Компаративный анализ позволяет утверждать, что функционирование института областного начальника не имело существенных отличий с институтом губернаторства Российской империи. Некоторые областные начальники (омские, кавказские, каспийские) были наделены губернаторскими полномочиями на законодательном уровне. В целом, в

¹ Губернии Российской империи: История и руководители. 1708-1917. М., 2003. С. 279.

² Ермакбай Ж. А. Сибирская администрация и казахи (20-е гг. XIX в. – 20-е гг. XX в.) // Известия Иркутского государственного университета. 2017. № 21. С. 37-43.

структуре властной цепочки место института областного начальника имел равный статус с губернаторской должностью, которое являлась промежуточным звеном между центральными и местными органами власти: 1. генерал-губернатор (наместник) – 2. губернатор (областной начальник) – 3. уездный (окружной) начальник. Российское правительство проводило практику наделения областных начальников гражданскими, так и военными полномочиями. Для управления по гражданской части многие из них были определены председателями областных правлений (хозяйство, полиция, суд). Военные полномочия были обусловлены существованием данной формы власти в пограничных регионах, так омские и кавказские областные начальники руководили военными линиями. Однако функционирование института областного начальника на Северо-Востоке Сибири характеризовалось значительными отличиями по сравнению с Западной Сибирью и Кавказом – продолжительностью существования должности, двухуровневым административным подчинением на местном уровне и наличием исключительно гражданских чинов среди якутских областных начальников, что обусловлено отсутствием военной специфики региона.

Учреждение и функционирование института областного начальника в системе местного управления Российской империи рассматривается нами как «переходная форма». Область во главе с областным начальником существовала в начальных этапах интеграции окраинного региона в систему общероссийского экономического, политического и социокультурного пространства. Со временем области упразднялись, а ее территории присоединялись к вновь формируемым или существующим губерниям. Средняя продолжительность функционирования института областного начальника составила всего чуть более 10 лет.

Апробация нового института власти в северо-восточной части Сибири, а именно в Якутии, дала свои положительные результаты. В дальнейшем функционирование данной формы управления практиковалось в Западной Сибири, а также в Кавказском крае. Важнейшим законодательным актом в становлении института областного начальника стало «Сибирское учреждение»

1822 г. М. М. Сперанского, что позволило упрочиться данному институту власти в государственной политике в отношении управления окраинными регионами Российской империи.

1.2. Исторические предпосылки учреждения должности областного начальника в Якутии и его правовой статус

Присоединение Сибири является одним из выдающихся событий отечественной истории XVII в. За счет расширения восточных территорий происходило упрочение границ на восточном побережье и рост экономического потенциала государства в результате обогащения естественными ресурсами – пушниной, рыбой, солью и др. С другой стороны, с властным освоением крупного географического региона возникла проблема, связанная, прежде всего, с удаленностью и обширностью ее территории, что стало причиной многочисленных неудобств. Российское правительство встало на путь поиска наиболее оптимальных форм местного управления Азиатской России.

В огромной северо-восточной периферии – Якутии, начиная с XVII в., со времени присоединения ее к Российскому государству, произошли многочисленные преобразования в области управления данным регионом.

Основными административно-территориальными единицами до 1708 г. являлись воеводства (уезды), из них более крупные назывались разрядами. В 1641 г. при образовании самостоятельного Якутского уезда Московского государства (1641-1708) Якутия по своей территории занимала весьма заметное положение среди других уездов Российского государства, которых в конце XVII в. насчитывалось 140. Якутский регион ввиду своей обширности и пограничного положения в некоторых документах назывался «Ленским разрядом».

Первыми сибирскими администраторами были воеводы, которые сосредоточивали в своих руках всю полноту власти (административно-хозяйственные, военные и даже дипломатические). Первоначально в Якутию назначались по два воеводы в связи с «многочисленности их обязанностей и в целях ограничения возможности злоупотреблений с их стороны (в расчете, что они будут наблюдать друг за другом и доносить друг на друга)». Однако из-за возникших конфликтных ситуаций между ними данная практика прекратилась.

Ближайшим помощником воеводы являлся дьяк, назначавшийся из Сибирского приказа вместе с воеводой. Дьяк заведовал делопроизводством в приказной избе. Некоторые якутские воеводы имели и других помощников в лице письменных голов¹.

Воеводское управление функционировало довольно долгое время – 127 лет, при этом некоторыми исследователями отмечается неэффективность данной формы власти по Сибири, где указывается некомпетентность и коррумпированность воевод.

Главной причиной роста проблем становилась дальнейшая отдаленность периферии от центра, связанная с неспособностью правительства контролировать такую огромную территорию. Все это подталкивало к возникновению «новых центров». А. В. Ремнев писал: «Однако огромное пространство Российской империи, слабость коммуникаций и фрагментарное хозяйственное и демографическое присвоение новых территорий на Востоке требовали образования на линии «центр – периферия» новых центров, транслировавших функции главного имперского центра на удаленные регионы, имевшие потенциально важное политическое значение»².

Первыми «особыми» органами управления Сибири стали Казанский и Сибирский приказы в XVI-XVIII вв. В первой половине XIX в., с ростом бюрократизации государственного управления, происходит дальнейшее развитие особых комитетов в Азиатской России, так в 1821 г. был образован Первый Сибирский комитет, просуществовавший до 1838 г. Данные органы власти «учитывали региональную специфику края, что в конечном итоге повышало эффективность принимаемых управленческих решений. Процесс развития особых органов управления азиатскими территориями империи носил неравномерный характер, а само их возникновение обуславливалось не стратегическими, а

¹ Сафронов Ф. Г. Дореволюционные начальники Якутского края. Якутск, 1992. С. 7.

² Ремнев А. В. Россия Дальнего Востока. Имперская география власти XX – начала XX. Омск, 2004. С. 10.

тактическими задачами, решаемыми властью на данном историческом отрезке времени»¹.

Другим промежуточным образованием между центральной и губернской (областной) властью являлось наместничество или генерал-губернаторская власть. В 1783-1796 гг. существовало Иркутское наместничество, в состав которого входили Иркутская, Нерчинская, Охотская и Якутская области. При правлении Александра I в 1803 г. было учреждено единое генерал-губернаторство в Сибири, которое было разделено на Западную и Восточную в результате Сибирской реформы 1822 г. «Столицей» Сибирского генерал-губернаторства, а затем и Главного управления Восточной Сибири (Восточно-Сибирское генерал-губернаторство и совет) являлся г. Иркутск. «Главные управления должны были осуществлять связь с высшими и центральными государственными учреждениями и являться частью «министерского установления, действующего на месте»², а ликвидация генерал-губернаторской власти «означало высокую степень интеграции данной территории в систему общероссийских экономических, политических и социокультурных связей»³.

Кроме того, Якутский край на протяжении длительного времени административно подчинялся г. Иркутску. 19 октября 1764 г. вышел именной указ о разделении Сибирской губернии на две губернии: Тобольскую и Иркутскую. Иркутская губерния была учреждена в марте 1765 г. и с этого времени якутская администрация начала подчиняться иркутской губернской администрации вплоть до 1852 г.

Следствием неэффективности воеводского управления стали трагические события Крестьянской войны (1773-1775 гг.) под руководством Е. Пугачева, что стало тревожным вызовом для проведения масштабной административно-

¹ Дамешек Л. М., Дамешек И. Л. Особые комитеты как органы управления окраинами империи (на материалах Азиатской России XIX в.) // Известия Иркутского государственного университета. 2011. № 1 (1). С. 8-9.

² Шиловский Д.М., Шиловский М.В. Административно-территориальное устройство и управленческий аппарат Азиатской России (конец XVI – начало XXI в.). Новосибирск, 2018. С. 56.

³ Дамешек Л. М. Дамешек И. Л. Сибирь в системе имперского регионализма (1822-1917 гг.). Иркутск, 2018. Т. 2. С. 213.

управленческой реформы. Снова была поставлена задача укрепления вертикали власти. Екатерина II продолжила петровскую систему административного управления, где в результате губернской реформы 1775 г. количество губерний Российской империи возросло на 50. Главной целью реформы являлось решение полицейских и налоговых дел. В основу деления был положен чисто количественный критерий: губерния учреждалась в регионах с населением 300-400 тыс. чел., уезды – в 20-30 тыс. чел., при этом, никакие географические, национальные и экономические признаки не учитывались.

Однако в «Учреждении для управления губерний Всероссийской империи» 1775 г. отмечаются особенности организации управления Азиатской России: «ибо нельзя думать, чтобы когда нибудь полагали возможным управлять краем, столь отдаленным и столь разнородным, по тем же правилам, как управляется, вблизи Столицы, губерния Новгородская или Тверская»¹.

В 1775 г. по указу от 31 января «о новом разделении Иркутской губернии на провинции, воеводства и комиссарства» губерния была разделена на Удинскую и Якутскую провинции, три уезда с воеводскими правлениями (Киренский, Балаганский, Алданский) и 12 комиссарств. Об образовании провинции в Якутском крае отмечалось: «со всеми острогами, слободами, улусами и зимовьями состоит из весьма великой обширности», расстояние дальнее, проезд трудный, в решении многих вопросов «немалая остановка и лишние затруднения происходят». Якутская провинция (1775-1783 гг.) состояла из пяти комиссарств: Верхневилуйское, Олекминское, Жиганское, Верхоянское, Среднеколымское. Главой провинции являлся провинциальный воевода с провинциальной канцелярией в г. Якутске². Якутия обрела новый административно-управленческий статус.

В последней четверти XVIII в. впервые в системе местного управления практикуется административно-территориальное образование «область».

¹ Обзорение главных оснований местного управления Сибири. СПб., 1841. С. 4.

² ПСЗРИ. Собр. I. 1775. Т. XX. № 14242.

Первоначально первые области учреждались внутри наместничеств и являлись «провинциями с наибольшими количествами населения». В 1783 г. вышел указ «О составлении Иркутской губернии из четырех областей». На основании данного законодательного акта были образованы Иркутская, Нерчинская, Якутская, Охотская области. Внутри Якутской области (1783-1797) учреждались уезды: Якутское, Олекминское, Оленское (Вилуйское), Жиганское и Зашиверское. Воеводское управление давно изжило себя, требовались новые формы организации вертикали власти. Главой новообразованной области был определен комендант. «Комендант – начальник местных военных сил, начальник гарнизона» подчинялся губернатору, но при этом был зависим от воеводского управления. Согласно штату от 1725 г. комендантам было определено присутствовать почти во всех губернских городах и в более мелких городах, которые имели военное значение¹. Однако власть сибирских комендантов в конце XVIII в. не распространялась лишь в одном городском пространстве. В указе от 6 марта 1783 г. «Об устройстве Иркутского наместничества» отмечалось: «При устройстве Иркутского наместничества в образе учреждениями нашими предписанном, мы, уважая на положение сей отдаленной губернии и состояния обитателей, для пользы её повелеваем: 1. В Нерчинской области обер-коменданту, а в Якутской и Охотской комендантам, в областных городах полагаемым, сверх обыкновенных их должностей, иметь наблюдение за всеми присутственными местами, в тех областях учрежденными, и вообще за тишиною и благоустройством в земле»². В 1803 г. комендантское управление было учреждено и в Камчатской области³.

Воеводская канцелярия была заменена на нижний земский суд. Судебные функции были возложены на уездный суд, финансовые дела – на казначейство, полицейский надзор – городничему (в г. Якутске), земских исправников (в уездах).

¹ Готьё Ю. В. История областного управления в России от Петра I до Екатерины II. М., 1913. С. 134-135.

² ПСЗРИ. Собр. I. 1783. Т. XXI. № 15680.

³ ПСЗРИ. Собр. I. 1803. Т. XXVII. № 20889.

Данная форма управления продержалась недолго, просуществовав лишь до 1797 г., что связано с воцарением Павла I и его политикой укрепления вертикали власти. А. А. Борисов объясняет сложившуюся ситуацию следующим образом: «создание области в 1780-х гг. увеличило число чиновников, льготы, предоставленные якутам Первой ясачной комиссией, и повышение цен на продукты привели к обнищанию и утрате земель русскими дворянами и чиновниками», что, возможно, стало одной из причин упразднения Якутской области (1784-1797 гг.)¹. На основании указа от 12 декабря 1796 г. «О новом разделении государства на губернии» Иркутское наместничество было преобразовано обратно в губернию, в Якутском крае была возвращена уездная система управления, главой Якутского уезда был определен городничий². Проведенные реформы усилили полицейскую власть местной администрации, в первую очередь над ясачным населением³.

В начале XIX в. с воцарением Александра I административное устройство Сибири начинает привлекать особое внимание российского правительства. Основанием планировавшихся преобразований стали возникшие злоупотребления и беспорядки на местах. В 1801 г. бывший иркутский и колыванский генерал-губернатор И. О. Селифонтов был отправлен в Сибирь для ревизии. Правительство передало Селифонтову следующую инструкцию: «Сибирский край требует изменения как в разделении его, так и в самом образе управления особенного постановления». С этой целью и был послан Селифонтов «для личного обозрения, собрания сведений, как говорила инструкция, статистических, географических и камеральных, и основания на самых достоверных сведениях разделения и порядка правления краем»⁴.

¹ Борисов А. А. Якутское областное управление и инородческое самоуправление: формирование вертикали власти (1775-1810-е гг.) // Известия Иркутского государственного университета. Серия «История». 2018. Т. 23. С. 11-12.

² Левенталь Л. Г. Подати, повинности и земля у якутов // Материалы по обычному праву и общественному быту якутов. Л., 1929. С. 256.

³ Иванов В. Н. Управление народами Сибири: исторический опыт // Северо-Восток Азии в контексте российской истории: сб. науч. ст. Якутск, 2005. С. 103-104.

⁴ Ядринцев Н. М. Сибирь как колония: к юбилею трехсотлетия: современное положение Сибири, ее нужды и потребности, ее прошлое и будущее. СПб., 1882. С. 339-340.

Данные преобразования должны были нести «задержательно-временной» характер: «чтоб поставивъ временную преграду возникшим злоупотреблениям, приуготовить новый и твердый порядок управления»¹. В связи с предстоящими реформами в 1803 г. было разработано чиновником МВД статским советником М. Н. Баккаревичем «Статистическое обозрение Сибири», которое впоследствии было рассмотрено императором Александром I².

В конце XVIII в. было составлено описание Якутского края и разработаны предложения по административному преобразованию Якутии «о благоустроении Якутской области»³. Авторами данного проекта являются Иван Эверс, уроженец г. Якутска, 10 лет был расправным судьей, и Степан Гарновский, который семь лет служил земским исправником⁴.

И. А. Эверс являлся сыном прапорщика Якутского казачьего полка, который являлся выходцем из лифляндских дворян. В 1770 г. по указу иркутского губернатора А. И. Бриля вошел в штат сибирских дворян по г. Якутску, позже стал командиром якутских дворян, а также возглавлял Якутскую казачью команду до организации Иркутского наместничества⁵.

Наиболее широко в исторической литературе известен Гарновский, который был отмечен иркутским историком В. И. Вагиным как «охотник писать разные проекты»⁶. С. А. Гарновский является выходцем из Малороссии, в 1773 г. прибыл на службу в Иркутское наместничество, в 1788 г. был определен якутским земским исправником, а с 1802 г. – иркутским губернским прокурором. В 1806 г. С. А. Гарновский определен в должность председателя иркутской уголовной палаты и уже в 1807 г. усилиями генерал-губернатора Сибири И. Б. Пестеля был уволен, а в 1809 г. был отдан под суд. Однако Гарновскому удалось оправдаться,

¹ Обозрение главных оснований местного управления Сибири. СПб., 1841. С. 4.

² РГИА. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 414. Л. 3.

³ РГИА. Ф. 383. Оп. 29. Д. 908. Л. 8-39 об.

⁴ Там же. Л. 97 об.

⁵ Быконя Г.Ф. Казачество и другое служебное население Восточной Сибири в XVIII-начале XIX в. (демографо-сословный аспект): монография. Красноярск, 2007. С. 239-240.

⁶ Вагин В. И. Исторические сведения о деятельности графа М.М. Сперанского в Сибири с 1819 по 1822 гг. СПб., 1872. Т. 2. С. 97.

но в 1818 г. он снова был отдан Пестелем под суд¹. Несмотря на все это, в 1822 г. Гарновский был назначен председателем иркутской гражданской палаты². Позже, бывший генерал-губернатор Сибири И. Б. Пестель вспоминал: «...он, посредством своего пронырливого духа, всякий раз находил опять средства ко вступлению в казенную службу и таким образом был три раза снова определен к разным должностям в Иркутской губернии»³.

Проект, состоявший из 13 предложений, был представлен в 1798 г. от генерал-прокурора А. Б. Куракина в Экспедицию государственного хозяйства. Для меня определенный интерес вызывают первые два предложения, которые в последующем повлияли на определение административно-территориального статуса якутского региона: 1) «О устройении города Якутска с принадлежащими уездами особою провинциею»; 2) «О учреждении в Якутске по отделении онаго особою провинциею приличнаго ко управлению распоряжения»⁴.

По первому «рассуждению» авторы отмечали о возникшем упадке г. Якутска из-за зависимости от г. Иркутска, причинами которых являлись «отдаленное между ними расстояние», «трудное по делам сообщение», что порождало массовые злоупотребления на местах и замедление дел, в особенности по казенной части⁵.

В тексте говорилось, что на представление и разрешения дел преимущественно по Охотскому краю проходило от 6 до 12 и более месяцев. Снабжение Охотска казенными грузами (казенные орудия, материалы к строению морских судов, припасы к пропитанию воинских команд, провиант и др.) производилось одними якутами Якутского округа. Иркутскому начальству приходилось соглашаться на неумеренные запросы поставщиков из-за того, что

¹ Дамешек Л. М., Дамешек И. Л., Матханова Н. П. «Главные блюстители неприкосновенности верховных прав самодержавия и пользы государства»: М. М. Сперанский, Н. Н. Муравьев-Амурский и другие сибирские генерал-губернаторы. Иркутск, 2020. С. 71, 86.

² Вагин В. И. Исторические сведения о деятельности графа М.М. Сперанского в Сибири с 1819 по 1822 гг. СПб., 1872. Т. 1. С. 149.

³ Записка о службе И. Б. Пестеля, им самим писанная // Русский архив. 1875. Кн. 1, № 4. С. 400.

⁴ РГИА. Ф. 383. Оп. 29. Д. 908. Л. 40-80.

⁵ Там же. Л. 40-41.

переговоры между ними проходили довольно длительное время и как следствие происходила несвоевременная доставка казенных грузов. Все это негативно отражалось на положение отдаленных регионов и на царскую казну. Авторы предлагали подчинить Охотскую область г. Якутску и сделать независимым от Иркутской губернии. Далее отмечалось, что малонаселенность в двух областях не является препятствием к учреждению «губернии», а также, учитывая обширность региона, авторы проекта требовали образовать особую провинцию. «Устроение сего может принести те пользы», – считали авторы, обосновывая тем, что учрежденное правительство, «имея там своей пребывания» и «вникая по долгу службу обычаи тамошних народов», будет способствовать функционированию эффективной власти: «удобнее отвращать могут все клонящиеся на вред казны», «имея пред очами все способы в разсуждении неминуемых, как выше сказано казенных в разныя места отправок, приметны будут притворныя иногда в подрядах отзывы якутов, в каковом случая пользуясь в наймах удобностию времени, сохраниться может знатной казенной интерес», пресекутся излишние и не умеренныя передачи чрез 2500 верст в Иркутске (нередко) по нужде чинимыя», «истцы и обиженныя не будут претерпевать проволчки и убытков, коим ныне проходя по апелляциям в переносах дел в толико пространном разстоянии подвергаются»¹.

С другой стороны, в отделении самостоятельной Якутской провинции авторы видели пользу и для Иркутской губернии: губерния, «избавясь сих двух отдаленных областей причиняющих ей во всех делах величайшия затруднения, будет гораздо деятельное и успешнее, а тем более по казенным делам каковыя ныне весьма по часту останавливаются, надлежащим распоряжением и доставлением сведений и ведомостей верховному своему начальству за неполучением таковых по разным встречающимся случаям по Якутской и Охотской областям»².

¹ РГИА. Ф. 383. Оп. 29. Д. 908. Л. 41 об-43 об.

² Там же. Л. 40-43 об.

Полагая, что будет независимая Якутская провинция, авторы по второму «рассуждению» сочли создать правительство, состоящее из шести департаментов или экспедиций: 1) исполнительные дела; 2) дела о казенных доходах и все, что связано по казенной части; 3) уголовная часть; 4) гражданский; 5) межевой и по спорным землям; 6) по части дворянской опеки. В каждом департаменте предполагалось по одному председателю из российских, а к последнему – предводитель дворянства, к ним по два члена из местных чиновников или дворян достойных иметь право провинциального советника, и по одному секретарю. Надзор над департаментами поручалось одному прокурору, в случае неудовлетворения истцов или ответчиков дело перенаправлялось на рассмотрение общему собранию департаментов, при переносе апелляции и жалобы, то конечной инстанцией являлся Правительствующий Сенат. Председателям и советникам поручалось каждый год объезжать все окружные города, по окончании которого отправлять рапорты в Сенат. Жалованье предлагалось составить повышенное по сравнению с г. Иркутском, что объяснялось нехваткой хлеба и пр. в г. Якутске¹.

В связи с тем, что одних показаний Эверса и Гарновского было недостаточно для Экспедиции государственного хозяйства, проект был передан Иркутскому военному губернатору Б. Б. Лещану, чтобы тот составил свои замечания «по местному своему в иркутской губернии начальству» и отправил обратно в Экспедицию в Санкт-Петербург. 14 марта 1801 г. Лещану уведомил, что «многие части проекта, уже объяснены, и остается пополнить еще некоторые необходимо нужными выправками». Однако и в этом году замечания до Экспедиции так и не были доставлены².

Положения проекта так и не были реализованы при правлении Павла I. 15 сентября 1801 г. И. Эверс отправляет проект теперь уже в адрес императора Александра I³ через Н. Н. Новосильцева⁴, активного участника Негласного

¹ Там же. Л. 44-46 об.

² Там же. Л. 96-99.

³ Там же. Л. 4-5.

⁴ Архив СПб. ИИ РАН. Ф. 176. Оп. 1. Д. 220. Л. 1.

комитета. Здесь, кроме проекта «о благоустроении Якутской области», имелась просьба Эверса о пожаловании ему возле г. Якутска в «вечное и потомственное владение» 1000 десятин земли. Возможно, бедственное положение местного русского чиновничества, описанное ими в описании Якутской области стало и основной причиной разработки авторами данного проекта¹. Однако вопрос о предоставлении Эверсу 1000 десятин земель не был решен и в 1809 г. Причинами являлись возникшие земельные споры с якутами, предоставление земель местной казачьей команды и крестьянам. Генерал-губернатор Сибири И. Б. Пестель писал: «закключаю, что отвести Эверсу в Якутском уезде пожалованной земли вовсе невозможно, да и нет ввиду иного способа к удовлетворению его, как только представить ему избрать землю в другой губернии...»².

Проект и просьбу предписано было рассмотреть упомянутому И. О. Селифонтову совместно с И. Эверсом. М. Л. Кутузову, в бытность его Санкт-Петербургским и Выборгским военным губернатором, а также управляющим гражданской частью, было поручено предоставить Эверсу подорожную для отправления его в г. Иркутск к генерал-губернатору Сибири³.

Селифонтов писал генерал-прокурору А. А. Беклешову, что замечания Б. Б. Леццано по проекту были ему доставлены только 24 июня 1802 г.⁴ Иркутский военный губернатор Леццано по первому «рассуждению» отметил, что упадок города Якутска и расстройство их жителей не наблюдаются, чему свидетельствует развитая торговля, обоснованная прибыльностью местного и иногороднего купечества. Отдаленность региона как главная причина медлительности дел по Якутскому краю не была поддержана Леццано: «сия отдаленность неможет наподить препятствие, ежели тамошние присутственные мест, существующие по образу Высочайшего учреждения будут производить дела по разуму законов без промедления». Проблемой снабжения казенными грузами

¹ Борисов А. А. Якутское областное управление и инородческое самоуправление: формирование вертикали власти (1775-1810-е гг.) // Известия Иркутского государственного университета. Серия «История». 2018. Т. 23. С. 12.

² РГИА. Ф. 1400. Оп. 2. Д. 182. Л.1-6 об.

³ Там же. Л. 100.

⁴ РГИА. Ф. 383. Оп. 29. Д. 908. Л. 98-99 об., 161-161 об., 102.

северо-восточных окраин Российской империи отмечалась массовая гибель вьючных лошадей, связанная со сложностью коммуникации, а не трудностью составления взаимовыгодных контрактов с якутами: «О развозахъ по все якутские и охотские области места казенных тягостей и купеческих кладей, нужным находить объяснить, что по неимению никаких там поселенцев, посредством коим можно бы было делать перевозки тягостей, всегда отправлялись оные в великотясячном количестве посредством найма якутов, в иногда и по наряду за прогоны, которые при всех своих изнеможениях с крайним усердием и доброохотством исполняют долг верноподданческой своей обязанности, но как от истреблении лошадей их, коему всегда они подвергались, чувствовать стали отягощение». Учреждение Якутской губернии или особой провинции с подчинением всего Охотского края, которая находилась бы в независимости от Иркутской губернии, представлялась Б. Б. Леццано бессмысленной. Причиной являлась малонаселенность региона в условиях ее крайней обширности, что создало бы проблемы с точки зрения финансовой составляющей: «сверх навлечения чрез сие величайших для казны издержек, и доходы оной немогут заменить могущих потребоваться расходов». Иркутский военный губернатор предложил оставить управление Якутским краем под руководством Иркутской губернии: «ибо сколь бы они отдалены не были, но в течении дел не встречается важной медленности и таковые упущения, как в проекте описывается». Следовательно, и по второму «рассуждению» Б. Б. Леццано не разделял мнения авторов проекта¹.

Генерал-губернатор Сибири И. О. Селифонтов проявил солидарность с замечаниями Леццано, отмечая, что учреждение независимой Якутской провинции с присоединением Охотска не предвидит «никаких польз и надобностей» в связи с малонаселенностью региона и огромными затратами, потребных на содержание особого правительства. Однако, Селифонтов уделил внимание удаленности г. Якутска от губернского города Иркутска. Предлагалось

¹ Там же. Л. 104-106.

для успешного процесса гражданских и уголовных дел учредить в г. Якутске гражданское правление на праве палат по примеру Нерчинского, функционировавшего с 1798 г., при этом с некоторыми дополнениями. Правлению в г. Якутске подчинялся бы весь Якутский край, но административная подчиненность от Иркутского гражданского начальства сохранялась. По соображениям Селифонтова якутскому правлению предполагалось поручить дела по подрядам и наймам на перевозку казенных грузов в Охотск и др. отдаленные места. «Непременный долг» имелся у Иркутского гражданского начальства – «делать распоряжение свои колико можно благовременные и сроки на созыв порядчиком и вощиковъ назначить соразмерно разстоянию и надобности, так чтобы всегда можно было успеть и спросить на договоры утверждения или разрешения». Договоры, превышающие 10 тысяч рублей, планировалось утверждать Иркутскому губернатору, без необходимости утверждения Правительствующего Сената, т. к. из-за огромной отдаленности Санкт-Петербурга и г. Иркутска уходило значительное время¹.

Селифонтов в своих замечаниях подытожил, что учреждение «гражданского правления на праве палат, для всего отдаленного края, кажется, довольно будет достаточно». В отношении кадрового обеспечения областного правления в г. Якутске была отмечена мысль о поддержке местных чиновников и дворян².

В разработке проекта по административно-управленческому преобразованию Якутии участвовал и главный чиновник Якутского края – городничий Якутского уезда И. Г. Кардашевский. Указом Сената Кардашевский был уволен в отпуск в Санкт-Петербург с 28 февраля по 28 июня 1803 г., позже отпуск был отсрочен еще на четыре месяца³. И. С. Москвин пишет, что «Кардашевский списался со знакомыми в Петербурге, узнал положительно о проекте и попросился на 4 месяца в отпуск... Имея состояние, и будучи человеком умным и кротким, он, посредством протекции, вошел в сношение с

¹ Там же.

² Там же. Л. 106.

³ РГИА. Ф. 1264. Оп. 1, Д. 95. Л. 14 об.

лицами, рассматривавшими проект, который и доверили ему просмотреть и изменить, что нужно было по тогдашнему времени»¹.

В 1803 г. было восстановлено генерал-губернаторство в Сибири, первым на данный пост был назначен И. О. Селифонтов. С этого времени начинается новый виток административных преобразований по Азиатской России, который продлился до 1819 г. Генерал-губернатор Сибири был наделен широкими полномочиями, как писал иркутский летописец: «все пало ниц и безмолвствовало»². Огромное влияние генерал-губернаторской власти на финансово-хозяйственную часть местного управления Сибири «вызвало недовольство со стороны некоторых министерств, заподозривших покушение генерал-губернатора на их прерогативы»³.

И. О. Селифонтову при назначении генерал-губернатором Сибири было поручено облегчить «отяготительное положение якутов по нарядам и перевозкам казенным». Однако выполнить это поручение оказалось для него довольно сложным, и в 1803 г. якутский голова Сивцов подал жалобу в адрес императора на существовавшее отягощение якутов по перевозкам казенных грузов в Охотск. Государь предписал Селифонтову «на месте рассмотреть с подробностью настоящие жалобы якутов»⁴.

В результате сибирских преобразований И. О. Селифонтова произошло объединение губернских отраслевых управлений, роль губернатора усилилась. Так, в 1803 г. в Томской губернии было учреждено губернское правительство, которым руководил губернатор. Правительство состояло из двух экспедиций: исполнительной (заменила губернское правление) и казенной (заменила казенную палату). Судебными делами занимались гражданский и уголовный суды. Данная практика была связана с «экономией средств и большого единства в действиях».

¹ Москвин И. С. Воеводы и начальники г. Якутска и их действия // Памятная книжка Якутской области за 1863 год. СПб., 1864. С. 200.

² История Сибири. Л., 1968. Т. 2. С. 451.

³ Гергилев Д. Н., Дуреева Н. С. Особенности административно-территориального положения России в начале XIX века (на примере Сибири) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2017. № 2. С. 32.

⁴ Андриевич В. К. Сибирь в XIX столетии. СПб., 1889. С. 9, 214.

Аналогичные процессы наблюдались и в административном преобразовании Иркутской губернии в апреле 1805 г., где произошло слияние Казенной палаты с Иркутским губернским правлением, а правление стало подразделяться на исполнительную и казенную¹.

Что касается Якутии, то рассмотренные мной предложения генерал-губернатора Сибири И. О. Селифонтова претворились в жизнь. 22 апреля 1805 г. с целью «удобнейшего разделения и управления Иркутской губернии» был издан именной указ об управлении Якутского края. В указе говорилось, что «по великому пространству, разделяющему Якутский край от Главного управления начальства, дабы доставить обывателям сего края более удобства как в суде и расправе, так и в других отношениях их к начальству, учредить в городе Якутске особенное гражданское правление под именем якутского областного правления». Председателем данного правления был назначен якутский областной начальник, главный по гражданской части в своем крае, непосредственно подчиненный Сибирскому генерал-губернатору. Кроме председателя в состав правления вошли также советник, два ассессора, заседатель от купечества и областной прокурор. Область административно подчинялась Иркутской губернии [см. Изображение 1]. Якутское областное правление соединяло в себе полицейскую (надзор над нижним земским судом и частными комиссарами), казенную (подряды, заготовления, перевозки и. т. п.) части, подчиненные Иркутскому губернскому правлению, а также судебную (гражданскую и уголовную палату в соединении) по Сенату².

Таким образом, в Якутии вошли в практику принципы губернского управления, сформулированные Екатериной II, которые были основаны на разделении местного управления на полицейскую, хозяйственную и судебные части.

¹ Гергилев Д. Н., Дуреева Н. С. Особенности административно-территориального... С. 32.

² ПСЗРИ. Собр. I. 1805. Т. XXVIII. № 21726.

Первым якутским областным начальником был определен упомянутый И. Г. Кардашевский. Вторичное назначение Кардашевского в качестве руководителя Якутского края имело несколько причин: 1) значительный опыт службы в якутских учреждениях (более 10 лет), в первую очередь в качестве якутского городничего; 2) успешно совершенный подряд с якутами по перевозке казенных грузов в Охотск и др. отдаленные места в 1804 г., за что и получил признательность сибирского генерал-губернатора И. О. Селифонтова; 3) участие в разработке самой реформы 1805 г.

15 ноября 1805 г. Кардашевский предписал членам Якутского уездного суда перед открытием Якутского областного правления «прибыть ко мне в дом для объяснения, каким порядком должен составлен быть обряд важности сего происшествия приличным». «Торжественное открытие» Якутского областного правления состоялось 19 ноября 1805 г.¹

Ко времени издания указа 1805 г. Якутия состояла из 7 комиссарств: 1) Амгинское (8861²); 2) Удское (1000); 3) Олекминское (3591); 4) Верхневилуйское (11865); 5) Жиганское – 1965; 6) Зашиверское – 2794; 7) Среднеколымское (2176). Кроме того, в подчинении земского суда состояло 23553 человек. В результате общее количество населения области составило 55805³. На основании реформы произошло укрупнение комиссарств, которых стало пять: **1) Якутское комиссарство; 2) Верхневилуйское; 3) Олекминское; 4) Верхоянское; 5) Среднеколымское.**

Накануне реформы М. Н. Баккаревич отмечал, что регион «простирается более нежели на 1000 верст в длину и ширину»⁴. Областной начальник М. И. Миницкий писал, что «пространство Якутской области простирается до 100000 квадратных верст»⁵.

¹ НА РС (Я) Ф. 181-и. Оп. 2. Д. 13. Л. 2, 4.

² В учет берется ревизская душа (душа мужского пола, которая входила в податные сословия).

³ Бульчов И. Д. Путешествие по Восточной Сибири. СПб., 1856. Ч. 1. С. 30.

⁴ Баккаревич М. Н. Статистическое обозрение Сибири. СПб., 1810. С. 341.

⁵ Миницкий М. И. Описание Якутской области // Журнал Министерства внутренних дел. 1830. Кн. 6. С. 170-171.

Как уже отмечалось, все реформы, введенные с 1803 года, были направлены против возникших злоупотреблений с целью разработки новой системы управления. Отчаянная борьба Селифонтова с «ябедниками» и «клеветниками» не привела к полному искоренению последних. С другой стороны, обширные полномочия генерал-губернаторской власти становились причиной злоупотреблений, что вызвало негодование со стороны иркутского купечества в виде анонимных жалоб в Санкт-Петербург. В 1805 г. Селифонтов был отстранен от службы в результате ревизии сенатора Ю. А. Головкина, на должность генерал-губернатора Сибири был определен протеже А. А. Аракчеева – И. Б. Пестель (отец будущего декабриста П. И. Пестеля). В период своего 13-летнего управления Сибирью И. Б. Пестель 12 лет находился в столице, пробив в Азиатской России лишь 10 месяцев. Управление Иркутской губернией было доверено Н. И. Трескину, который стал «правой рукой Пестеля». Однако правление Пестеля и Трескина характеризовалось многочисленными жалобами в Санкт-Петербург от купцов, чиновников, крестьян, генерала Куткина, архиепископа Михаила. Злоупотребления и беспорядки в Сибири были причиной роста недоимок и упадка государственных доходов.

Александр I именным рескриптом от 22 марта 1819 г. назначил нового генерал-губернатора Сибири, которым стал известный реформатор, служивший в то время пензенским губернатором М. М. Сперанский. Сперанский, назначенный в Сибирь из Европейской части России, приступил к ревизионной деятельности и составлению проектов, результатом которого стала Сибирская реформа 1822 г. Сперанский лично побывал в отдаленных уголках Сибири, был на Кяхте, на границе с Китаем, обозревал бурятские роды, однако на Якутию ревизия Сперанского не распространялась. Генерал-губернатор Сибири утвердил лишь распоряжение иркутского губернатора об отрешении от должности комиссара Ефимова и предал его суду за злоупотребления¹. Сибирские преобразования 1803-

¹ История Якутской АССР. М. 1957. Т. 2. С. 167.

1819 г., начатые Селифонтовым, продержались до реформы 1822 г., которая сумела установить достаточно сбалансированную областную структуру в Якутии.

Таким образом, следующей вехой административно-управленческого преобразования Якутии стала Сибирская реформа 1822 г. М.М Сперанского – «первый опыт разработки законодательства, основанного на географических, природно-климатических факторах, этнических, конфессиональных, внешнеполитических и иных особенностях региона»¹. Реформы определялись рядом законодательных актов: «Учреждение для управления Сибирских губерний», уставами: об управлении инородцев, об управлении киргиз-кайсаков, о ссыльных, об этапах, о сухопутных сообщениях, о городских казаках и с положениями: о земских повинностях, о хлебных запасах, о долговых обязательствах между крестьянами и между инородцами». В «Сибирском учреждении» 1822 г. говорилось об образовании областей: «...по малому их населению и по роду обывателей, не могут составить губернию, а по обширности их и удалению, одного окружного управления было бы для них недостаточно». Таким образом, административно-территориальная единица «область» являлась «приспособлением губернского к местным обстоятельствам»². Области во главе с областными начальниками были учреждены в Омском и Якутском краях. Однако между ними существовали некоторые различия. Омское областное управление состояло из областного начальника, который соединял в себе военную и гражданскую часть, областного совета (из председателей частных областных управлений), областного правления (исполнительная и казенная экспедиция), областного суда и областного прокурора. Кроме того, в совете заседали казачий атаман, командир инженерных войск и обер-аудитор. В состав Якутского областного правления входили областной начальник, областное правление (три советника, канцелярия и архив), медицинская и землемерная части и областной

¹ Дамешек Л. М., Дамешек И. Л. Сибирская реформа М. М. Сперанского 1822 г. как проявление принципов имперского регионализма // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 426. С. 88.

² Пручченко С. М. Сибирские окраины: областные установления, связанные с Сибирским учреждением 1822 г., в строе управления русского государства. СПб., 1899. С. 83.

стряпчий. Таким образом, состав учреждений Омской области был более близок к губернскому уровню, нежели Якутской¹.

Согласно «Сибирскому учреждению» 1822 г. Якутия оставалась областью во главе с областным начальником. Комиссарства были упразднены, появились округа – Якутский, Вилюйский, Олекминский, Верхоянский и Среднеколымский. Численность населения области в 1838 г. состояло из 89565 мужского и 90076 женского пола².

«Сибирское учреждение» 1822 г. М. М. Сперанского внесло некоторые корректировки в состав Якутского областного правления: председателем правления оставался областной начальник, увеличилось количество советников, которых стало трое, появились должности областного стряпчего, областного землемера, областного инспектора и чиновника по особым поручениям.

Областная форма управления характеризовалась «усеченным» составом учреждений и соответственно малочисленностью чиновников. В 20-е гг. XIX в. Якутская область занимала последнее место по количеству чиновничества среди сибирских губерний, уступая Енисейской губернии³.

Якутская область все также административно подчинялась Иркутской губернии. Структура управления якутским краем во второй четверти XIX в. и в целом по Сибири была весьма сложной и довольно запутанной. Якутский областной начальник подчинялся иркутскому гражданскому губернатору и Восточно-Сибирскому генерал-губернатору. Кроме того, областные начальники Якутии зависели и от министерств, к примеру, МВД.

А. В. Ремнев связывает столкновения между якутским областным начальником Н. И. Мягковым и Иркутским гражданским губернатором И. Б. Цейдлером со сложностью иерархии сибирской власти, когда второй обратился к

¹ ПСЗРИ. Собр. I. 1822. Т. XXXVIII. № 29125.

² Шукин Н. С. Поездка в Якутск. СПб., 1844. С. 307.

³ Верхотурова Т. Г. Штаты и численность Енисейской губернской администрации (1822-1917 гг.) // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В. П. Астафьева. 2011. № 2. С. 233.

первому касательно декабристского надзора, где первый ответил тем, что «не находится в ведомстве» иркутского гражданского губернатора¹. При этом конфликтные ситуации между областным начальником и иркутским губернатором наблюдались и до реформы 1822 г. Так, И. Г. Кардашевский отвергал проекты губернатора Н. И. Трескина, за что последний его «недолюбивал»².

В «Сибирском учреждении» 1822 г. были определены предметы ведения Якутского областного правления и Якутского областного начальника. К первому относились: «1. По общему управлению: 1) Надзор и меры взыскания с окружных мест возникающие: а) из частных их обозрений и ревизии; б) из представлений областного стряпчия в) из рассмотрения срочных ведомостей; 2) Составление ежегодных отчетов по областному управлению, из отчетов окружных, представление их губернскому совету; 3) Рассмотрение и решение по жалобам, приносимым областному правлению на окружные места в неправильном или медленном производстве дел, или в отказе правосудия. 2. По полиции: 1) Областное правление по части полиции заменяет в области губернское правление. Почему все предметы полицейского устройства, подлежащие надзору губернского правления в губернии, подлежат надзору областного правления в области. 3. По хозяйству: 1) Первоначальная смета и раскладка городских, земских и волостных или инородных повинностей, для представления их губернскому совету; 2) Дела по частной внутренней торговле, как то: охранение правил о свободе внутренней торговли и особенно жизненных потребностей; 3) Во всех прочих делах областное правление исполняет только поручения Казенной палаты, не вступая в непосредственное управление. 4. По суду: 1) По судным делам областное правление заменяет в области губернский суд; 2) По сему оно рассматривает и решить тяжёбые дела по апелляции и уголовные по ревизии на том же праве, как и губернский суд. Жалобы на него по сей части приносятся в

¹ Ремнев А. В. Самодержавие и Сибирь. Административная политика в первой половине XIX в. Омск, 1995. С. 142-143.

² Москвин И. С. Воеводы и начальники г. Якутска и их действия // Памятная книжка Якутской области за 1863 год. СПб., 1864. С. 200.

Правительствующий Сенат; 3) Уголовные приговоры, подобно как и в губернском суде, вносятся от правления к гражданскому губернатору, и, в случае несогласия его, представляются Главному управлению; 4) При рассмотрении дел уголовных, областной стряпчий входит во все обязанности губернского прокурора и в случае нужды делается представление»¹.

К предмету якутского областного начальника относились: «1) Побуждение к скорому и законному производству дел и взыскание недоимок в окружных управлениях; 2) Обозрения как общие, так и частные окружных управлений; ревизия их дел непосредственно или через чиновников и представление губернскому совету об успехах или упущениях; 3) Представление об определении или увольнении чиновников; 4) Замена чиновников в одном месте от другого и увольнение на 29 дней; 5) Рассмотрение и представление о наградах и поощрениях. Отправление к Губернскому начальству списков о всех чиновниках, в области служащих; 6) Ведомости о происшествиях; 7) Распорядок выдачи подорожных из мест, для сего установленных; 8) Утверждение членов думы и Городового суда; 9) Утверждение инородных старшин и начальников; 10) Утверждение волостных голов и старост»².

В «Сибирском учреждении» говорилось и об их ответственности перед законом: «Областные начальники, председатели губернских мест, окружные и прочие начальники подвергаются ответственности: 1) по жалобам, приносимым генерал-губернатору, Правительствующему Сенату, министерству или его императорскому величеству; 2) по замеченным самим генерал-губернатором отступлениям от закона, упущениям и проч.; 3) по донесениям местных начальств; 4) по последствию судов над другими лицами; 5) обозрением частей вверенного им управления, рассмотрением производства самых дел и проч.; 6) рассмотрением ежегодных отчетов»³.

¹ ПСЗРИ. Собр. I. 1822. Т. XXXVIII. № 29125.

² Там же.

³ Там же.

Таким образом, на основании Сибирской реформы 1822 г. наиболее подробно была изложена предметная область отношений. Более точно были определены права и обязанности якутских областных начальников. Положения «Сибирского учреждения», в первую очередь, были направлены на усиление надзора над административными учреждениями в связи с существовавшими беспорядками чиновников в Сибири. Одним из причин злоупотреблений чиновников являлось «отсутствие действенного надзора за действиями администрации»¹.

Итак, в обязанность якутского областного начальника входила ревизия обширной Якутской области². При этом область ревизовалась и Иркутским гражданским губернатором. В 1837 г. генерал-губернатор С. Б. Броневский предложил ревизовать Якутию Иркутскому губернатору один раз в три года. Сибирский комитет поддержал³.

Первоначально якутский областной начальник руководствовался императорским указом от 18 октября 1827 г., согласно которому губернаторы один раз в год обязаны были «объезжать все уездные города, ревизуя в них все присутственные места...». 2 февраля 1829 г. министр внутренних дел А. А. Закревский получил замечание от императора Николая I за то, что данное правило не относится к должности областного начальника Якутии. Государь предписал, что достаточно будет ему «объезжать вверенную область в два года один раз». 5 февраля 1829 г. Закревский передал поручение императора Восточно-Сибирскому генерал-губернатору А. С. Лавинскому⁴, который 16 марта 1829 г. проинформировал якутского областного начальника и обязал его основываться на новых правилах⁵.

Перед каждой ревизией якутский областной начальник обязан был информировать министра внутренних дел о поездке в округ и донести результаты

¹ Сибирь в составе Российской империи. М., 2007. С. 86.

² РГИА. Ф. 1281. Оп. 11. Д. 177. Л. 12; РГИА. Ф. 1286. Оп. 4 1829. Д. 230. Л. 1-14; РГИА. Ф. 1409. Оп. 2. Д. 5213. Л. 1-8; РГИА. Ф. 1409. Оп. 2. Д. 5351. Л. 1-2.

³ РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 217. Л. 1-5 об.

⁴ РГИА. Ф. 1286. Оп. 4. 1829. Д. 230. Л. 1-9 об.

⁵ РГИА. Ф. 1281. Оп. 11. Д. 177. Л. 12.

проведенного объезда в адрес императора: «о найденных порядках и беспорядках», а также «какие сделаны распоряжения к прекращению последнего»¹.

Первая ревизия была направлена в Вилюйский округ. 3 ноября 1828 г. областной начальник Н. И. Мягков «по первовыпадшему снегу» выехал из г. Якутска для ревизии окружного и инородческого управления. Мягков писал, что объехал 1200 верст. Замечаний по окружному управлению выявлено не было, отмечалось, «что производство дел в должном порядке», а «казенные имущества в целости». Жалоб от коренных народов не наблюдалось, между тем отмечалось, что они благодарны местному управлению округа. По инородческому управлению также не было выявлено нарушений, Мягков отмечал, что управление «основано на точных правилах Устава об инородцах», «жалоб на несправедливость онаго не поступало и по отзывам инородцев они управлением родона начальников своих довольны», «недоимок за прежнее время нет» и что он «отдает полную справедливость инородцам онаго в правильности понятий и действий их по Уставу». 23 ноября якутский областной начальник возвратился в г. Якутск. Результаты ревизии Олекминского округа, который областной начальник объезжал с 9 по 17 марта 1829 г., были аналогичны с предыдущим округом. Документ был сформирован по шаблону Вилюйского отчета².

Якутский областной начальник обязан был периодически выезжать за пределы г. Якутска. В 1829 г. декабрист М. И. Муравьев-Апостол вспоминал, возвращаясь из г. Вилюйска о том, что Мягков отсутствовал в г. Якутске. Весьма вероятно то, что начальник Якутской области в это время занимался ревизионными делами по области³.

Активное участие в ревизионной деятельности принимали и чиновники по особым поручениям. В 1829 г. Н. И. Мягков и Ф. П. Булатов побывали в

¹ Там же.

² РГИА. Ф. 1286. Оп. 4. 1829. Д. 230. Л. 11-14.

³ Декабрист М. И. Муравьев-Апостол. Воспоминания и письма. Предисл. и прим. С. Я. Штрайха. Петроград, 1922. С. 68.

Борогонском и Ботурусском улусе Якутского округа, где была проведена ревизия делопроизводства управ и встреча с местным населением¹. В самый отдаленный регион Якутского округа – Удского края был командирован для обозрения и чиновник по особым поручениям А. Я. Уваровский. В результате ревизии Уваровского Мягковым была поставлена задача обустройства данного края.

Однако после ухода Н. И. Мягкова проведение систематических ревизий прекратилось. По сведениям управляющего Якутской областью И. Н. Веригина в 1834 г. последняя ревизия состоялась лишь в 1830 г. из-за отъезда Мягкова из Якутской области в Санкт-Петербург в 1831 г. и смерти областного начальника В. Н. Щербачева в 1833 г.²

Согласно предписанию генерал-губернатора Восточной Сибири Н. И. Сулима в 1834 г. область был обязан ревизовать вновь определенный областной начальник И. Д. Рудаков, который в последующем правил Якутией продолжительное время. Сулима предписал Рудакову объезжать область совместно с чиновником по особым поручениям Главного управления Восточной Сибири П. П. Сукачевым и с другим служащим, назначаемым областным начальником. Особое внимание при «обревизовании» необходимо было обратить на то, что: «1) Соблюдается ли в производстве и решении дел законный порядок; 2) Нет ли упущения по делам казенное хозяйство составляющим, во вред казне; 3) Доставляется ли по частным делам своевременно правосудие по законам; 4) Не существует ли вообще злоупотреблений по управлениям...». Планировалось проводить ревизию лишь по трем ближайшим округам, а не северным, как и ранее наблюдалось – Якутскому, Вилюйскому и Олекминскому³.

Вероятно, самой последней являлась ревизия 1849 г., проведенная областным начальником Н. Я. Каргопольцевым в Вилюйский округ согласно

¹ Петухова З. И. Якутская Степная Дума. Якутск, 2007. С. 72.

² РГИА. Ф. 1286. Оп. 4. 1829. Д. 230. Л. 9.

³ НА РС (Я). Ф. 13-и. Оп. 1. Д. 57. Л. 1-2.

предписанию другого восточносибирского генерал-губернатора – Н. Н. Муравьева-Амурского¹.

В Якутию обязаны были выезжать с систематической ревизией также иркутские гражданские губернаторы. В «Сибирском учреждении» 1822 г. к обязанностям иркутского губернатора было прописано: «Обозрения, как общие, так и частные всех местных управлений, как губернских, так областных и окружных, и ревизия их дел или непосредственно, или через чиновников, а в важных случаях составлением из них следственных комиссий. Ревизия дел в местах губернского управления производится гражданским губернатором не иначе, как лично или через членов губернского совета». В «Своде законов Российской империи» было прописано, что Тобольская, Томская, Иркутская губернии и Туруханский край Енисейской губернии обзревается местными губернаторами один раз в два года. Губернатор в 1-й год ревизовал округа по Московскому тракту до границ Енисейской губернии, во 2-й Забайкальские и Нерчинские округа, а также пограничные линии, а «за тем в продолжении сих двух лет, он при всей деятельности не в силах будет без упущения по своей должности, посетить Якутскую область, отстоящую от Иркутска на пространстве 2700 верст». В связи с этим в 1837 г. генерал-губернатор С. Б. Броневский предложил ревизовать Якутию иркутскому губернатору один раз в три года, чтобы губернатор смог успеть объездить всю обширную губернию². Приезжал с ревизией и сам С. Б. Броневский, до его приезда Якутия не ревизовалась генерал-губернаторами.

Итак, со второй четверти XIX в. областной начальник начинает проводить ревизию Якутской области один раз в два года, не основываясь, таким образом, на общие правила для губернаторов Российской империи, по которому было предписано объезжать вверенный ему регион ежегодно. В условиях удаленности и огромности региона ревизионная деятельность местного начальника имела

¹ РГИА. Ф. 1349. Оп. 3. Д. 974. Л. 45.

² РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 217. Л. 1-5.

весьма важное значение. Кроме того, Якутию до 1830-1840-х гг. с осмотром не объезжали ни генерал-губернаторы, ни ревизирующие Сибирь сенаторы.

Отчет о ревизии отправлялся в адрес императора, где проводником в этой коммуникативной цепи являлся министр внутренних дел. Происходит усиление влияния данного министерства в административно-полицейской деятельности начальника Якутской области. Российское правительство рассматривало «обревизование» якутского региона областным начальником как механизм контроля над местными органами власти, рассчитывая в будущем на ее систематическое проведение. Однако частые кадровые перестановки и отдаленность округов становились проблемой в реализации данной задумки. К примеру, на практике на северные округа ревизии практически не распространялись. В целом надзирательная деятельность над административными учреждениями огромной Якутии во второй четверти XIX в. характеризовалась сложностями. Стоит отметить, что результаты сенаторской ревизии И. Н. Толстого в 1840-е гг. и предпосылки административной реформы генерал-губернатора Н. Н. Муравьева-Амурского в 1851 г. по преобразованию Якутии были непосредственно связаны с существовавшими проблемами в системе якутского управления.

Другой обязанностью якутских областных начальников являлась ежегодная подача отчетов о состоянии Якутской области управляющему МВД. 30 апреля 1828 г. министр внутренних дел А. А. Закревский предписал начальнику Якутской области Н. И. Мягкову подавать отчет об управлении вверенного ему региона. 2 апреля 1829 г. управляющий МВД отметил, что документ составлен не на основании обновленных правил от 30 ноября 1828 г. Мягков объяснил сложившуюся ситуацию следующим образом: «...отчет мой за 1828 год представлен прежде получения циркулярного предписания МВД от 30 ноября 1828 года, коим поставляется в обязанность составлять отчет держась правил в 1804 году преподанных и как циркулярного предписания с правилами преподанными в 1804 году в Якутскую область на пред сего доставлено не было и

ныне не имеется, то я и спрашивал у Вашего Высокопревосходительства представлением моим от 10 февраля сего года № 331, удостоить милостивого внимания Вашего в принятии отчета моего в той форме, какой токмо мог я составить во исполнения самого первого еще предписания 30 апреля 1828 года №1289, а между тем на будущее время приказать доставить к руководству моему список с правил, преподанных в 1804 году». Мягков в данном письме отметил затруднения в почтовых сообщениях между Санкт-Петербургом и г. Якутском, что связано с удаленностью регионов¹. Таким образом, годовой отчет начальника Якутской области было предписано составлять на основании общих правил для губернаторов, обновленных от 30 ноября 1828 г.

«Отчет об управлении Якутской областью» за 1828 г. состоял из вступительного слова якутского областного начальника и 4 разделов: «по предмету гражданской полиции», «по предмету областного начальника», «по предмету благоустройства инородцев», «по предмету устройства отдаленного Удского края». Всего имелось 8 пунктов. Все пункты были изложены в довольно кратком объеме. Статистических приложений данный отчет не располагал. Отчет за 1828 г. имел произвольный характер, во вводной части говорилось о введении «Устава об управлении инородцев» 1822 г. в Якутии, но и в целом годовой отчет был посвящен деятельности в отношении инородческого населения, что неудивительно, т. к. Н. И. Мягковым была проделана огромная работа по внедрению «Устава» в Якутскую область.

Учитывая то, что отчеты областных начальников Якутии перед МВД за первую половину XIX в. не обнаружены, при этом в сведениях МВД, кроме отчета 1828 г., упоминается и представление Мягкова за 1827 г.², которое в данное время нами не обнаружено и не рассмотрено, вопрос о первом отчете якутского областного начальника остается открытым.

В организации составления отчета ответственность была возложена на 1-ое отделение Якутского областного правления, которое по предписанию областного

¹ РГИА. Ф. 1281. Оп. 11. Д. 175. Л. 18-24 об.

² РГИА. Ф. 1281. Оп. 11. Д. 176. Л. 65.

начальника от 4 апреля 1829 г. обязано было подавать перед ним на 7 декабря каждого года. В состав отделения, которым ведал советник (ближайший помощник областного начальника, который заменял последнего в случае его отсутствия), числились столоначальник и помощник¹.

Отчет якутского областного начальника за 1829 г. был составлен уже на основании обновленной формы губернаторского отчета от 30 ноября 1828 года, согласно которой данный документ был разделен на 4 тетради: 1) Департамента полиции исполнительной; 2) Департамента государственного хозяйства и публичных зданий; 3) Гражданского генерал-штаб-доктора; 4) Хозяйственного департамента. Отчет состоял из следующих разделов: по устройству областных и земских управлений, полиций, пожарной части, городских повинностей и вообще по части устройства городов; по охранению внутренней безопасности и о полиции дел судных и уголовных; по части земских повинностей и о воинских требованиях; по части земледелия и сельской промышленности; по части публичных зданий; о количестве медицинских чинов; о карантинах; о болезнях людей; о болезнях на скот; о минеральных водах; о числе аптек: о дел предмет бы коих требовал судебно медицинских исследований; народное продовольствие и промышленность; по части общественного призрения; о состоянии соляных дел².

С этого времени появляются в приложениях различного рода «ведомости», где содержались статистические данные: ведомости о решенных и нерешенных делах по Якутской области; о поступлении в течение года в Якутское окружное казначейство разного рода податях и повинностях, также и личных недоимках; об окладных недоимках, поступивших в Якутское окружное казначейство в течение года; о привитых оспую людям по Якутской области, о посеве и урожае хлеба; о сельских запасных магазинах; по соляной части, а также табель о городских и земских повинностях деньгами платимых³.

Согласно «Общему наказу гражданским губернаторам» от 1837 г. расчленение годового отчета на департаменты было отменено, вместо этого

¹ НА РС (Я). Ф. 13-и. Оп. 1. Д. 57. Л. 18, 40-44 об.

² РГИА. Ф. 1281. Оп. 11. Д. 176. Л. 2-113.

³ Там же. Л. 34-63 об., 91, 106-113.

появились 16 статей¹. Однако деление отчета начальника Якутской области на департаменты продолжалось и в начале 1840-х гг.², что отражало типичное для отдаленного региона отставание делопроизводственной практики.

Отчет И. Д. Рудакова за 1841 г. имел другое официальное название – «Генеральный отчет об управлении Якутской областью»³. Однако в целом существенных изменений в структуре отчетных документаций конца 1820-х гг. и начала 1840-х гг. не наблюдается.

В своих отчетах якутские областные начальники отражали проблемы региона, а также освещали и осуществленные меры по решению этих проблем. Так, в разделе «По устройству областных и земских управлений, полиций, пожарной части, городских повинностей и вообще по части устройства городов» Мягков за 1828-1829 гг. неоднократно жаловался на нехватку канцелярских чиновников, жалованья и финансов на канцелярские припасы. Проблемы с канцелярскими областными начальниками связывал с нехваткой штатов, в особенности по части областного начальника, городской управы и Колымского окружного исправника. Областной начальник Якутии писал, что существующая ситуация побудила его ежегодно «добавлять от себя 500 рублей, дабы сим хотя несколько усоразмерить и обеспечить крайние необходимости канцелярских чиновников, а чрез то отклонить и те неисправности кои могли бы быть следствием сего»⁴. Не лучше дело обстояло и в 40-е гг. XIX в. Якутский областной начальник И. Д. Рудаков в своем отчете за 1841 г. также писал о проблеме недостатка канцелярских чиновников⁵. Нехватка штатных единиц наблюдалась и по областному инспектору, повивальной бабке, старшему лекарскому ученику, окружному лекарю для отдаленного Колымского округа⁶.

Становление и эволюция отчетной документации якутского областного начальника отражали процесс бюрократизации системы управления в

¹ ПСЗРИ. Собр. II. 1837. Т. XXII. № 10303.

² РГИА. Ф. 1281. Оп. 4. Д. 107. Л. 1-26 об.

³ Там же.

⁴ РГИА. Ф. 1281. Оп. 11. Д. 176. Л. 1 об.-6; РГИА. Ф. 1281. Оп. 11. Д. 177. Л. 1 об. – 5 об.

⁵ РГИА. Ф. 1281. Оп. 4 1841. Д. 95. Л. 3-7 об.

⁶ РГИА. Ф. 1281. Оп. 11. Д. 176. Л. 81 об.

николаевскую эпоху. Однако в условиях отсутствия специального формуляра отчетной документации для областных начальников последние основывались на общих правилах для губернаторов. В связи с отдаленностью региона отставали изменения в делопроизводственной и вообще в управленческой практике. Отчет являлся продуктом коллективных усилий, основную роль играли чиновники 1-го отделения областного правления. Особое место уделялось введению в Якутии «Устава об управлении инородцев» 1822 г. Местная власть использовала отчеты для представления перед центральной властью насущных проблем Якутского края и освещения осуществленных и предлагаемых мер по их решению.

Основываясь на вышеперечисленных обязанностях областного начальника Якутии, можно утверждать, что во второй четверти XIX в. происходит усиление влияния МВД в административно-полицейской деятельности «хозяина» Якутской области. Особенно это проявляется в 1840-е гг., когда в Якутском областном правлении в 1842 г. было учреждено рекрутское присутствие, которое находилось в подчинении Управления по делам воинской повинности МВД¹. Областной начальник Якутии практически становится чиновником МВД, как и их коллеги – губернаторы.

Итак, образование особого гражданского правления под именем «Якутского областного правления» в 1805 г. явилось следствием следующих региональных факторов: 1) **Географической специфики, удаленностью от центральной власти и губернского центра – г. Иркутска, обширностью якутского региона.** Еще с XVII в., с началом властного освоения Якутии, российское правительство обратило внимание на обширность региона в своих административно-территориальных преобразованиях. В полномочия Якутского областного правления вошли: полицейские, казенные и судебные дела: а) В условиях сибирских злоупотреблений и беспорядков наделение полицейскими функциями областного правления на отдаленном регионе Сибири являлось крайней необходимостью; б) Дела по составлению подрядов с поставщиками теперь были

¹ Якутия. Хроника. Факты. События. 1632–1917. Сост. А. А. Калашников. Якутск, 2000. С. 159.

возложены к Якутскому областному правлению при председательстве якутского областного начальника. В 1803 г. к генерал-губернатору Сибири И. О. Селифонтову было предписано: «Прежде, нежели будет устроен в Якутске образ управления для успешнейшего надзора за казенными в той стране подрядами, заготовлениями и перевозками, так как и для исправления разных в том краю дел, вы имеет избрать и определить туда из достойнейших чиновников начальника, снабдив его по силе данной вам инструкции соразмерным доверию и нужде степенем власти разрешаться и разрешать подчиненных ему людей в обстоятельствах, не терпящих времени...»¹. Так в 1804 г. первому областному начальнику Якутии И. Г. Кардашевскому, опытному управленцу, перед назначением в данную должность были поручены дела по подрядам с якутами в Охотск и др. места, что стало своеобразным «испытательным сроком» (в сентябре 1803 г. после командировочного отпуска в Санкт-Петербург Кардашевский был определен советником Иркутского губернского правления)². Таким образом, снабжение северо-восточных окраин Российской империи сыграло важную роль в формировании особенного гражданского правления в г. Якутске; в) Важное значение имела и судебная часть. В своем предложении Селифонтов предложил учредить в г. Якутске гражданское правление на праве палат для успешного процесса гражданских и уголовных дел. В процессе разработки сибирских реформ 1822 г. уже другой генерал-губернатор Сибири М. М. Сперанский отмечал на правильность образования Якутской области в 1805 г., говоря о праве уголовного и гражданского суда областного правления, тем самым ссылаясь на сокращение судопроизводства³; 2) **Малочисленность региона** стала препятствием для учреждения губернии или другой самостоятельной провинции, отделенной от Иркутской губернии. В «Статистическом обозрении Сибири», составленном чиновником МВД М. Н. Баккаревичем в связи с преобразованиями в Сибири в

¹ ПСЗРИ. Собр. I. 1805. Т. XXVII. № 20890.

² РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 95. Л. 14 об.-15.

³ Пругченко С. М. Сибирские окраины: областные установления, связанные с сибирским учреждением 1822 г., в строе управления русского государства: историко-юридические очерки. СПб., 1899. С. 83.

начале XIX в., население Якутской области насчитывалось 55807 тыс. человек¹. Другим моментом было развитие рыночных отношений в Якутском крае. М. М. Сперанский накануне разработки великой сибирской реформы, в 1821 г., отмечал: «Якутская область есть настоящая губерния не только по пространству, но и по значительной торговле. Число жителей до 80 тысяч, что по сибирскому счету составляет уже важное население»². Динамическая тенденция в развитии торговли наблюдается среди коренных народов Якутии – якутов, которые составляли значительную часть населения области. В 1835 г. Главное управление Восточной Сибири писало министру финансов о том, что якуты вступают в экономические отношения с местными купцами, что не допускается для разряда «кочевых инородцев» на законном уровне³. В результате «Сибирского учреждения» 1822 г. Якутское областное правление по своей структуре и составу чуть более приблизилось к губернской форме управления.

Таким образом, если авторы проекта «о благоустроении Якутской области» не рассматривали малонаселенность края как причину невозможности учреждения губернской формы правления в регионе, а обширность территории связывали с образованием независимого от Иркутской губернии особого правления в г. Якутске, которому подчинялся бы Охотский край, то иркутский военный губернатор Б. Б. Леццано и вовсе не видел в надобности реформирования якутской системы управления, отмечая, что вытекающие проблемы Якутского края не связаны с первой и второй ее спецификой. Рассмотрев и изучив все предложения, наделенный обширными полномочиями главный начальник Сибири, генерал-губернатор И. О. Селифонтов решил: а) Невозможность учреждения независимой Якутской провинции с включением Охотска из-за малонаселенности населения и невыгодности для царской казны; б) Учреждение гражданского правления на правах палат в г. Якутске в связи ее удаленностью от г. Иркутска.

¹ Баккаревич М. Н. Статистическое обозрение Сибири. СПб., 1810. С. 367.

² Вагин В. И. Исторические сведения о деятельности графа М. М. Сперанского в Сибири с 1819 по 1822 гг. СПб., 1872. Т. 1. С. 137.

³ РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 379. Л. 1-2 об.

Обширность региона, а также его численность населения стали в последующем основными критериями учреждения областной формы управления в регионах Российской империи, которые прочно усвоились в политике имперского регионализма М. М. Сперанского. Сперанский в своих реформах отмечал: а) 1809 г. в проекте «Введение к уложению государственных проектов»: «Именованье областей присвоается тем частям империи, кои по пространству и населению своему не могут войти в общий распорядок управления»; б) 1822 г. в «Сибирском учреждении»: «...по малому их населению и по роду обывателей, не могут составить губернию, а по обширности их и удалению, одного окружного управления было бы для них недостаточно».

«Область» являлась наиболее оптимальной формой управления, считавшейся приспособлением губернского к местным условиям и являвшей вроде промежуточного звена между губернией и уездом или округом (однако область не составляла особой степени управления в иерархии власти, а соответствовала губернскому уровню). Административная подчиненность от «второго центра» – Иркутской губернии продолжалась.

Учреждение Якутского областного правления в 1805 г. ознаменовалось эпохой реформаторской деятельности Александра I. Образование областной формы управления на северо-востоке Российской империи стало возможным благодаря усилиям местных чиновников в 1790-х гг. в лице И. Эверса и С. Гарновского, отстаивавших расширение административной самостоятельности якутского края. Другим местным чиновником, участником разработки реформы 1805 г., являлся опытный якутский управленец И. Г. Кардашевский, прослуживший в последующем якутским областным начальником более 10 лет. Проект, рассмотренный представителями центральной, иркутской и якутской властей, был скорректирован и реализован в контексте сибирских административных реформ начала XIX в. под руководством генерал-губернатора Сибири И. О. Селифонтова.

С введением гражданского правления под именем Якутского областного правления апробировался и новый институт власти Российской империи – областной начальник. Ранее функционировавшие институты власти в Якутском крае, такие как «комендант» (1784-1797 гг.) и «городничий» (1797-1805 гг.), не соответствовали назревшим условиям и новой форме управления. В 1797 г., при правлении Павла I, началось уничтожение звания обер-коменданта, а также должности коменданта в безгарнизонных городах. Данная форма правления упразднялась и в других сибирских регионах: 1) В 1800 г. пришлось расформировать должность коменданта Охотска в связи со слабостью управления Охотским краем комендантом Пирожковым, его неспособностью проконтролировать командира Охотского порта И. Н. Бухарина¹; 2) в 1803 г. на Камчатке институт коменданта был заменен на областного правителя – «дабы придать более важности посту камчатскому»²; 3) в 1805 г. была упразднена должность обер-коменданта в Нерчинске в связи с закрытием гражданского правления «из-за отсутствия дел» в регионе³. Что касается функционирования института коменданта в Якутской области, то негативная деятельность некоторых якутских комендантов подрывала престиж данной должности среди сибирского общества. Сложно обстояли дела со взаимодействием комендантской власти с коренными народами Якутии в отношении организации поставок в Охотск. Первый якутский комендант А. О. Маркловский на просьбу якутов вернуть обещанные деньги по расходам за извоз грузов отвечал им следующее: «За поставку 1783 года...денег выдать не следует, а вам, головам, подтвердить с тем, чтобы вы впредь с подобными сему недельными просьбами в правительство входить не отваживались»⁴. И. С. Москвин отмечает, то, что на Маркловского писали доносы не только «обыватели», но и сами якутские чиновники. Наблюдалась социальная напряженность и при коменданте Г. А. Козлове-

¹ Ремнев А. В. Россия Дальнего Востока. Имперская география власти XX – начала XX. Омск, 2004. С. 91.

² РГАВМФ. Ф. 166. Оп. 1. Д. 3957. Л. 13 об.

³ РГИА. Ф. 1286. Оп. 1. Д. 226. Л. 109 об.

⁴ Петухова З. И. Якутская Степная Дума. Якутск, 2007. С. 18.

Угренине, который освободил должность, находясь под следствием¹. И. Г. Кардашевскому, в бытность якутским городничим, приходилось заниматься приведением в «должный порядок запущенных, бывшими в Якутске областными комендантами»². Должность городничего, олицетворяющая полицейскую власть уездного города, не соответствовала областной форме управления.

Результатом правительственной политики поиска наиболее оптимальных форм управления Якутским краем в период со второй четверти XVIII в. до XIX в. стало формирование нового института власти Российской империи – областного начальника, что является первым опытом в административно-управленческой практике Российской империи. Якутская область с довольно «усеченным составом учреждений» не соответствовала по своему административному-управленческому статусу для введения в качестве главы области губернаторской должности, однако практика учреждения губернаторского поста в крупно населенных областях с пестрым этническим составом в правительственной политике все же существовала. Кроме того, Якутская областная администрация непосредственно подчинялась иркутским властям во главе с иркутским гражданским губернатором [см. Таблица 2], что породило бы административно-управленческие противоречия из-за возникновения соподчиненности «губернатор-губернатор». Структура управления Якутской областью была довольно сложной. В условиях двойного административного подчинения на региональном уровне (иркутскому гражданскому губернатору и генерал-губернатору) значительное влияние на областных начальников Якутии, как и на губернаторов Российской империи, в эпоху николаевской бюрократизации стали оказывать министры внутренних дел.

Таким образом, начало XIX в. ознаменовалось определением в Якутский край своего руководителя наподобие «губернатора» – якутского областного начальника, однако по правовому статусу и социокультурным характеристикам

¹ Москвин И. С. Воеводы и начальники г. Якутска и их действия // Памятная книжка Якутской области за 1863 год. СПб., 1864. С. 196, 198.

² РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 95. Л. 29.

несколько отличавшегося от «хозяина губернии». В отношении последнего показателя нами проведен анализ кадрового состава корпуса якутских областных начальников в следующем параграфе.

1.3. Корпус якутских областных начальников

Назначение и увольнение якутских областных начальников совершались от имени императора, однако важную роль в деле их определения играли высшие государственные учреждения. Определенное влияние на эту процедуру до императорского вердикта оказала реформа М. М. Сперанского (1822 г.). Особенности назначения некоторых начальников области рассмотрим в различные периоды – до, во время генерал-губернаторства Сперанского и после принятия сибирских реформ 1822 г.: 1) сибирский генерал-губернатор отправлял представление с кандидатурой морскому министру¹; 2) генерал-губернатор Сибири писал представление министру внутренних дел²; 3) восточно-сибирский генерал-губернатор высылал представление МВД, далее министерство интересовалось мнением Сибирского комитета, поручая ему предварительное рассмотрение кандидатур³.

Таким образом, в разное время важную роль при формировании корпуса якутских областных начальников играли МВД, Сибирский комитет и Морское министерство. Огромная роль в подборе претендентов принадлежала управляющему МВД. Генерал-губернатор Восточной Сибири писал, что «определение на сие место (должность начальника Якутской области – *А.В.*) зависит от Министерства внутренних дел»⁴. Данный процесс требовал немало усилий со стороны министра внутренних дел. На его имя стекались письма с просьбой о назначении в Якутскую область⁵. Не обходилось и без переписки управляющего МВД с подходящими учреждениями по кандидатуре⁶.

На посту «хозяина» Якутской области (1805-1852 гг.) побывало всего 13 человек. Среди них трое управляли областью всего по несколько месяцев,

¹ РГАВМФ. Ф. 203. Оп. 1. Д. 558 Л. 1-4; РГАВМФ. Ф. 203. Оп. 1. Д. 600. Л. 1-3 об.

² Вагин В. И. Исторические сведения о деятельности графа М. М. Сперанского в Сибири с 1819. СПб., 1872. Т. 1. С. 137.

³ РГИА. Ф. 1286. Оп. 3 1825. Д. 210. Л. 1-5, 11-12 об.

⁴ Там же. Л. 8.

⁵ Там же. Л. 8-8 об., 13-13 об.

⁶ РГАВМФ. Ф. 212. Оп. 8. Д. 714. Л. 3-6.

шестеро – от 1 до 5 лет, четверо – от 5 до 10 лет и более¹. Непродолжительность правления областных начальников Якутии и длительность пребывания на должности было присуще как в первой четверти XIX в., так и во второй. Более 10 лет правили И. Г. Кардашевский и И. Д. Рудаков. Первый ушел в отставку в связи с состоянием здоровья², второй умер во время пребывания в должности в мае 1845 г., так и не узнав о его увольнении императорским указом, которое было передано Сенату от 22 марта 1845 г.³

Учитывая отдаленность, обширность и сложные природно-климатические условия правительство пыталось удерживать на посту областного начальника Якутии достойных и надежных чиновников, например, такое отношение было к И. Г. Кардашевскому и М. И. Миницкому, которые отказывались продолжать управление над Якутской областью⁴. Подобное отношение к чиновникам, которые занимали должность начальника Якутской области, исходило и «снизу». В 1810 г. представители городских сословий просили у высшей администрации «оставить навсегда» на посту якутского областного начальника И. Г. Кардашевского⁵. В 1832 г. сформировалось общественное движение якутов, по своей форме приобретшее петиционный характер, где лидеры инородческого самоуправления просили М. М. Сперанского отозвать смещенного с поста в 1831 г. Н. И. Мягкова обратно в Якутию⁶. В обоих случаях прилагалась положительная характеристика деятельности якутских управленцев.

В связи со смертью якутского областного начальника и до вступления в эту должность нового назначенца зачастую областью управляли временно. В подобных ситуациях пост начальника Якутской области замещал советник по старшинству, как и было прописано в «Сибирском учреждении» 1822 г.⁷ Таким образом, советник являлся вторым по значимости лицом в областной

¹ Сафронов Ф. Г. Дореволюционные начальники Якутского края. Якутск, 1993. С. 18-19.

² НА РС (Я). Ф. 180-и. Оп. 1. Д. 92. Л. 54.

³ РГИА. Ф. 1341. Оп. 59. Д. 1244. Л. 1 об.

⁴ РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 95. Л. 26 об.; Вагин В. И. Исторические сведения о деятельности графа М. М. Сперанского в Сибири с 1819 по 1822 гг. СПб., 1872. С. 137.

⁵ РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 95. Л. 23.

⁶ РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 377. Л. 1-5 об.

⁷ ПСЗРИ. Собр. I. Т. XXXVIII. № 29125.

администрации. Советники осуществляли контроль за исполнением должностных обязанностей служащих Якутского областного правления и поддерживали слаженную работу чиновнического аппарата. Советник Ф. М. Пономарев в 1827 г. докладывал в областном присутствии: «...некоторые из состоящих в штате, сего правления приказные служащие весьма слабое имеют прилежание в исправлении должностей своих, и быв более праздными шалостями своим причиняют помешательство и тем, кои бывают заняты делами...»¹.

Согласно штату от 1805 г. в состав Якутского областного правления входил один советник², по сибирской реформе 1822 г.: один старший советник и два советника³. На основании штата от 1837 г. должность третьего советника была упразднена⁴, что вызвало недовольство местной власти и даже ходатайствование об определении третьего советника, однако безуспешно⁵.

Ачкасов, являясь теперь уже старшим советником, выполнял обязанности начальника Якутской области в связи со смертью Д. Я. Рудакова в 1824 г.⁶ Во второй четверти XIX в. Якутской областью управляли старший советник И. И. Голубев (с 1833 г.) и советник И. В. Фролов (с 1850 г.). Первый был назначен после смерти В. И. Щербачева, второй – после смерти Н. Я. Каргопольцева⁷.

Советники заменяли якутских областных начальников и в случае отъездов и др. причин отсутствия. К. С. Булатов управлял Якутской областью в 1836-1837 гг. при начальстве И. Д. Рудакова⁸. По предложению областного начальника Якутии Н. Я. Каргопольцева советник И. В. Фролов «исправлял обязанности председательствующего в областном правлении и Строительной комиссии и управлению частью областного начальника» в 1849 г. в связи с командировкой

¹ НА РС (Я). Ф. 180-и. Оп. 1. Д. 332. Л. 11.

² ПСЗРИ. Собр. I. Т. XLIV. Книга штатов. Ч. 2. № 24985.

³ ПСЗРИ. Собр. I. Т. XXXVIII. № 29125.

⁴ ПСЗРИ. Собр. II. Т. XV. Штаты и таблицы. Ч. 2. №. 14105.

⁵ РГИА. Ф. 1281. Оп. 4 1841 г. Д. 95. Л. 3-3 об.

⁶ РГИА. Ф. 1286. Оп. 4. 1826. Д. 448. Л. 19.

⁷ Сафронов Ф. Г. Дореволюционные начальники Якутского края. Якутск, 1993. С. 18.

⁸ РГИА. Ф. 1349. Оп. 6. Д. 40. Л. 7-24.

Каргопольцева в Вилюйский округ¹. До реформы 1822 г. обязанности якутского областного начальника исправлял также единственный советник Якутского областного правления А. Н. Ачкасов в связи с отъездом в Охотск областного начальника М. И. Миницкого в 1816 и 1817 гг.²

Наличие статских чинов, начиная от коллежского асессора и заканчивая статским советником (VIII-V классы по «Табели о рангах»), было необходимым критерием при определении на данную должность. Н. П. Матханова, со ссылкой на Л. Е. Шепелева, включает якутских областных начальников в категорию «среднего чиновничества»³. Тем не менее большинство областных начальников Якутии находились в чине статского советника (V класс) – звания которое соответствовало разряду высших губернских должностей⁴. Некоторые областные начальники были произведены в данный чин на основании специальных законодательных актов, распространявшихся на Сибирь. Государственная служба в окраинной территории империи – Сибири имела свою специфику, которая была связана с созданием особых условий службы. «Недостаток чиновников в Сибири привел к принятию специальных мер по привлечению туда людей на государственную службу. В российском законодательстве о гражданской службе появились специальные законы, определявшие порядок чинопроизводства и материального обеспечения чиновников в так называемых отдаленных привилегированных губерниях...», – отмечал А. В. Ремнев⁵. Создание особых условий службы происходило и в других окраинах Российской империи. Данные мероприятия были связаны со стремлением царской власти выработать единую унифицированную модель по управлению окраинными территориями государства⁶.

¹ РГИА. Ф. 1349. Оп. 3. Д. 2368. Л. 70.

² РГИА. Ф. 1286. Оп. 4. 1826. Д. 448. Л. 17–18.

³ Матханова Н. П. Высшая администрация Восточной Сибири в середине XIX века: Проблемы социальной стратификации. Новосибирск, 2002. С. 21–22.

⁴ Зайончковский П. А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. М., 1978. С. 65.

⁵ Ремнев А. В. Самодержавие и Сибирь. Административная политика в первой половине XIX в. Омск, 1997. С. 207.

⁶ Дамешек Л. М., Дамешек И. Л. Сибирь в системе имперского регионализма (1822–1917 гг.): монография. 2-е изд., испр. и доп. Иркутск: Оттиск, 2018. Т. 2. С. 139.

По сведениям В. И. Вагина к моменту сибирских реформ 1822 г. М. М. Сперанского чиновничество в Восточной Сибири преимущественно имело местное происхождение, что «дает основания считать в основном завершившимся длительном процессе формирования костяка восточно-сибирской классной бюрократии». Однако на должности генерал-губернатора до начальников губернских учреждений в приоритете оставались дворяне-чиновники из центральных регионов¹.

В Якутии распространялось действие закона от 21 марта 1798 г. «Об определении чиновников в присутственные места Иркутской губернии с награждением чинов и с выдачею прогонных денег на проезд»², а затем и 21 марта 1810 г., согласно которому чиновникам, назначенным в Иркутскую губернию, присваивались чины с тем условием, что они должны были нести службу там не менее трех лет³. Государственная политика привлечения и удержания чиновников в Сибири нашла отражение и в сибирских преобразованиях 1822 г. М. М. Сперанского. В целом «Сибирское учреждение» 1822 г. лишь обобщило существовавшее законодательство о льготах по сибирской службе. На основании реформы все чиновники, определяемые в Азиатскую Россию, награждались следующим чином до коллежского советника включительно, получали треть годового жалованья не в зачет и прогоны до места службы с условием того, что обязаны были служить в этом крае не менее 3 лет⁴.

При назначении в область претендент с военным или «классным чином», производился в гражданский чин. В 1818 г. капитан I ранга (VI класс), начальник Охотского порта М. И. Миницкий по представлению Сибирского генерал-губернатора И. Б. Пестеля был определен императорским указом в Якутскую область с награждением чина статского советника⁵. Спустя 4 года после отставки М. И. Миницкого должность начальника Якутской области занял Д. Я. Рудаков,

¹ Быконя Г.Ф. Русское неподатное население Восточной Сибири в XVIII – начале XIX вв.: формирование военно-бюрократического дворянства. Красноярск, 1985. С. 168.

² ПСЗРИ. Собр. I. 1798. Т. XXV. № 18450.

³ ПСЗРИ. Собр. I. 1810. Т. XXXI. № 24162.

⁴ Ремнев А.В. Самодержавие и Сибирь. Административная политика в первой половине XIX в. Омск, 1997. С. 209.

⁵ РГАВМФ. Ф. 203. Оп. 1. Д. 661. Л. 1-3 об.

который был награжден новым званием – чином статского советника¹. В 1825 г. служащий по Морскому министерству, чиновник VI класса («классными чинами» именовались чиновники военных или морских ведомств²) Н. И. Мягков при определении в г. Якутск также был произведен в статские советники. Н. И. Мягков в своем письме к Николаю I обращал внимание на «дарование определяющимся в сибирский край чиновникам выгод», просил наградить следующим чином, ссылаясь на пример с Д. Я. Рудаковым. По ходатайству министра внутренних дел В. С. Ланского представлялось присвоить ему чин IV класса, что соответствовало званию действительного тайного советника³. Однако Мягков на основании закона от 21 марта 1812 г. был произведен в V класс без каких-либо экзаменов. Упомянутая практика велась, чтобы эти чиновники продолжали свою службу в военном или морском ведомстве, однако при переходе в гражданское ведомство они лишались своих классов, производимых по этой линии, и подчинялись общему порядку⁴. Таким образом, Мягков должен был становиться чиновником VI класса, но согласно указу от 21 марта 1810 г. был произведен в V класс (статский советник). Российское правительство при определении Мягкова в Якутскую область в 1825 г. не стало основываться на сибирских реформах 1822 г., которое объяснялось тем, что административные реформы 1822 г. по Сибири еще полностью не были внедрены в жизнь⁵.

Льготы по чинопроизводству оставались особенно привлекательными для чиновников и во второй четверти XIX в., аналогичная ситуация наблюдалась и для соседней Енисейской губернии⁶. За это время повышение по чину получили назначенцы из разных регионов империи – это моряки В. Н. Щербачев и И. Д. Рудаков (сын Д. Я. Рудакова). В 1832 г. пост якутского областного начальника занял капитан 2 ранга (VII класс) В. И. Щербачев, который продолжительное

¹ РГИА. Ф. 1286. Оп. 3 1825. Д. 210. Л. 1.

² Волков С. В. Русский офицерский корпус. М., 2003. С. 283.

³ РГИА. Ф. 1286. Оп. 3 1825. Д. 210. Л.1, 15, 23.

⁴ ПСЗРИ. Собр. I. 1812. Т. XXXII. № 25047.

⁵ РГИА. Ф. 1286. Оп. 3 1825. Д. 210. Л. 14 об.

⁶ Карчаева Т. Г. Привилегии государственной службы в Енисейской губернии: исторический аспект (1822-1917) // Вестник КрасГАУ. 2012. № 4. С. 232.

время служил в черноморском флоте. При переходе в Якутскую область он был произведен в чин коллежского советника¹. В 1834 г. чиновник VI класса И. Д. Рудаков, бывший исполняющий обязанности начальника Камчатки, перенаправленный на службу в Санкт-Петербург в Адмиралтейское ведомство, изъявил желание возвратиться на Северо-Восток Сибири, но теперь в Якутскую область². Согласно «Сибирскому учреждению» 1822 г. допускалось повышать чин лишь до коллежского советника включительно. 15 июля 1833 г. вышел закон, по которому чиновники должны были впредь награждаться «единственно за действительные заслуги и особенное усердие, с соблюдением возможной в числе и роде наград умеренности». Согласно «Положению о преимуществах службы в губерниях и областях Сибирских, в Грузии и областях Кавказской и Закавказских» от 26 мая 1835 г. все классные чиновники продолжали получать годовое жалованье «не в зачет», но сокращалась обязательная служба с трех в один год. Кроме того, впредь чинопроизводство классных чиновников определялось по общегосударственным правилам³. В чин статского советника И. Д. Рудаков был произведен лишь в конце 30-х гг. XIX в. Этому способствовал принятый закон от 24 декабря 1838 г., согласно которому на законодательном уровне пост начальника Якутской области стал соответствовать председателям губернских мест, и было велено «должности начальника Якутской области присвоить вместо VI V класс»⁴.

Среди якутских областных начальников ранее военно-морскую службу несли пятеро: упомянутые М. И. Миницкий⁵, Н. И. Мягков, Д. Я. Рудаков⁶ вместе со своим сыном И. Д. Рудаковым и В. И. Щербачев⁷. Назначение на посту начальника Якутской области людей из военно-морской среды имело свои

¹ Общий морской список. СПб., 1894. Ч. 8. С. 541.

² РГИА. Ф. 1349. Оп. 3. Д. 1933. Л. 99.

³ Ремнев А. В. Самодержавие и Сибирь. Административная политика в первой половине XIX в. Омск, 1997. С. 212-213.

⁴ ПСЗРИ. Собр. II. 1838. Т. XIII. № 11879.

⁵ РГАВМФ. Ф. 406. Оп. 4. Д. 3039. Л. 1 об.-7.

⁶ РГАВМФ. Ф. 406. Оп. 7. Д. 214. Л. 410-412; РГАВМФ. Ф. 132. Оп. 1. Д. 2102. Л. 7-9 об; РГАВМФ. Ф. 432. Оп. 1. Д. 832. Л. 63 об.; РГАВМФ. Ф. 406. Оп. 2. Д. 171.

⁷ РГАВМФ. Ф. 432. Оп. 5. Д. 245. Л. 2 об.-3; РГАВМФ. Ф. 406. Оп. 3. Д. 27. Л. 934-936.

существенные причины. Якутия была тесно связана с Охотском и другими отдаленными пунктами, через ее территорию велось регулярное снабжение Охотска различными казенными грузами, которое из-за сложности коммуникации по единственному тому Охотскому тракту характеризовалось многочисленными проблемами. Кроме того, Якутская областная администрация имела контрольно-ревизионную функцию в отношении Охотско-Камчатского края. Так, в 1808 г. по предписанию Главного начальства А. Н. Ачкасов, будучи советником, был командирован в Охотск «для смены и наследования поступков бывшего начальника Охотского порта Бухарина»¹. На основании указа от 1812 г. «апелляция и ревизия» над начальником Камчатки стало принадлежать Якутскому областному правлению².

Генерал-губернатор Сибири М. М. Сперанский указывал в 1820 г. в своем письме к министру внутренних дел В. П. Кочубею касательно управляющего якутским регионом: «нужен человек твердый; желательнее бы моряка, так как он должен быть в сношениях с Охотским краем и помогать ему»³. В отношении представителей офицерского корпуса как гарантии для «надежной» службы в Якутии и на Охотско-Камчатском крае говорилось еще ранее, при первом генерал-губернаторе Сибири И. О. Селифонтове. В 1805 г. по предписанию Селифонтова было определено отправлять в провиантские комиссариатства г. Якутска, Охотска и Камчатки «классных чиновников» из офицеров и сибирских дворян из-за сложности подбора соответствующих по специфике службы чиновников⁴.

При этом «морские офицеры были наиболее модернизированной частью российской военной и политической элиты. Высокая профессиональная подготовка, европейское образование и опыт моряков, имевших возможность наблюдать (и даже участвовать, служа в британском флоте) колониальную

¹ РГИА. Ф. 1286. Оп. 4 1826. Д. 448. Л. 17.

² Обзорение главных оснований местного управления Сибири. СПб., 1841. С. 4.

³ Вагин В. И. Исторические сведения о деятельности графа М. М. Сперанского в Сибири с 1819 по 1822 гг. СПб., 1872. Т. 1. С. 137.

⁴ Андриевич В. К. Сибирь в XIX столетии. СПб., 1889. С. 83.

политику европейских стран, порождали у них неудовлетворенность положением России в бассейне Тихого океана, формировали критическое отношение к действиям их предшественников, пришедших сухопутным путем и демонстрировавших иное политическое и управленческое поведение...»¹. Не случайно высшая управленческая элита Российско-Американской компании была представлена морскими офицерами².

Начальник Охотского порта, морской офицер М. И. Миницкий был определен в Якутскую область в 1816 г., совмещая руководство Охотском. В 1818 г. был определен окончательно на гражданскую службу в Якутию³. «Перемещение сие тем полезнее для службы, что Якутская область, по смежности оной с Охотским краем, во всех отношениях сведома г. Миницкому, и следовательно от управления им оною нельзя не ожидать особенных польз для сего отдаленного и по сие время не совсем еще устроенного края», – писал генерал-губернатор Сибири И. Б. Пестель в 1816 г.⁴ В 1816 г. уже при увольнении Миницкого из Охотска Пестель отмечал, что «по важности поста якутского областного начальника, не у меня в виду для управления оным другого столь достойного безкорыстного и сей край уже совершенно знающего чиновника, каковым Г. Миницкий по многим опытам сделался мне известным, в продолжение почти девятилетнего служения его под начальством моим; о чем и буду иметь честь ожидать благосклонного вашего высокопревосходительства уведомления»⁵.

В 1820 г. управление областью М. И. Миницким заканчивалось, и на его место сибирский генерал-губернатор М. М. Сперанский рекомендовал управляющему МВД определить другого начальника Охотского порта – В. Г. Ушинского, при этом он отмечал, что «далеко ему до Миницкаго». В условиях нехватки в Сибири достойных претендентов сибирский генерал-губернатор,

¹ Ремнев А. В. Россия Дальнего Востока. Имперская география власти XIX – начала XX веков. Омск, 2004. С. 67.

² Гринев А. В. Динамика высшей управленческой элиты Российско-Американской компании // Клио. 2002. № 3. С. 72-84.

³ РГАВМФ. Ф. 203. Оп. 1. Д. 661. Л. 1.

⁴ РГАВМФ. Ф. 203. Оп. 1. Д. 629. Л. 5.

⁵ Там же. Л. 14-15.

отмечая Маницкого как «человека умного и весьма распорядительного» и видя в нем «исправного губернатора», дорожил его руководством Якутской областью¹. Капитан английского флота Джон Дундас Кохран, предпринявший «пешеходное» путешествие через Сибирь в 1820 г., отмечал Маницкого как «чрезвычайно умного губернатора, которому равных в Сибири мало»².

В результате выбор пал на Д. Я. Рудакова, также моряка³. «Человек деятельный и способный, но обладавший деспотическим характером» – Ушинский – так и не был назначен в Якутскую область, весьма очевидно то, что причиной этому стала его негативная репутация, существовавшая среди сибирского общества. В 1824 г. Ушинский был смещен со своего поста руководителя Охотска⁴.

Генерал-губернатор Восточной Сибири А. С. Лавинский писал в МВД, где отмечалось о необязательности назначения на данную должность моряков: «... по самому состоянию сего края нет в том совершенно никакой надобности, ибо оный не заключает в себе никаких более частей, кроме подлежащих собственно управлению гражданскому; и по сему то нужно бы назначать к управлению сею областью таких чиновников, кои имеют совершенную опытность по статской службе и на иначе хорошия качества и доверенность высшей власти, так как сама отдаленность места не представляет достаточных возможностей для Главного в Сибири начальства по всем частям тамошнего управления столько сколько бы сие было не обходило для пользы службы и благосостояния жителей, и потому наиболее сие зависит от благонадежности, усердия и безкорыстия областного начальника»⁵. Однако вместо опытного по статской службе В. В. Берга, жена которого к тому же являлась уроженкой Якутии, был назначен чиновник

¹ Вагин В. И. Исторические сведения о деятельности графа М. М. Сперанского в Сибири с 1819 по 1822 гг. СПб., 1872. Т. 1. С. 137.

² Cochrane, John Dundas. Narrative of a pedestrian journey through Russia and Siberian Tartary, from the frontiers of China to the Frozen sea and Kamchatka. Vol. 1 / by capt. John Dundas Cochrane. 3 edition. Printed for Charles Knight, 1825. 230-231 p.

³ Вагин В. И. Исторические сведения... Т. 1. С. 137.

⁴ Ремнев А. В. Россия Дальнего Востока... С. 99.

⁵ РГИА. Ф. 1286. Оп. 3 1825. Д. 210. Л. 1-2, 8-10, 25.

морского ведомства Н. И. Мягков. Берг чуть позже, к 1830 г., становится председателем томского губернского правления¹.

Управляющий МВД В. С. Ланской пишет рекомендательное письмо о Мягкове А. С. Лавинскому: «Независимо от сего я, с моей стороны будучи давно коротко знаком с г. Мягковым и зная его как чиновника отлично с благородными свойствами, познаниями и способностями ...я остаюсь совершенно уверенным, что г. Мягков в полной мере оправдает засвидетельствование мое о нем...»². Впоследствии, в 1832 г., на пост областного начальника Якутии был назначен морской офицер В. И. Щербачев, а затем в 1834 г. И. Д. Рудаков, который управлял Якутской областью довольно продолжительное время.

В других регионах, например в Омской и Кавказской областях, как мы ранее писали, «по вопросам внешней безопасности и по управлению расположенными и водворенными на линии войсками» омский и кавказский областные начальники имели права и обязанности дивизионного начальника. Первый командовал Сибирской линией, второй – Кавказской, тем самым они соединяли в себе гражданскую и военную функцию. Соответственно управляющие данных областей были исключительно в военных чинах.

Российское правительство активно назначало на губернаторскую должность отставных военных. Чаще такая тенденция наблюдалась со второй четверти XIX в., во времена правления Николая I, что было связано с политикой военизации государственного аппарата в целях усиления самодержавной власти царя³.

Якутские областные начальники, находясь в службе по гражданскому ведомству, обладали немалым военным опытом. Морские офицеры, кроме Н. И. Мягкова, принимали участие в различных военных действиях. М. И. Минацкий начал свое военное поприще с русско-шведской войны (1788-1790). В 1802 г. в

¹ Посмертные записки Николая Васильевича Берга // Русская старина. 1890. Т. LXV. С. 302-305.

² РГИА. Ф. 1286. Оп. 3 1825. Д. 31-31 об.

³ Морякова О. В. Система местного управления России при Николае I. М., 1988. С. 41.

списке лучших моряков был командирован на стажировку в Англию, участвовал в англо-французской (1803-1805) войне, а затем, вернувшись в Россию, принял участие в русско-английской войне (1807-1812)¹. Миницкий составил несколько работ по военно-морскому искусству, к примеру, такие, как «О порядке производства работ при вооружении кораблей для плавания», «Описание знаменитейших сражений английского флота: С прибавлением некоторых выписок и замечаний»² и др. Кроме того, Миницкий непосредственно участвовал в разрешении русско-японского конфликта 1811-1813 гг., связанного с пленением капитана В. М. Головнина и его команды³. Д. Я. Рудаков участвовал в русско-шведской войне (1788-1790)⁴, а его сын И. Д. Рудаков непосредственно в русско-японском конфликте (1811-1813)⁵, известном как «Инцидент Головнина». В южном направлении воевал В. И. Щербачев – участник русско-турецкой войны (1828-1829)⁶. Кроме морских офицеров, Н. С. Лосев и А. Н. Ачкасов также побывали в боях, где особо отличился первый. Лосев – из военных дворян, является участником русско-прусско-французской войны (1806-1807), русско-турецкой войны (1806-1812), принимал участие в Отечественной войне 1812 г., воевал в знаменитом Бородинском сражении, после войны находился в заграничных походах русской армии (1813-1815)⁷. А. Н. Ачкасов участник боевых действий при Моздокской линии (1779)⁸.

Следует отметить, что некоторые моряки (не считая начальника Охотского порта М. И. Миницкого и начальника Камчатки И. Д. Рудакова) имели существенный опыт по организации подрядов и поставок. К ним можно отнести Д. Я. Рудакова⁹ и Н. И. Мягкова¹. Второй отличился своей деятельностью в

¹ РГАВМФ. Ф. 406. Оп. 4. Д. 3039. Л. 1 об.-6.

² М. И. Миницкий. О порядке производстве работ при вооружении кораблей для плавания по морям. СПб., 1826; Описание знаменитейших сражений английского флота: С прибавлением некоторых выписок и замечаний. СПб., 1829.

³ Записки флота капитана Головнина: часть вторая: О приключениях его в плену у японцев в 1811, 1812 и 1813 годах: С приобщением замечаний его о японском государстве и народе. СПб., 1816. С. 166.

⁴ РГАВМФ. Ф. 406. Оп. 7. Д. 214. Л. 409 об.-411.

⁵ РГИА. Ф. 1349. Оп. 3. Д. 1933. Л. 95.

⁶ РГАВМФ. Ф. 406. Оп. 3. Д. 27. Л. 935 об.

⁷ РГИА. Ф. 1349. Оп. 3. Д. 1307. Л. 108-112.

⁸ РГИА. Ф. 1286. Оп. 4 1826. Д. 448. Л. 14.

⁹ РГАВМФ. Ф. 406. Оп. 7. Д. 214. Л. 411-412 об.

Отечественной войне 1812 г., где был удостоен благодарности «...от исправляющего должности Главного директора путей сообщения инженера генерала Деволанта за усердие и деятельность при выполнении распоряжения последовавших по сим Высочайшего имянного повеления при отправлении из Рыбинска к Белу озеру провианта Адмиралтейству принадлежащего от приближения прибывших к Москве неприятельских войск»².

Помимо этого, среди якутских областных начальников, имевших опыт по статской службе, обращает на себя внимание личность И. Н. Веригина. Он управлял Иркутским провиантским комиссариатством, за оказанное усердие по службе был пожалован от имени императора Александра I брамантовым перстнем³. Первый же начальник Якутской области И. Г. Кардашевский перед своим определением в сентябре 1803 г. был назначен советником иркутского губернского правления, здесь ему в 1804 г. поручались дела по подрядам с якутами в Охотск и др. места, касающемся провоза казенных грузов. Таким образом, Кардашевскому был назначен «испытательный срок» в виде выполнения данного задания, который он исполнил с большим успехом. Получив признательность сибирского генерал-губернатора И. О. Селифонтова, И. Г. Кардашевский был назначен якутским областным начальником⁴.

На основе формулярных списков нам удалось вычислить возрастной диапазон управленцев. В возрасте от 35 до 40 лет вступил в эту должность лишь один (И. И. Голубев⁵), от 40 до 50 лет – семеро (И. Г. Кардашевский, М. И. Миницкий, Н. С. Лосев, Н. И. Мягков, В. И. Щербачев, И. Д. Рудаков, Ф. П. Булатов⁶), от 50 до 60 лет – четыре человека (Д. Я. Рудаков, И. Н. Веригин, Н. Я.

¹ РГИА. Ф. 1286. Оп. 3 1825. Д. 210. Л. 37-43.

² Там же. Л. 39.

³ РГИА. Ф. 1349. Оп. 3. Д. 385. Л. 23 об., 24 об.

⁴ РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 95. Л. 14 об.-15.

⁵ РГИА. Ф. 1349. Оп. 3. Д. 563. Л. 116.

⁶ РГИА. Ф. 1349. Оп. 6. Д. 471. Л. 74-75; РГИА. Ф. 1349. Оп. 3. Д. 974. Л. 50; РГАВМФ. Ф. 406. Оп. 4. Д. 3039. Л. 1 об.; РГИА. Ф. 1349. Оп. 3. Д. 1307. Л. 108; РГИА. Ф. 1286. Оп. 3 1825. Д. 210. Л. 37; РГАВМФ. Ф. 406. Оп. 3. Д. 27. Л. 934; РГИА. Ф. 1349. Оп. 3. Д. 1933. Л. 95; РГИА. Ф. 1349. Оп. 3. Д. 308. Л. 102.

Каргопольцев, И. В. Фролов¹). Самым старшим по возрасту был советник Якутского областного правления А. Н. Ачкасов, который в преклонном возрасте дважды назначался управляющим Якутской областью: в 1821, когда ему было 66 лет и в 1824 г. при 69². Таким образом, в целом областные начальники Якутии имели возраст от 40 до 50 лет, что характерно для губернаторского корпуса первой половины XIX в.

Должность областного начальника Якутии для большинства из них оказалась пиком карьеры. Д. Я. Рудаков, В. И. Щербачев, И. Д. Рудаков, Н. Я. Каргопольцев и И. В. Фролов умерли в Якутске, управляя областью³. Условия государственной службы в сибирской глубинке оставались крайне тяжелыми. И. Г. Кардашевский, прослужив в Сибири 26 лет, из них в Якутии в должности областного начальника, более 10 лет, «расстроившись, сколько от жестокости сибирского климата, а не менее от понесенных на службе трудов, и от преклонности лет, здоровья, и к тому не получение в течение 13-ти лет управления его областью никаких наград заставили его уволниться от службы». За время службы на посту начальника Якутской области Кардашевский, «достойный человек»⁴, «...добрый и хлебосол», который «в управление свое, сколь мог, отстаивал область...»⁵, так и не был вознагражден от правительства. В чине надворного советника он состоял с 1803 г., но так и не получил обещанного повышения по классу от представителей высшей администрации Сибири. Еще в своем отчете за 1812 г., подаваемому Министерству полиции, Иркутский гражданский губернатор рекомендовал якутского областного начальника повысить в чин коллежского советника, а в 1814 г. генерал-губернатор Сибири писал представление в Сенат о присвоении ему следующего чина. В условиях отсутствия достойных чиновников, которые могли бы заменить его,

¹ РГАВМФ. Ф. 406. Оп. 7. Д. 214. Л. 410; РГИА. Ф. 1349. Оп. 3. Д. 385. Л. 19 об.; РГИА. Ф. 1349. Оп. 3. Д. 974. Л. 24; РГИА. Ф. 1349. Оп. 3. Д. 2368. Л. 69.

² РГИА. Ф. 1286. Оп. 4 1826. Д. 448. Л. 13.

³ Сафронов Ф. Г. Дореволюционные начальники Якутского края. Якутск, 1993. С. 18-19.

⁴ Письмо к издателю // Вестник Европы. 1808. № 5. С. 21.

⁵ Москвин И. С. Воеводы и начальники г. Якутска и их действия // Памятная книжка Якутской области за 1863 год. СПб., 1864. С. 200.

правительству приходилось «убеждать г. Кардашевского оставаться при сем месте». Однако в 1816 г. он вышел в отставку и в 1818 г. вернулся на свою родину – Полтавскую губернию в повет Переяславский, где «уповал остаток жизни провести в спокойствии»¹.

И. С. Москвин пишет, что из-за безысходности положения и скудного состояния И. Г. Кардашевский просил поддержать его в материальном плане в виде долга у якутских купцов и чиновников². Перед его увольнением генерал-губернатор Сибири И. Б. Пестель отмечал в своем письме в адрес морского министра И. И. де Траверсе, что требуется оформить Кардашевскому полное пенсионное обеспечение, т. е. 2000 руб. в год по окладу якутского областного начальника, но безрезультатно³.

Одним из причин сложности в вознаграждении И. Г. Кардашевского считалось то, что его подозревали к делу иркутских питейных сборов откупщика Передовщикова. 5 февраля 1819 г. Государственный Совет объявил о невинности бывшего якутского областного начальника⁴.

После объявления Государственного Совета Иван Кардашевский, «собрав последние силы и возможности», прибыл в столицу и написал в адрес двух бывших сибирских генерал-губернаторов (И. О. Селифонтова и И. Б. Пестеля) просьбу о том, чтобы те ходатайствовали о формировании пенсионера ему по окладу якутского областного начальника (2000 руб.). Первый ответил тем, что Кардашевский не руководил областью при нем, а второй отказывался из-за того, что он больше не управляет Сибирью⁵.

В декабре 1821 г. И. Г. Кардашевский решил написать письмо в адрес императора Александра I, где просил «помощи и помилования». Просьба Кардашевского была перенаправлена на рассмотрение Сибирскому комитету, где

¹ РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 95. Л. 11 об., 27-28; РГАВМФ. Ф. 203. Оп. 1. Д. 600. Л. 5 об.-6.

² Москвин И.С. Воеводы и начальники г. Якутска и их действия // Памятная книжка Якутской области за 1863 год. СПб., 1864. С. 201.

³ РГАВМФ. Ф. 203. Оп. 1. Д. 600. Л. 6 об.

⁴ РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 95. Л. 28-28 об., 43.

⁵ Там же. Л. 28 об.

было решено: 1) произвести в чин коллежского советника (VI класс); 2) оформить пенсионное обеспечение соответствующему его новому чину – окладу армейского полковника (VI класс). Александр I поддержал предлагаемые меры комитета в отношении бывшего областного начальника Якутии¹.

А. Н. Ачкасов в связи со старостью и болезнями не имел сил дальше управлять Якутской областью, «но и вообще нести какой-либо обязанности», в тот момент ему было 71 лет². Коллежский советник Н. С. Лосев возвратился обратно в должность начальника Верхнеудинского округа Иркутской губернии, где служил ранее. Якутской областью Лосев управлял временно, до прибытия вновь определенного якутского областного начальника Н. И. Мягкова. Лосев с декабря 1832 г. был в чине статского советника. В 1839 г. был назначен исполняющим обязанности председателя Енисейского суда, а уже в 1840 г. уволен по состоянию здоровья³. Статский советник И. Н. Веригин в 1832 г. назначается исправляющим должность председателя Иркутского правления, а в 1839 г. председателем того же Енисейского губернского суда⁴. И. И. Голубев и Ф. П. Булатов по окончании службы выехали в г. Иркутск⁵. На данный момент их дальнейшую судьбу выяснить не удалось.

В результате проводимой в Якутской области следственной комиссии, вызванной доносами чиновников, которые были отстранены от службы статским советником Н. И. Мягковым – «человеком железной воли»⁶, последний был отставлен от должности в 1831 г. и выехал в Санкт-Петербург. Известно, что в 1835 г. Мягков писал прошение на имя императора Николая I об уничтожении

¹ РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 95. Л. 11-12 об., 28-28 об., 42-43 об., 47-47 об.

² РГИА. Ф. 1286. Оп. 4 1826. Д. 448. Л. 1.

³ РГИА. Ф. 1349. Оп. 3. Д. 1307. Л. 124, 127-128, 134, 136.

⁴ РГИА. Ф. 1349. Оп. 3. Д. 385. Л. 28-29 об.

⁵ Сафронов Ф.Г. Дореволюционные начальники Якутского края. Якутск, 1992. С. 19.

⁶ Москвин И.С. Воеводы и начальники г. Якутска и их действия // Памятная книжка Якутской области за 1863 год. СПб., 1864. С. 184.

залогового свидетельства на имение в Псковской губернии¹. Умер он в 1848 г. в чине статского советника, похоронен в Санкт-Петербурге².

Наибольших успехов в карьере добился М. И. Миницкий. В 1821, ко времени ухода М. И. Миницкого из Якутской области, чиновник Э. И. Стогов, отправленный на службу в Охотский порт, охарактеризовал якутского областного начальника как «очень пожилого», но «довольно умного и способного дельца»³. Якутский областной начальник был вновь переведен на действительную военно-морскую службу с производством в капитаны 1 ранга. В 1822-1827 гг. входил в Совет по военным поселениям, в 1827 г. был назначен на службу на пост вице-директора Инспекторского департамента, произведен в генерал-майоры⁴. Миницкий – представитель большой семьи моряков, среди которых наиболее отличается его брат С. И. Миницкий – главный командир Архангельского порта, Олонецкий, Вологодский и Архангельский генерал-губернатор.

Что касается предшествующего управленческого опыта, то до назначения в должность якутского областного начальника И. Г. Кардашевский уже имел опыт управления Якутским краем, был городничим Якутского уезда⁵. М. И. Миницкий служил в Охотске, где был начальником порта⁶. И. Д. Рудаков правил Камчаткой⁷. Служба в Охотско-Камчатском крае со своими двойными окладами и др. привилегиями привлекала больше молодых и амбициозных морских офицеров чем Якутия. Набранный управленческий опыт в дальневосточных рубежах, который имел высокую востребованность при управлении Якутской областью, а также потребность моряков к более спокойной службе в гражданском ведомстве в соответствии с их возрастными категориями и состоянием здоровья стали результатом определения в должность якутского областного начальника перечисленных чиновников. Н. Я. Каргопольцев исполнял обязанности

¹ ГАПО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 1188. Л. 1-1 об.

² Саитов В. И. Петербургский некрополь. СПб., 1912. Т. 3. С. 196.

³ Записки Э. И. Стогова // Русская старина. 1903. № 3. С. 459.

⁴ РГАВМФ. Ф. 406. Оп. 4. Д. 3039. Л. 7-8.

⁵ Сафронов Ф. Г. Дореволюционные начальники Якутского края. Якутск, 1992. С. 16.

⁶ РГАВМФ. Ф. 406. Оп. 4. Д. 3039. Л. 7.

⁷ РГИА. Ф. 1349. Оп. 3. Д. 1933. Л. 95.

председателя Иркутского губернского правления¹. Кроме того, можно отметить Н. С. Лосева – начальника Нижнеудинского, а затем Верхнеудинского округов. За безупречную службу Лосев не раз получал признательность от вышестоящих властей².

В далекую и огромную сибирскую окраину Российской империи, в регион с суровыми природными климатическими условиями, назначались чиновники из центральных регионов. Однако, в большинстве случаев управляющими Якутской областью в первой половине XIX в. были назначенцы из сибирских учреждений. Чиновники, определенные из центральной России на должность начальника Якутской области, представляли в целом столицу Российской империи – Санкт-Петербург. Среди них числились Н. И. Мягков – управляющий первым отделением при Хозяйственной экспедиции Адмиралтейства, И. Д. Рудаков – чиновник особых поручений Кораблестроительного департамента при Адмиралтействе, служивший ранее начальником Камчатки, переведенный в столицу, однако возвратившийся в Восточную Сибирь. Весьма вероятно то, что из центральной России был направлен его отец Д. Я. Рудаков, который имел значительный опыт службы в Адмиралтействе, и ко времени его назначения в Якутскую область служивший в этом ведомстве. Другой морской офицер В. Н. Щербачев, который долгое время служил в черноморском флоте, был направлен в Якутскую область напрямиком из южного театра военных действий, где находился по особым поручениям при главной квартире главнокомандующего И. И. Дибича-Забалканского³ [см. Таблица 4].

Проследив служебную географию управляющих Якутской областью, мы приходим к выводу, что многие из них до назначения в г. Якутск занимали административные посты в Иркутской губернии. Административная подчиненность Якутской области от Иркутской губернии непосредственно отразилась на кадровом составе управленческой структуры Якутии. Лосев,

¹ РГИА. Ф. 1349. Оп. 3. Д. 974. Л. 39.

² РГИА. Ф. 1349. Оп. 3. Д. 1307. Л. 121-127.

³ РГИА. Ф. 1286. Оп. 3. Д. 210. Л. 43; РГИА. Ф. 1349. Оп. 3. Д. 1933. Л. 99; РГАВМФ. Ф. 406. Оп. 7. Д. 214. Л. 412. Общий морской список. СПб., 1894. Ч. 8. С. 541.

Каргопольцев, также и другие якутские областные начальники ранее проходили службу в иркутских учреждениях. Так, например, И. Г. Кардашевский был советником Иркутского губернского правления¹, И. Н. Веригин исправлял должность председателя Иркутского губернского суда, И. И. Голубев являлся советником Иркутского губернского суда², Ф. П. Булатов состоял в Иркутском губернском совете³. В целом «иркутскими чиновниками» являлись управляющие Якутской областью, которые не были определены в должность якутского областного начальника, а исполняли ее обязанности.

Служебный опыт в якутских административных учреждениях среди назначенцев на пост «хозяина Якутской области» насчитывался у пятерых (И. Г. Кардашевского, А. Н. Ачкасова, И. Н. Веригина, Ф. П. Булатова, И. В. Фролова). Многие управляющие Якутской областью имели опыт службы в земских судах (И. Г. Кардашевский, А. Н. Ачкасов, И. В. Фролов), а также в Якутском областном правлении (А. Н. Ачкасов, Ф. П. Булатов, И. В. Фролов). Значительный опыт службы в якутских учреждениях был у И. Г. Кардашевского – более 10 лет, А. Н. Ачкасова – более 30 лет и у уроженца И. В. Фролова – более 40 лет⁴ [см. Таблица 5].

На момент назначения в Якутскую область орденом Св. Анны 2 ст. удостоены четверо, Св. Анны 3 ст. – трое, Св. Станислава 2 ст. – один, орденом Св. Георгия 4 ст. – двое, орденом Св. Владимира 4 ст. – семеро⁵. Таким образом, многие чиновники, занимавшие и замещавшие пост якутского областного начальника, являлись проявившими себя на службе чиновниками.

Стоит отметить, что наличие судимости практически отсутствовало среди управляющих Якутской областью. И. Г. Кардашевский «считался

¹ РГИА. Ф. 1349. Оп. 3. Д. 974. Л. 51.

² РГИА. Ф. 1349. Оп. 3. Д. 563. Л. 117.

³ РГИА. Ф. 1349. Оп. 3. Д. 308. Л. 105-106.

⁴ РГИА. Ф. 1349. Оп. 3. Д. 974. Л. 49-51; РГИА. Ф. 1349. Оп. 3. Д. 385. Л. 19-21 об; РГИА. Ф. 1349. Оп. 3. Д. 308. Л. 104; РГИА. Ф. 1349. Оп. 3. Д. 2368. Л. 68-71; РГИА. Ф. 1286. Оп. 4 1826. Д. 448. Л. 15-19.

⁵ РГАВМФ. Ф. 406. Оп. 4. Д. 3039. Л.2, Л.3; РГИА. Ф. 1286. Оп. 4 1826. Д. 448. Л. 17 об; РГИА. Ф. 1349. Оп. 3. Д. 1307. Л. 111, Л. 127; РГИА. Ф. 1286. Оп. 3 1825. Д. 210, Л. 42; РГИА. Ф. 1349. Оп. 3. Д. 385. Л. 27; РГИА. Ф. 1349. Оп. 3. Д. 563. Л. 117; РГИА. Ф. 1349. Оп. 3. Д. 974. Л. 33-35, 40-41; Месяцеслов с росписью чиновных особ, или общий штат Российской империи на лето от Рождества Христова 1823. Ч.2. СПб. 1823. С. 299; Общий морской список. СПб., 1894. Ч.8. С. 541.

прикосновенным» к делу иркутских питейных сборов откупщика Передовщикова. Однако в 1819 г. решением Государственного Совета Кардашевский был признан невиновным в этом деле¹. А. Н. Ачкасов был осужден по доносу коллежского асессора Горемыкина «об отнятии у отправленного из Жиганска с почтою якута 2-х прочетных указов и оставлении той почты». И. И. Голубев получил выговор в бытность деятельности советником Иркутского губернского суда². Таким образом, факты правонарушений наблюдаются исключительно среди советников, т. е. чиновников, которые временно исполняли обязанности областного начальника Якутии.

Весьма любопытно то, что именно между якутскими областными начальниками и их ближайшими помощниками – советниками наиболее часто наблюдаются интриги и столкновения именно с момента введения Сибирской реформы М. М. Сперанского 1822 г., по которому на законодательном уровне был определен статус старшего советника как второго лица в Якутской областной администрации. Это дает основание предполагать, что конфликты возникали по поводу главенства и старшинства в областной администрации.

В годовом отчете якутского областного начальника, который подавался в МВД, имелся специальный пункт: «Беспорядок между областными членами»³. Н. И. Мягков отчитывался в неповиновении ему старшего советника Попова: «Беспорядок между областными членами замечен был мною токмо за одним старшим советником областного правления коллежским асессором Поповым, который выйдя из порядка службы оказывал не радение по оной, а распоряжения моим неповиновении его личными мне неприличиями. На принятыя же мною противу сего законныя меры: постановления на вид, замечания, предоставления производства некоторых дел отделения его, другим советникам и проч. г. Попов хотя и приносил на все то жалобу Общему Иркутскому губернскому управлению, но высшим начальством найден сам Попов

¹ РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 95. Л. 28-28 об.

² РГИА. Ф. 1286. Оп. 4 1826. Д. 448. Л. 14-18; Ф. 1349. Оп. 3. Д. 563. Л. 116.

³ РГИА. Ф. 1281. Оп. 11. Д. 176. Л. 28-29.

виновным и давшим повод иметь мне на него неудовольствие за медленное производство дел, за что и положено объявить ему чтоб дела старался производить поспешнее, не подвергая себя впредь неудовольствиям начальства не радением о делах по службе. Злоупотребления же замечая не было»¹. В последующем отчете за 1830 г. Мягков, упоминая также о поведении старшего советника Попова, отзывался и о другом советнике: «Не имею сокрыть, что в настоящее время оказался равно в неприличном соотношении и действию по службе другой советник коллежский асессор Тимашев»².

Жалобы на поведение советника могли способствовать снятию его кандидатуры по исполнению должности якутского областного начальника, а также отстранению от занимаемого поста. После увольнения А. Н. Ачкасова в связи с возрастными характеристиками последнего управляющим Якутской областью должен был стать старший советник Ф. И. Слободчиков, однако «по поведению своему и возникшим на него многим жалобам, оказался к службе неблагонадежным». Слободчиков был уволен с данной должности, и на его место был назначен состоящий при иркутском гражданском губернаторе коллежский асессор Корольков, который находился в г. Якутске по делам службы. До прибытия нового областного начальника Н. И. Мягкова управляющим Якутской областью стал Н. С. Лосев – чиновник, занимавший должность верхнеудинского окружного начальника³.

При довольно кратком периоде правления Н. С. Лосева также возникали недопонимания его с упомянутым советником Корольковым. Якутский областной стряпчий в мае 1826 г. доносил иркутскому гражданскому губернскому прокурору: «... управляющий областью объявил что занимающий должность советника г. коллежский асессор Корольков поступил в присутствии неблагочинно расхоживанием по комнате присутствии громогласными и азартными к нему отзывами с определенными с упреками...», «...г. управляющий

¹ Там же. Л. 19.

² РГИА. Ф. 1281. Оп. 11. Д. 177. Л. 15 об.

³ РГИА. Ф. 1286. Оп. 4. Д. 448. Л. 1 об.

напоминал благопристойно и скромно г. Королькову, что он управляя должность начальника двух отделений не занимается делами, а умножает оные ненужными особыми темными мнениями...». Причиной негативного отношения Королькова к управляющему областью явилось следующее: «Неудовольствие Королькова на управляющего областью произошло из того что чиновник управляющий канцелярией областного начальника Аргунов от первого отделения областного правления требовал сведения о станциях, а сим обидел и Королькова представляя что канцелярский чиновник не может требовать сведения отделения сим управляемого». Данная ситуация была передана на рассмотрение иркутскому губернскому прокурору с пожеланиями: «А как сей поступок г. Королькова противен Ген. регламента 21-й главе указам 1723 г. октября 24 и 1724 г. января 21... и то что дела по областному правлению начали производятся неуспешно и беспорядочно... предано на благорасмотрение Вашего Высочородия». Дело было передано иркутским губернским прокурором И. Н. Веригиным на рассмотрение иркутскому гражданскому губернатору¹.

Кроме того, возникали конфликтные ситуации между якутским областным начальником и недавно уволенными советниками. Начальник Якутской области И. Д. Рудаков в 1843 г. обратился к иркутскому гражданскому губернатору по поводу оскорбления его бывшим старшим советником Б. П. Ураковым: «Не сделал мне как председателю областного правления и начальнику области должного респекта... отозвавшись на мое о сем ему замечание с грубостью тем, что я не заслужил от него этого почтения. Эти обидные слова сказаны были им в присутствии правления при открытом зеркале и при бытности г. областного стряпчего... предложить честь имею записать о сем в журнале с доведением сего оскорбляющего звания моего поступка Уракова до сведения высшего начальства с покорнейшею просьбою, поступить с г. Ураковым как закон велить». Иркутский гражданский губернатор ответил, что «...чиновником Ураковым нанесена г. областному начальнику в присутствие того правления 4 февраля сего года обида,

¹ НА РС (Я). Ф. 13-и. Оп. 1. Д. 16. Л. 1–3 об.

в то время когда не состоял уже он у должности советника областного правления, следовательно тут и нет преступления должности, а потому г. областной начальник в нанесенной ему Ураковым обид может, если желает, производить с него иск в подлежащем судебном месте»¹.

Причины столкновений между областными начальниками и советниками были связаны не только с низким уровнем чиновников административного аппарата Сибири, но и со сложностью и запутанностью структуры управления над якутской окраиной, ее ведомственной принадлежности к Иркутской губернии, а также недостатком контроля со стороны иркутских властей.

В сословном отношении большинство якутских областных начальников, как и губернаторов, происходило из дворян. Например, уроженец Псковщины Н. И. Мягков род свой ввел с Феклиста Евстафьевича Мягкова, владельца жалованной грамоты от 1680 г. на вотчину Новгородскую (позже Порховской уезд Псковской губернии)². Ф. П. Булатов и Н. Я. Каргопольцев происходили из обер-офицерских детей³⁴, И. Н. Веригин и И. И. Голубев – духовного звания⁵, И. В. Фролов – из приказнослужительских детей⁶.

Что касается образовательного уровня, то моряки были выпускниками кадетских корпусов: Д. Я. Рудаков, Н. И. Мягков, В. И. Щербачев, И. Д. Рудаков закончили Морской кадетский корпус⁷, а М. И. Миницкий – Сухопутный кадетский корпус⁸. Ф. П. Булатов обучался в Иркутской гимназии⁹. Н. Я. Каргопольцев и И. В. Фролов имели домашнее образование¹⁰.

¹ НА РС (Я). Ф. 12-и. Оп. 1. Д. 213. Л. 1–3.

² ГАПО. Ф. 110. Оп. 1. Д. 1240. Л. 7-9.

³ Обер-офицерские дети – дети чиновников, которые имели личное дворянство.

⁴ РГИА. Ф. 1349. Оп. 3. Д. 308. Л. 102; РГИА. Ф. 1349. Оп. 3. Д. 974. Л. 24.

⁵ РГИА. Ф. 1349. Оп. 3. Д. 385. Л. 19 об; РГИА. Ф. 1349. Оп. 3. Д. 563. Л. 116.

⁶ РГИА. Ф. 1349. Оп. 3. Д. 2368. Л. 69.

⁷ РГАВМФ. Ф. 406. Оп. 7. Д. 214. Л. 410; РГИА. Ф. 1286. Оп. 3 1825. Д. 210. Л. 37; РГАВМФ. Ф. 432. Оп. 1. Д. 899. Л. 2-9 об; Ф. 432. Оп. 1. Д. 906. Л. 5-14; РГАВМФ. Ф. 406. Оп. 3. Д. 27. Л. 934; РГИА. Ф. 1349. Оп. 3. Д. 1933. Л. 292 об.-293;

⁸ РГАВМФ. Ф. 406. Оп. 4. Д. 3039. Л. 1 об.

⁹ РГИА. Ф. 1349. Оп. 3. Д. 308. Л. 102.

¹⁰ РГИА. Ф. 1349. Оп. 3. Д. 974. Л. 24; РГИА. Ф. 1349. Оп. 3. Д. 2368. Л. 69.

Формулярные списки не содержат графы, связанной с национальностью, поэтому национальный состав корпуса якутских областных начальников не может быть освещен нами. Вероисповедание у большинства выявленных было православное.

Определенный интерес вызывает рассмотрение имущественного положения областных начальников Якутии. Судя по документам, датированным до определения, во время начальства и после смещения с поста якутского областного начальника, имущественные показатели чиновников, занимавших данную должность, были скудными по сравнению с «хозяинами губернии»:

И. Г. Кардашевский – 20 душ в Малороссийской Полтавской губернии (1821);

М. И. Миницкий – 17 душ муж. пола в Черниговской губернии, 129 душ в Симбирской губернии (1829);

А. Н. Ачкасов – 4 душ муж. пола (1826);

Н. И. Мягков – 50 душ муж. пола в Псковской губернии (1826), 5 дворовых (1830).

И. Н. Веригин – 2 дворовых (1840);

В. И. Щербачев – 20 душ крестьян в Костромской губернии (1828)¹. У многих якутских областных начальников имений не выявлено [см. Таблица 3].

В отличие от якутских областных начальников казанские губернаторы первой половины XIX в. в среднем обладали около 1000 душ крестьян².

Жалованье якутского областного начальника по установленному штату за 1805 г. составляло 2000 руб. в год, столовых не предусматривалось. Размер

¹ РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 95. Л. 11 об; РГАВМФ. Ф. 406. Оп. 4. Д. 3039. Л. 1 об; РГИА. Ф. 1286. Оп. 4 1826. Д. 448. Л. 14; РГИА. Ф. 1286. Оп. 3. 1825. Д. 210. Л. 37; НА РС (Я). Ф. 12-и. Оп. 1. Д. 61а. Л. 82; РГИА. Ф. 1349. Оп. 3. Д. 385. Л. 19 об.; РГАВМФ. Ф. 406. Оп. 3. Д. 27. Л. 934.

² Бикташева А. Н. Критерии отбора российских губернаторов: опыт Казанской губернии // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. 2009. С. 25.

жалованья сибирских губернаторов, к примеру, иркутского и томского был немного выше. Первый получал 2500 руб. в год, второй – 2250. Кроме того, они получали столовые деньги в сумме 3600 руб.¹. По обнаруженным мной данным, капитан 1-го ранга М. И. Миницкий по представлению генерал-губернатора Сибири И. Б. Пестеля при определении в Якутскую область с производством в статские советники должен был получать жалованье 2400 руб. в год и 150 руб. столовых в месяц. «Основанием» для такого размера жалованья являлась отличная служба М. И. Миницкого, а также следующие факторы: «будучи крайне недостаточного состояния, обременен семейством, чужд, всякой корысти, и к содержанию своему не имея никакого дохода, кроме того, что производилось ему от казны, о г. Миницкий при чрезмерной в тамошнем краю дороговизне на все жизненные потребности, без такового пособия правительства, не токмо не может содержать семейство своей прилично его званию, но должен будет встречать недостаток и даже самую нужду»². Чиновники в Охотске и на Камчатке пользовались самыми большими привилегиями. Для охотских чиновников действовал закон от 11 августа 1803 г., согласно которому выдавались двойные оклады и столовые деньги³. В целом капитан 1 ранга М. И. Миницкий, будучи начальником в Охотске, получал двойной оклад – 2400 руб., квартирных – 500 руб., столовых по 150 в месяц (в год – 1800 руб.), провианта на денщиков 1728 руб. Итого 6428 руб.⁴.

Согласно штату от 1837 г. жалованье областного начальника составляло 4000 руб., а столовые – 2000 руб. В результате денежной реформы Е. Ф. Канкринна произошло переложение на серебро, где жалованье якутского областного начальника составило – 1143 руб. 68 коп., столовых – 571 руб. 84 коп. Кроме того, происходил вычет в пользу Государственного казначейства, по первому – 22 руб. 88 коп., второму – 5 руб. 72 коп. Со столовых вычитывалось 5 руб. 72 коп. и для инвалидного капитала. Итого якутский областной начальник получал жалованья

¹ ПСЗРИ. Собр. I. Т. XLIV. Книга штатов. Ч. 2. № 24985.

² РГАВМФ. Ф. 203. Оп. 1. Д. 629. Л. 14-14 об.

³ Ремнев А. В. Самодержавие и Сибирь. Административная политика в первой половине XIX в. Омск, 1997. С. 207.

⁴ РГАВМФ. Ф. 203. Оп. 1. Д. 661. Л. 2; РГАВМФ. Ф. 203. Оп. 1. Д. 661. Л. 13.

– 1120 руб. 80 коп., столовых – 560 руб. 40 коп.¹. Исполняющий должность начальника Якутской области Н. Я. Каргопольцев (1845-1850 гг.) получал жалованья 1132 руб. 23 коп., столовых – 571 руб. 80 коп., добавочного жалованья – 142 руб. 80 коп., квартирных 150 руб., на отопление, освещение квартиры – 159 руб. 27 коп. сереб. Итого 2157 руб. 10 коп.² Кроме того, имелись единовременные выплаты при вступлении в должность. М. И. Миницкому на проезд было назначено 5000 руб.³ Н. И. Мягкову при отправлении из г. Санкт-Петербург в г. Якутск было назначено 5000 руб. подъемных и, сверх того, прогонные деньги «сколько по чину его и по числу верст отсюда до Якутска причитаться будет»⁴. Назначенцу из г. Иркутска Н. Я. Каргопольцеву было подано 1000 руб. серебром⁵.

Особый интерес представляют жилищные условия якутских областных начальников. В «Проекте дома для областного начальника», датированном 1838 г., прилагались такие помещения, как кабинет, зал, гостиная, столовая, спальня, детская и девичья комната, кухня, комната для повара, комната для прислуги, погреб для вин, ледник, гладильная, прачечная, кладовая, сарай, конюшня на 6 лошадей и т. д.⁶. Очевидно, дом был запланирован для якутского областного начальника И. Д. Рудакова (1834-1845), который начальствовал более 10 лет. Рудаков имел 8 детей. Старшие сыновья были мичманами во флоте, сын Владимир служил в Якутском областном правлении, младший сын Иван и дочери Надежда, Вера и Софья состояли при отце, что говорит о предоставлении девичьей и детской комнаты для них⁷.

Рудаковы, Щербачевы, Миницкие являются представителями морских династий. Отец И. Д. Рудакова – Д. Я. Рудаков, также начальник Якутской области, являлся морским офицером. Сыновья И. Д. Рудакова продолжили династию моряков, были мичманами во флоте. Рудаков сам писал прошение о

¹ ПСЗРИ. Собр. II. Т. XII. Штаты и табели. Ч. 2. №. 10812; ПСЗРИ. Собр. II. Т. XV. Штаты и табели. Ч. 2. №. 14105.

² РГИА. Ф. 1349. Оп. 3. Д. 974. Л. 25.

³ РГАВМФ. Ф. 203. Оп. 1. Д. 600. Л. 7.

⁴ РГИА. Ф. 1286. Оп. 3 1825. Д. 210. Л. 33.

⁵ РГИА. Ф. 1349. Оп. 3 Д. 974. Л. 42.

⁶ РГИА. Ф. 1488. Оп. 3. Д. 1150. Л. 1.

⁷ РГИА. Ф. 1349. Оп. 3. Д. 1933. Л. 95.

принятии в Морской кадетский корпус своих сыновей, так в 1828 г., будучи чиновником Морского министерства, И. Д. Рудаков, написал прошение императору Николаю I о принятии в Морской кадетский корпус его сына Дмитрия (вероятно, назван в честь имени его деда – Д. Я. Рудакова)¹. Аналогичная ситуация была и у отца якутского областного начальника В. И. Щербачева – морского офицера И. П. Щербачева, когда тот в 1803 г. писал прошение на имя Александра I о поступлении в Морской шляхетный кадетский корпус сыновей Петра и Василия².

Рассматривая семейное положение областных начальников Якутии, мы отмечаем, что большинство из них были женатыми, а также имели детей. Причем некоторые из них на службу в сибирскую окраину переезжали целыми семьями. Так, например, тот же И. Д. Рудаков или опечаленный впоследствии семейным горем М. И. Миницкий, зять иркутского гражданского губернатора Н. И. Трескина, который потерял троих детей в г. Якутске за одну зиму, что и стало причиной его отставки, о котором он тщательно просил у генерал-губернатора Сибири М. М. Сперанского³. Не состоящий в браке Н. И. Мягков переехал в Якутскую область с сестрой Александрой⁴.

Вышеизложенные факты позволяют охарактеризовать корпус областных начальников Якутии с точки зрения их места в чиновничьей иерархии России. Кадровая политика в отношении корпуса якутских областных начальников во многом определялась генерал-губернатором Сибири, с 20-х гг. XIX в. – министерством внутренних дел. Управление обширным, отдаленным, окраинным сибирским регионом со сложной природно-климатической спецификой порождала трудности в подборе соответствующих кандидатур, особое внимание обращалось на деловые качества претендентов. Важной особенностью якутского региона являлась необходимость обеспечения тесной связи с Охотском и другими

¹ РГАВМФ. Ф. 432. Оп. 5. Д. 245. Л. 388-388 об.

² РГАВМФ. Ф. 432. Оп. 5. Д. 693. Л. 1-2.

³ Вагин В. И. Исторические сведения о деятельности графа М. М. Сперанского в Сибири с 1819. СПб., 1872. Т. 1. С. 137.

⁴ Захарова Т. В. Круг знакомых А. А. Бестужева в якутской ссылке (1828—1829 гг.) // Якутский архив. 2005. № 5. С. 117.

отдаленными пунктами Северо-Востока Российской империи, решения проблем провоза казенных грузов. Поэтому неслучайно на данный пост назначались морские офицеры, обладавшие соответствующим практическим опытом. Российское правительство отдавало предпочтение людям из военно-морской среды практически за весь период функционирования данного института власти в Якутии.

Из-за сложности формирования кадрового состава и удаленности региона, областью довольно часто управляли советники Якутского областного правления, командированные из Иркутской губернии представители «среднего чиновничества», наблюдался случай, когда один чиновник руководил двумя регионами одновременно (М. И. Миницкий в 1816-1818 гг. являлся начальником Охотска и Якутии). В условиях якутской окраины советники неоднократно принимали на себя роль главного управленца.

Ведомственная принадлежность к другой губернии, слабый контроль иркутских властей, а также катастрофическая нехватка чиновников в Сибири и низкий качественный состав административного аппарата стали причиной существования негативного микроклимата в Якутском областном правлении, где в столкновениях между председателем правления – областным начальником зачастую фигурировала упомянутая должность старшего советника.

Должность областного начальника Якутии практически не была привлекательна для близко известных царю чиновников. Однако на управление якутским регионом не раз обращали внимание чиновники среднего ранга из центральных ведомств, в МВД стекались письма с просьбой о назначении их в Якутскую область. Существенную роль в этом сыграла государственная политика по привлечению и удержанию достойных чиновников на должность якутского областного начальника. Так, определение на данную должность способствовало повышению по чину, в результате которого многие назначенцы были произведены в звание статского советника (V класс), что по управленческой карьере имело большое значение. Кроме того, многие начальники области имели

поддержку в столице империи, что во многом способствовало их назначению в Якутию.

Возрастные характеристики якутских областных начальников, их сословное происхождение, представляемое дворянством, а также образовательный уровень – кадетские корпуса (среднее образовательное учреждение) – типичны для губернаторского или генерал-губернаторского корпуса Российской империи. В этом отношении «хозяева Якутской области» были в одном положении с представителями высшей администрации Российской империи. В целом это были не совсем молодые, но еще работоспособные чиновники. Представителей известных фамилий было незначительное количество.

Якутские областные начальники имели значительный опыт службы в административных учреждениях, а подчас и управленческой, и военной деятельности. Однако управление в Якутии для большинства из них было пиком карьеры: некоторые служили довольно продолжительное время и уходили на заслуженный отдых в связи с состоянием здоровья, многие скончались в должности вполне в зрелом возрасте. Во многом это было связано с условиями по службе в отдаленном крае, которые оставались крайне тяжелыми.

По ряду некоторых позиций якутские областные начальники уступали губернаторам других губерний Российской империи. Они были ниже по чину областных начальников других регионов империи, к примеру Омской и Кавказской областей. Здесь надо учесть тот факт, что власть областного начальника Якутии была ограничена иркутским гражданским губернатором, а омские и кавказские непосредственно подчинялись Главному управлению (генерал-губернатору, главноуправляющему), к тому же последние два действовали на правах дивизионных начальников, первый командовал сибирской линией, второй – кавказской. Скучным показателем областных начальников Якутии является и их имущественное положение, что по наличию имений, так и по размеру жалованья. Это еще раз говорит о том, что политическое значение

якутских областных начальников было ниже, чем губернаторов Российской империи.

В 1837 г. генерал-губернатор Восточной Сибири, бывший омский областной начальник, находившийся на правах губернатора, С. Б. Броневский представил проект нового административного устройства Восточной Сибири, где говорилось о расширении полномочий якутского областного начальника. Броневский отмечал, что следует концентрировать в руках начальника Якутской области всю северо-восточную часть Российской империи, присоединив в состав области Охотское и Камчатское приморские управления. Комитет по рассмотрению проекта одобрил проект генерал-губернатора¹, реформа была поддержана и министерством внутренних дел, которое предлагало внести коррективы в положении о якутском областном начальнике, основанном на «Сибирском учреждении» 1822 г.² Однако в 1837 г. Броневский покинул Сибирь и его место занял В. Я. Руперт, при котором проект не был поддержан и свернут. В 1840-е гг. при ревизии сенатора И. Н. Толстого было обнаружено «расстройство почти всех частей управления областью...»³, причиной тому стал якутский областной начальник, «недостаточность или слабость надзора по одним частям, а по другим превышение власти или неправильное ее употребление»⁴. Престиж якутского областного начальника среди высокопоставленной прослойки царских управленцев падал из-за участвовавших столкновений между членами областного правления, где в адрес Иркутского гражданского губернатора стекались письма для регулирования конфликтов между областными начальниками Якутии и их ближайшими помощниками – советниками.

Вопрос о повышении статуса управляющего Якутской областью был возобновлен при генерал-губернаторе Восточной Сибири Н. Н. Муравьеве-Амурском в результате его ревизии Якутской области и знакомстве с

¹ Ремнев А. В. Самодержавие и Сибирь. Административная политика в первой половине XIX в. Омск, 1995. С. 143.

² РГИА. Ф. 1284. Оп. 22 Отд. III. Ст. 2. Д. 39. Л. 117-119.

³ РГИА. Ф. 733. Оп. 83. Д. 311. Л. 2.

⁴ Там же. Л. 2 об.

материалами ревизии И. Н. Толстого. Генерал-губернатор о якутском областном начальнике Н. Я. Каргопольцеве писал: «настоящий областной начальник Якутский, статский советник Н. Я. Каргопольцев хороший чиновник и трудолюбив, но обременен письменными и канцелярскими занятиями по областному правлению». Муравьев-Амурский возмущенно отзывался о существовавшей судебной власти второй инстанции среди функций Якутского областного правления. Согласно его мнению, судиться во второй инстанции могли бы и в Иркутском губернском суде, которого было бы достаточно и для всей Восточной Сибири, а, напротив, хозяйственная и казенная части, требующие «местных соображений и действий» должны быть отделены от зависимости Иркутских властей¹.

Генерал-губернатор Восточной Сибири заключал: «...Отстранения неуместного подчинения этой области Иркутским губернским административным учреждениям, дать ей начальника, которого бы степень и власть соответствовали этому важному назначению, а вместе с тем могли привлечь человека с высшим образованием и вполне безукоризненным взглядом на управление, и соединить в Областном правлении, под его председательством, все права Казенной палаты, избавив его от неуместных судейских обязанностей...», «иначе, нет никакой возможности и надежды привлечь на это место в такой отдаленный край человека с потребными достоинствами и образованием»². Первоначально генерал-губернатором предлагалось оставить должность якутского областного начальника, аналогично С. Б. Броневскому, предоставив ему управление над Охотским краем³. Однако в 1852 г. Якутская область, отделенная от Иркутской губернии, стала существовать на правах губернии, где областью стал управлять гражданский губернатор. Область была открыта под руководством Б. В. Струве, который позже писал в своих воспоминаниях: «Отправляя меня, 24-х летнего молодого человека, с такими же молодыми сотрудниками, в Якутске для

¹ РГАВМФ. Ф. 410. Оп. 2. Д. 188. Л. 10 об.-11.

² Архипова А. И. Кадровая политика на северо-востоке России как отражение интересов центра и региона (вторая половина XIX в.). // Известия Иркутского государственного университета. Серия «История». 2017. Т. 21. С. 72-73.

³ Ремнев А. В. Россия Дальнего Востока. Имперская география власти XIX – начала XX веков. Омск, 2004. С. 155.

исполнения важного поручения, Муравьев надеялся, что я открою там новые областные учреждения при благословении преосвященного Иннокентия...» (Иннокентия (Вениаминова) – *А.В.*)¹.

Таким образом, начальники области, как и губернаторы, являлись главами административно-территориальных единиц, на которые делилась Российская империя. Учреждение и функционирование института областного начальника в первой половине XIX в. сыграли существенную роль в реализации окраинной политики правительства. В процессе властного освоения и инкорпорации пограничных территорий в российскую государственность областные начальники являлись проводниками имперской идеологии и политики на периферийных регионах государства.

Однако функционирование данного института власти на Северо-Востоке России имело свои особенности не только в отношении губернаторской власти, но и в отношении других регионов империи, где существовала должность областного начальника. Это и правовой статус начальника Якутской области, и ее политическое значение, и отсутствие военного аспекта в функциях института власти, и значительная продолжительность функционирования и др. Одним из ключевых факторов организации института областного начальника является политика освоения и укрепления северо-восточных окраин Российской империи, что отразилось на принципах кадровой политики в отношении формирования корпуса и, следовательно, на ее кадровый состав.

¹ Струве Б. В. Воспоминания о Сибири. 1848-1854 гг. СПб., 1889. С. 130.

Глава 2. Региональная специфика деятельности начальника Якутской области

2.1. Руководство организацией снабжения северо-восточных окраин Российской империи

Якутская область как окраинная территория Российской империи по своему географическому положению занимала важное место в освоении и укреплении Северо-Востока Сибири, Дальнего Востока и Русской Америки. Российское правительство придавало большое значение экспедициям, проводимым с целью научного освоения северо-восточных окраин государства, которые были начаты с XVIII в. Начиная с XIX в., многочисленные экспедиции стали организовываться Российско-Американской компанией¹, фактория которой находилась в Охотске. Охотское море открывало для Российской империи «неисчерпаемый источник богатств в промышленности и торговле с наиболее богатыми на земном шаре народами – Индией, Китаем, Японией и Америкой»².

Через территорию Якутии осуществлялось снабжение Охотска, Камчатки и других отдаленных пунктов «казенными тяжестями». До присоединения Приамурья и Приморья к России (1858—1860) и до начала использования Северного морского пути единственный выход в Тихий океан пролегал через территорию Якутской области³. Якутия принимала активное участие в этом снабжении Охотска, Камчатки и других отдалённых пунктов казёнными грузами. На якутского областного начальника как «хозяина» вверенного края была возложена ответственность за обеспечение провоза грузов. Кроме того, он отвечал и за тесное взаимодействие с отдалёнными регионами — в первую очередь с Охотским краем [см. Изображение 2], потому что через Охотский порт отправлялся груз в другие пограничные места Российской империи, в такие как

¹ Галлямова Л. И. О роли Российско-Американской компании в освоении Русского Дальнего Востока // Русская Америка и Дальний Восток (конец XVIII в. – 1867 г.). Владивосток, 2001. С. 283.

² РГИА. Ф. 1286. Оп. 1. Д. 228. Л. 18.

³ Сафронов Ф. Г. Тихоокеанские окна России. Хабаровск, 1988. С. 113.

Гижига, Тигиль, Петропавловский порт¹. В основном это были поселения, которые являлись военно-административными центрами. Ф. Г. Сафронов справедливо отмечал, что: «Охотск – ворота в Тихий океан до середины XIX в.»², т. е. до основания Аянского порта.

Учреждение областного правления в г. Якутске было обусловлено тесной связью Якутии с Охотско-Камчатским краем [см. Изображение 3]. В Якутском областном правлении, где областной начальник являлся председателем, были предписаны, в частности, такие обязанности, как: «подряды, заготовления, перевозки...»³. Проведенный нами анализ кадровой политики в отношении формирования корпуса областных начальников Якутии свидетельствует о том, что снабжение отдаленных пунктов Северо-Востока Российской империи, в первую очередь Охотска, было приоритетной задачей российского правительства в течение первой половины XIX в.

Провоз грузов проводился по Охотскому тракту, путь по которому был долог, изнурителен и труден. Исследователь севера Сибири М. М. Геденштром отмечал: «Мучение по сему тракту коня и седока трудно изобразить; к тому прибавить еще несносный жар летом и тучи овода, комаров и мошки и тогда можно получить легкое понятие о страдании проезжающего из России в Охотск»⁴. Известный мореплаватель Ф. П. Врангель писал: «Охотская дорога значить в Сибири то же, что самое утомительнейшее, опаснейшее путешествие»⁵. Проезжавший по пути в Охотск протоиерей Прокопий Громов отмечал, что это был «труднейший, опаснейший путь на верховых лошадях, слишком через 1000 верст, по топям, рекам, горам и пропастям»⁶.

¹ Вагин В. И. Исторические сведения о деятельности графа М. М. Сперанского в Сибири с 1819 по 1822 гг. 1872. Т. 2. С. 22.

² Сафронов Ф. Г. Русские на северо-востоке Азии. В XVII – середине XIX в. М., 1978. С. 185.

³ ПСЗРИ. Собр. I. 1805. Т. XXVIII. № 21726.

⁴ Геденштром М. М. Отрывки о Сибири. СПб., 1830. С. 104.

⁵ Путевые записки адмирала барона Ф. П. Врангеля // Исторический вестник. 1884. № 10. С. 172.

⁶ Вагин В. И. Исторические сведения о деятельности графа М.М. Сперанского в Сибири с 1819 по 1822 гг. СПб., 1872. Т. 2. С. 3.

В связи с этим еще с XVIII в. возникали идеи перенести порт и проложить новый тракт, в частности, в 1800 г. было предписано иркутскому военному губернатору Б. Б. Лещану задача по перенесению Охотска в устье р. Алдомы¹, однако идея так и не была претворена в жизнь. С 1803 г. правительство совместно с правлением Российско-Американской компании предприняло переброску грузов через Кронштадт вокруг мыса Доброй Надежды (Африка) в Камчатку, минуя Охотск. Было решено с 1812 г., находя такой путь наиболее выгодным, при безопасном мореплавании отправлять каждые два года. Из-за того, что эти рейсы не смогли удовлетворить все потребности Аляски, Камчатки, Курил, основная тяжесть снабжения лежала все же на обязанности Охотска, поэтому поиск более удобной гавани продолжался². Эффективных продвижений по этому вопросу не происходило, пока во второй четверти XIX в. за дело активно не взялась сама Российско-Американская компания.

В условиях коммуникационной проблемы снабжению подлежали военные гарнизоны, чиновники, а также проводилась продовольственная помощь коренным жителям Охотско-Камчатского края в кризисные годы. Так, в результате разразившегося голода в 1815-1818 гг. в Гижигинском крае местное население стало питаться трупами, о кризисе, котором в Иркутске узнали только в 1817 г. Проблема продовольственного обеспечения усугублялась и с увеличением численности войск на тихоокеанском побережье в начале XIX в., что было обусловлено полной незащищенностью северо-восточных окраин от внешней угрозы. В 1799 г. на побережье Тихого океана в Камчатку был перемещен полк из г. Иркутска под командованием полковника Сомова, сформированный в Камчатский батальон, а также отправлена команда моряков и строителей под началом капитан-лейтенанта И. Н. Бухарина. Из-за трудностей снабжения воинского контингента Камчатки власти решили перевести камчатский батальон

¹ РГАВМФ. Ф. 212. Канц. II отд. Д. 894. Л. 7-8.

² Сафронов Ф. Г. Русские на северо-востоке Азии. В XVII – середине XIX в. М., 1978. С. 192.

на положение военных поселян по примеру ландмилицейских полков¹. При этом большая часть отправляемых из г. Иркутска материалов для развития земледелия в Камчатке «были сложены или разбросаны по Охотскому тракту» в условиях сложности передвижения. Несмотря на то, что некоторые материалы все же были доставлены в пункт назначения, проект был провальным². В 1809 г. генерал-губернатор Сибири И. Б. Пестель заявлял на заседании Комитета министров «о бесполезности и трудности содержания столь значительного количества войск на Камчатке», батальон состоял из 672 человек³. Для Якутии первое десятилетие XIX в. было сравнительно сложным, т. к. именно в это время происходит значительное увеличение поставки грузов в Охотск, что связано с вышеперечисленными мероприятиями.

Проблему с продовольствием в Охотско-Камчатском крае и о полной зависимости от снабжения извне ярко иллюстрирует следующий почти анекдотический факт, отмеченный А. В. Ремневым, о том, что министерство внутренних дел поручало якутскому областному начальнику набирать кошек и отправлять в Охотск для борьбы с крысами. В 1807 г. из г. Якутска было отослано 55 кошек⁴. В случае снабжения Охотска значительным количеством провианта местные власти занимались экономией продовольствия и пытались не отправлять далее в Камчатку сверх необходимых запросов, а содержали как запас для следующих отправок⁵. В особом комитете (состав: вице-адмирал Сарычев, капитан 1 ранга Крузенштерн, профессор Лангсдорф, лейтенант флота Гагенмейстер)⁶, образованном в связи с реформой Камчатской области в 1812 г., обсуждались различные проекты по решению продовольственной проблемы в Камчатке. Одним из них было развитие земледелия посредством постоянного

¹ Род поселенного войска, существовавшего в России в XVIII в. Содержание армии возлагалось на местное население.

² Москвин И. С. Воеводы и начальники г. Якутска и их действия // Памятная книжка Якутской области за 1863 год. СПб., 1864. С. 199.

³ Ремнев А. В. Россия Дальнего Востока. Имперская география власти XIX – начала XX веков. Омск, 2004. С. 90-91, 104.

⁴ Там же. С. 90.

⁵ РГАВМФ. Ф. 212. Канц. Ш. отд. Д. 139. Л. 47.

⁶ РГАВМФ. Ф. 166. Оп. 1. Д. 3981. Л. 2.

приобретения государством хлеба по цене, которая бы покрывала все расходы, связанные с распространением хлеба в разные уголки Камчатской области¹.

Собственно история поставок «казённых тяжестей» из Якутска в Охотск начинается с 1726 г. Первоначально провоз грузов осуществлялся водным путём по рекам Лена, Алдан, Мая, Юдома до Юдомской заставы (всего 724 версты), а от неё до Охотска уже в зимнее время грузы отправлялись по суше на якутских лошадях (всего 258 вёрст)².

В 1736 г. началась сухопутная доставка предметов снабжения в удалённые места империи посредством личной (подводной) повинности якутов: с 5 и 8 душ выставлялось по 1 лошади. В одну подводку считали по три лошади, и за неё должны были платить «прогонья денги», которых в летнее время полагалось по 1 копейке на версту, в зимнее — по «денге». Оплата «выдавалась через несколько лет и то по прошениям якутов или зачитывалась в ясак». Ежегодно улусы выставляли на провоз грузов «от 200 до 1500 и более лошадей», писал архивариус И. Е. Старостин в 1830 г. В 1753 г., находя такую повинность обременительной для якутов, местное начальство начинает отправлять некоторую часть казённых грузов в Охотск через подряды посредством «якуцких дворян, детей боярских, казаков и разночинцов». На каждую лошадь полагалось 5 пудов «тяжестей», за которые получали в 1753—1758 гг. от 7 руб. 50 коп. до 11 руб. 50 коп. Если за доставку грузов в Охотск подрядчикам давали в среднем до 9 руб. 50 коп., то за подводную лошадь перевозчики получали летом лишь по 2 руб. 67 коп., а зимой — в среднем по 2 руб. Однако на практике «подрядчики для выполнения своих обязательств пользовались лошадьми якутов за плату, мало превышавшую прогонную». При этом подряды производились исключительно «для перевозки продовольствия в ограниченных размерах и на небольшом расстоянии (Якутск — Охотск), а доставка всех видов клади в наиболее отдаленные места и по наиболее трудным путям продолжала ложиться на тех же якутов». В связи с тем, что в 1776

¹ РГАВМФ. Ф. 14. Оп.1. Д. 357. Л. 29 об.

² Вагин В. И. Исторические сведения о деятельности графа М.М. Сперанского в Сибири с 1819 по 1822 гг. СПб., 1872. Т. 2. С. 1.

г. «на подряд желающих не было отыскано»¹, доставка грузов во все отдалённые места северо-востока России вновь была включена в повинность якутов.

Понимая всю тяжесть этого бремени, местная администрация передала обязанности по перевозке грузов в руки купечества на подрядной основе по «вольным ценам» с 1774 по 1782 г. Из-за трудностей в нахождении подрядчиков и участвовавших «недовозов», за которые с купцов взыскивались немалые деньги, последние «более в подряд не входили». В 1782 г. был заключён четырёхлетний контракт с якутами на доставку грузов в Охотск на подрядной основе за получаемую от купцов плату по 5 руб. 50 коп. за лошадь. После его окончания был подписан новый контракт с якутами на два года (1786—1787), который учитывал «бессенницу и падёж лошадей и рогатого скота»². Согласно контракту, якутские тойоны должны были поставлять грузы в Охотск и Колымск по цене 6 руб. 75 коп. за лошадь. В следующем четырёхлетнем контракте (1788—1792) прежняя цена за лошадь сохранилась.

Провоз грузов в Охотск продолжал крайне негативно сказываться на положении якутов. В знаменитом «Плане о якутах» борогонского головы А. Аржакова, поданном лично императрице Екатерине II в 1789 г., автор отмечал о важности «благосостояния якутов» на «казенный интерес и судьбу восточно-океанского побережья». В результате было определено, что извоз грузов следует отправлять посредством торгов, где при равенстве цен преимущество давать якутам. Прогонные деньги выдавались иркутскому губернатору, а плату якуты получали в г. Иркутске³.

В 1792 г. иркутская администрация объявила открытые торги, в результате которых четырёхлетний контракт о поставке казённых грузов был подписан с известным купцом, одним из основателей Российско-Американской компании Г.

¹ Башарин Г. П. История аграрных отношений в Якутии. Якутск, 2003. Т. 2. С. 233.

² Там же. Т. 1. С. 110-111.

³ Левенталь Л. Г. Подати, повинности и земля у якутов // Материалы по обычному праву и по общественному быту якутов. Л., 1929. С. 312-313.

И. Шелеховым¹, его планы которого «изобличали в нем человека больших способностей, предприимчивого и далеко опередившего своих современников»². Стоит отметить, что «именно сибирское купечество стало инициатором создания Российско-Американской компании»³. По контракту с Шелеховым за лошадь, отправляемую в Охотск, платилось около 14 руб. Этот договор, как и в прошлом, не оправдал ожиданий: частые срывы поставок, невыгодность для царской казны убедили администрацию удобнее иметь дело с якутами. В конце 1795 г. с якутскими родоначальниками был заключён контракт на два года (1796—1797), согласно которому цена за лошадь составляла 14 руб., а за проводника — 10 руб. 14 коп. Летом 1798 г. договор продлили на два года (1798—1799) «почти по тем же ценам»⁴.

В 1800 г. якутское население потребовало более высокой платы и отказывались выставлять лошадей, однако иркутская власть поставила ультиматум: «казенная палата указом 1800 г. изволила предписать, буде якуты не согласятся за прежние цены добровольно, то учинить оное нарядом за прогонную плату»⁵. Таким образом, якуты вынуждены были заключить договор с местной администрацией на четыре года (1800-1803 гг.) на ежегодную доставку 20000-25000 пудов грузов в Охотск. Несмотря на это, транспортировка некоторых казённых грузов осуществлялись всё же через якутов посредством личной повинности, в результате чего наблюдались многочисленные злоупотребления со стороны местных властей, «возникли жалобы на безпрестанные и обременительные наряды», — отмечал В. И. Вагин⁶. До 1808 г. были заключены ещё два двухлетних контракта. В последующем в Якутском областном правлении они снова стали заключаться на четырёхлетний срок, «казна обязалась платить прогоны деньгами по ценам, зависящим от мест условий найма и покупки

¹ Башарин Г. П. История аграрных отношений в Якутии. Якутск, 2003. Т. 1. С. 112.

² Окунь С. Б. Российско-американская компания. М., 1939. С. 31.

³ Шахеров В. П. Предпринимательство и власть в Сибири XVIII – первой половины XIX в.: от конфронтации к партнерству // Известия ИГУ. Серия «Политология. Религиоведение». 2015. Т. 12. С. 57-69.

⁴ Башарин Г. П. История аграрных... Якутск, 2003. Т. 1. С. 112-113.

⁵ Там же. С. 113.

⁶ Вагин В. И. Исторические сведения о деятельности графа М. М. Сперанского в Сибири с 1819 по 1822 гг. СПб., 1872. Т. 2. С. 2.

лошадей в разные годы»¹. Заключение контрактов происходило в основном между местными жителями «пригородных улусов», находившихся близко к Охотскому тракту и г. Якутску: Мегинского, Батурусского, Борогонского, и Баягантайского. Якутские казаки занимались охраной и конвоированием отправляемых грузов².

Таким образом, способ провоза грузов по Охотскому тракту менялся от личной повинности к подрядной основе, при которой плата постепенно повышалась. Однако в 1822 г. М. М. Сперанский отмечал, что существующая подрядная основа скорее равноценна самой повинности: «Образ исполнения контракта на перевозку тяжестей ясно показывает, что он составляет не подряд, но повинность, ибо по раскладке падает она на всех, даже не имеющих никакого скотоводства; самые отдалённые помогают деньгами, и таким образом все несут тягость сей повинности»³.

В 1823 г. первый генерал-губернатор Восточной Сибири А. С. Лавинский писал, что характер влияния извоза грузов на местное население области будет непосредственно связано с тем, что «на каком основании будет существовать перевозка тяжестей»⁴.

В условиях отсутствия альтернативы провоза грузов в отдаленные окраины Северо-Востока России существование единственного способа придавало некоторые опасения как в отношении царской казны, так и для самих якутов. Уже в 1825 г. А. С. Лавинский был обеспокоен тем, что: «со стороны казны, что если якуты не примут на себя перевозки тяжестей, то нет иных средств к производству оной; а со стороны якутов, что если они откажутся от добровольной перевозки, то правительство будет в необходимости, поставить оную в непременную их обязанность»⁵.

¹ Башарин Г. П. История аграрных отношений в Якутии. Якутск, 2003. Т. 1. С. 114.

² РГАВМФ. Ф. 157. Оп. 1. Д. 355. Л. 53-55.

³ Вагин В. И. Исторические сведения о деятельности графа М. М. Сперанского в Сибири с 1819 по 1822 гг. СПб., 1872. Т. 2. С. 9.

⁴ Петухова З. И. Якутская Степная дума. Якутск, 2007. С. 27.

⁵ РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 633. Л. 6 об.-7.

Существовал «ярмоночный путь» (летний), использование которого начиналось в июле, и «пластовый путь» (весенний), т. е. по льду, открывавшийся в апреле. По сведениям В. И. Вагина, следуя по первому пути, якутская лошадь поднимала 5,5 пудов грузов, по второму — 5 пудов. Из-за того, что летний путь был более сложным с точки зрения передвижения (горная, болотистая и другая местность), доставка грузов в летнее время соответственно была дороже, чем в весенний период. Так, согласно контракту, заключённому с якутами в октябре 1822 г., было назначено за провоз грузов по пластовому пути по 35 руб., а по летнему — 50 руб. за лошадь, при этом «вольные цены» по первому пути платились от 55 до 60 руб., а по летнему — от 100 до 130 руб. за лошадь¹.

Контроль за исполнением обязанностей подрядчиков возлагался в первую очередь на якутского областного начальника, к примеру, в случае недоставки грузов взимались деньги с перевозчиков². В одном из соглашений между якутами отмечалось, что в случае «недовозов» вычеты из прогонной суммы осуществляются в зависимости от цены мест назначения, а также в казначействе удерживается залог по 5 рублей с лошади³. Залог становится обязательным условием при составлении контракта по провозу грузов в отдаленные населенные пункты: в 1837 г. И. Д. Рудаков предложил явиться заинтересованным в поставках в Якутское областное правление с «благонадежными залогами или поручительством»⁴.

Под «казенными тяжестями» подразумевались хлеб, съестные припасы, медикаменты, вино, спирт, уксус, разные материалы для военно-морского дела Охотска и Камчатки, к примеру, сукно и пр. В первой половине XIX в. доставка осуществлялась также в Удский острог, Средне-Колымск, Верхоянск, урочище

¹ Вагин В. И. Исторические сведения о деятельности графа М. М. Сперанского в Сибири с 1819 по 1822 гг. СПб., 1872. Т. 2. С. 3.

² Там же. С. 10.

³ Башарин Г. П. История аграрных отношений в Якутии. Якутск, 2003. Т. 2. С. 114.

⁴ НА РС (Я). Ф. 180-и. Оп. 1. Д. 415. Л. 1.

Нелькан, Алдан, Аллах-Юнь, Юдомский крест и др.¹ В южном направлении крайней географической точкой, куда доставались крупные партии грузов, являлся Удский острог, являвшийся форпостом продвижения России на юг Дальнего Востока и граничащий с Китайской империей. Обустройству Удского края придавалось особое значение, в результате обозрения ее чиновником по особым поручениям Якутского областного правления А. Я. Уваровским, якутским областным начальником Н. И. Мягковым был составлен проект по организации управления геополитически важного пункта.² Согласно проекту Н. И. Мягкова управление Удским краем вверялось земскому заседателю, «испытанному в верности прехождения службы, поведении и безкорыстии», который избирался якутским областным начальником. Управляющий заведовал над всеми чиновниками, отставными казаками, крестьянами Удского острога и инородцами, которые населяли Удский край. В проекте отмечалось заселение людьми для развития земледелия и скотоводства, а также обеспечение региона медицинским персоналом³.

Основная масса грузов в Охотск и Камчатку заготавливалась в г. Иркутске, а затем отправлялась в г. Якутск⁴. Некоторые материалы, приобретение которых стоило дешевле, чем в г. Иркутске, предоставлялось заготавливать в г. Якутске якутскому областному начальнику⁵.

Охотский тракт находился на особом положении. На него не распространялись многие уставы и положения общегосударственного и сибирского характера об организации и содержании трактов, как, например, «Устав о содержании сухопутных сообщений в Сибири» 1822 г.⁶.

¹ НА РС (Я). Ф. 12-и. Оп.1. Д. 347. Л. 1-3; Левенталь Л. Г. Подати, повинности и земля у якутов // Материалы по обычному праву и по общественному быту якутов. Л., 1929. С. 311.

² РГИА. Ф. 1281. Оп. 11. Д. 176. Л. 15.

³ РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 374. Л. 5 об.-17 об.

⁴ Вагин В. И. Исторические сведения о деятельности графа М. М. Сперанского в Сибири с 1819 по 1822 гг. СПб., 1872. Т. 2. С. 22.

⁵ РГАВМФ. Ф. 158. Оп. 1. Д. 1679. Л. 66 об.-67.

⁶ Казарян П. Л. Первый тракт на Северо-Востоке России // Наука и техника в Якутии. 2006. № 2 (11). С. 54.

Среди крупных задач якутских областных начальников можно выделить создание вдоль тракта станций, где проживало бы постоянное население, которое осуществляло бы обслуживание передвигающихся людей, тяглогового скота и грузов, ремонт подвод и упряжи.

В 1807 г. при первом начальнике Якутской области И. Г. Кардашевском было возобновлено дело о переселении населения в Охотский тракт¹, которое было определено к осуществлению в 1783 г., но так и не было реализовано². Существенный вклад И. Г. Кардашевского в процесс заселения тракта от Якутска до Охотска был отмечен в представлении генерал-губернатора Сибири (1806-1821) И. Б. Пестеля³.

Так, иркутский гражданский губернатор поручил якутскому областному начальнику (И. Г. Кардашевскому) руководить заселением Охотского тракта согласно следующим «наставлениям». Предписано было отправить 15 якутских семей (по 2 души мужского пола из каждой) с учётом состояния их здоровья, сложения, возраста (18-45 лет) на определённые для их проживания в Якутской области места: на р. Алдан, к Чёрным лесам и на р. Аллах-Юнь. Также предполагалось заселить следующие местности Охотского края: Мундукан, Мета и Медвежья голова. В целом число переселенцев составило 128 душ мужского пола (64 семьи). Также предполагалось разместить в селениях близ Якутска 45 ссыльных⁴. Заселение тракта началось с 1810 г. в основном за счет денежных средств, пожертвованных купечеством, которые торговали в Охотске и на Камчатке⁵.

За несколько лет вдоль тракта возникли следующие населённые пункты: Мас-Апчинское и Хочудинское у р. Алдан, Чернолесское, Улуннахское, Алысардахское, Аллах-Юнское, Юдомо-Крестовское, а также Мулуканское,

¹ РГИА. Ф. 383. Оп. 29. Д. 936. Л. 2.

² Сафронов Ф. Г. Охотско-Камчатский край: пути сообщения, население, снабжение и земледелие до революции. Якутск, 1958. С. 15.

³ РГАВМФ. Ф. 203. Оп. 1. Д. 600. Л. 4-9 об.

⁴ РГИА. Ф. 383. Оп. 29. Д. 936. Л. 2 об., 28-28 об, 61 об.-62, 96 об. -97.

⁵ Сгибнев А. С. Охотский порт // Морской сборник. 1869. № 12. С. 29.

Метинское и Медвежьеголовское. Некоторые из них существуют и сегодня. Численность жителей первоначально была значительной: в четырёх новых селениях, находившихся на территории Якутской области (Мас-Апча, Хочуда, Улуннах и Аллах-Юнь) в 1814 г. было 208 чел., в 1816 г. — 215 чел. и в 1820 г. — 147 чел. обоих полов¹. Потребность переселения на станции по тракту возникала в различные годы. Так, например, в 1818 г. было объявлено о вызове желающих содержать Аллах-Юнскую станцию².

Создание притрактового населения сразу же породило вопрос снабжения поселян, что стало заботой якутских областных начальников. И. Г. Кардашевский занимался вопросами обеспечения поселян провиантом, сетями, винтовками, порохом, свинцом и др. Продовольствием обеспечивались и определенные на станциях смотрители над поселянами³. М. И. Миницкий, преемник И. Г. Кардашевского, в 1818 г. потребовал от якутского земского исправника предоставить предложения по улучшению положения поселян Охотского тракта. Также М. И. Миницким в 1820 г. было предписано закупить вещи для переселенцев: обеспечить их кафтанами из сукна, рубахами из холста⁴.

Так как начальник области должен был отправлять иркутскому гражданскому губернатору финансовую отчетность об обустройстве поселян Охотского тракта, то на основании предписания последнего в 1830-е гг. управляющий Якутской областью И. Н. Веригин, а затем и якутский областной начальник В. Н. Щербачев поручали якутскому земскому исправнику предоставлять необходимые для этого сведения, а именно «Отчёт о сумме, отпущенной на заселение по Охотскому тракту поселенцев, сколько из оной и на что именно употреблено в расходе, и сколько за тем остаётся на лицо»⁵.

¹ Сафронов Ф. Г. Охотско-Камчатский край: пути сообщения, население, снабжение и земледелие до революции. Якутск, 1958. С. 16.

² НА РС (Я). Ф. 180-и. Оп. 1. Д. 121. Л. 1.

³ Там же. Д. 65. Л. 2-2 об; 15-15 об; 40-40 об; Д. 72. Т. 1. Л. 1-1 об.

⁴ НА РС (Я). Ф. 180-и. Оп. 1. Д. 106. Л. 1-42 об.

⁵ НА РС (Я). Ф. 180-и. Оп. 1. Д. 358. Л. 1-3 об.

Политика организации и обустройства поселений проводилась и по другому немаловажному тракту – Иркутскому, соединяющему сообщение с губернским центром¹. Остаток из денежных средств, которые были ассигнованы для жителей Охотского тракта, распределялся для благоустройства поселенцев этого тракта². Другим мероприятием, направленным на решение проблем коммуникаций, являлось исправление дорог по Охотскому, так и по Иркутскому трактам, где по поручению якутского областного начальника отправлялись рабочие, обеспеченные продовольствием, инструментами и подводами³. 21 октября 1819 г. М. И. Миницкий доносил в г. Иркутск о том, что за лето 1819 г. были исправлены «размытые мосты и 6 построено вновь; сделано гатей на 2 ½ версты, очищена дорога, с вырубкою лесов и с уборкою пней на 1 ¾ версты; почтовые юрты и станции, по возможности, исправлены и. т. д.». Областной начальник отмечал, что подобные работы должны производиться регулярно каждый год из-за «безпрестанных дождей и разливов речек», которые «сносят мосты и гати и портят дорогу»⁴.

В 1820-е гг. XIX в. М. М. Сперанский в одном из своих писем к министру финансов касательно Охотской дороги отмечал: «Постепенное исправление существующей ныне дороги. По всем известиям она и ныне, от самого проезда и от мер, принимаемых ежегодно Якутским областным начальством, приходит несколько в лучшее состояние; и хотя далеко еще отстоять от того, чтоб быть удобною, но постепенною разчисткою снегов, сколько маломощное население того края позволяет, и ныне уже несколько усовершенствуется»⁵. Начиная с 1830-х гг. устройством дорог по трактам занималась Якутская областная строительная комиссия⁶.

¹ НА РС (Я). Ф. 180-и. Оп. 1. Д. 363. Л. 90.

² РГИА. Ф. 383. Оп. 29. Д. 946. Л. 1-2 об.

³ НА РС (Я). Ф. 180-и. Оп. 1. Д. 150. Л. 1-1 об.; РГИА. Ф. 1281. Оп. 11. Д. 176. Л. 29 об.

⁴ Сгибнев А. С. Охотский порт // Морской сборник. 1869. № 12. С. 30.

⁵ Вагин В. И. Исторические сведения о деятельности графа М.М. Сперанского в Сибири с 1819 по 1822 гг. 1872. Т. 1. С. 8.

⁶ РГИА. Ф. 1281. Оп. 4. Д. 107. Л. 6 об.

Кроме формирования притрактового населения, на протяжении первой половины XIX в. существовала другая проблема — массовая гибель вьючных лошадей во время движения по маршруту. Из-за трудности дороги от якутов требовались лошади «добрые, крепкие, надёжные...», — писал начальник Якутской области И. Д. Рудаков¹. Сотрудник Российской-Американской компании В. С. Завойко при нахождении оптимального тракта и места для нового порта писал о тяжелом положении в Охотском тракте: «вьючная перевозка тяжестей из Якутска обходилась дорого Правительству, разоряла якутов, лошади гибли тысячами, туземцы чрезвычайно страдали»².

М. И. Миницкий отмечал: «Число вьючных лошадей, отправлявшихся из Якутска в Охотск, с 1809 по 1818 год, простиралось ежегодно от 7 до 12000 лошадей. Усиленные отправления тягостей в Охотск весьма разорительны для якутов, ибо как скорочисло требующихся лошадей превышает восемь тысяч, то якуты принуждены употреблять кобыли молодых лошадей, не достигших надлежащего возраста, и неимеющих сил³. В целом с 1796 по 1830 гг., по сведениям Г. П. Башарина, при доставке грузов в различные отдаленные уголки Северо-Востока России было использовано около 300000 якутских лошадей⁴. Согласно приведенным сведениям Ф. Г. Сафронова, в течение 1821-1826 гг. не возвратились около 10 тыс. лошадей⁵. Г. П. Башарин отмечал: «Якутско-Охотский и другие северо-восточные тракты в конце XVIII — в первой трети XIX вв. устилались трупами множества лошадей, сожжением которых ежегодно было занято по сорок-пятьдесят человек»⁶. Данная проблема была освещена и в докладе архивариуса Старостина «Об отправлении казенных тяжестей с древнейших времен», который был составлен по специальному поручению начальника Якутской области Н. И. Мягкова⁷. З. И. Петухова отмечает обеднение якутского

¹ НА РС (Я). Ф. 12-и. Оп. 1. Д. 347. Л. 2 об.

² РГАВМФ. Ф. 1365. Оп. 1. Д. 7. Л. 4-4 об.

³ Миницкий М. И. Описание Якутской области // Журнал Министерства внутренних дел. 1830. Кн. 6. С.170-171.

⁴ Башарин Г. П. История аграрных отношений в Якутии. Якутск, 2003. Т. 2. С. 115-117.

⁵ Сафронов Ф.Г. Тихоокеанские окна России. Хабаровск, 1988. С. 165.

⁶ Башарин Г. П. История аграрных отношений...Т. 2. С. 119.

⁷ Там же. Т. 1. С. 233.

населения и перевод хозяйства якутов с коневодства к культуре рогатого скота, а отсюда и обострение земельного вопроса: «при восьмимесячном стойловом содержании одной головы крупного рогатого скота приходилось заготавливать за короткое лето не меньше 2 т. сухого корма. Массовый переход на скотоводство вызвал острую нехватку земли: лугов и пастбищ»¹.

Падёж скота имел разные причины: несчастные случаи, усталость, недостаток кормов и воды. Но лошади по всему Охотскому тракту были особенно подвержены эпизоотии. Животные заражали друг друга, гибли в пути — лошадиная инфекция приводила к значительным проблемам при передвижении по тракту. Руководство Якутской области не оставило эту ситуацию без внимания. Так, в 1815 г. И. Г. Кардашевский предписал доставить сведения о количестве павшего по тракту скота и указал на необходимость мер для борьбы со «скотским поветрием в Аллах-Юне и далее к Охотску»². М. И. Миницкий предписал сжечь и закопать трупы лошадей³ и учредить заставы для запрещения въезда зараженных лошадей с целью избежать распространения инфекции. Местная администрация предписывала ввести карантинный режим «на охотском тракте в улусных местах» до полного прекращения заболевания скота⁴. Д. Я. Рудаков запретил употреблять в пищу мясо зараженных инфекцией лошадей⁵.

В 1827 г. из-за инфекционной болезни в Алдане умерли лошади, предназначенные для почтовой гоньбы. Якутский областной начальник Н. И. Мягков предписал земскому суду провести выставку в Алданской станции годных к почтовой гоньбе лошадей для набора вместо павших, а также отправить туда лекарского ученика для прекращения заразы⁶. Проблема с эпизоотией

¹ Петухова З. И. Якутская Степная Дума. Якутск, 2007. С. 19.

² НА РС (Я). Ф. 180-и. Оп.1. Д. 82. Л. 1-1 об.; НА РС (Я). Ф. 180-и. Оп.1. Д. 87. Л. 1-2.

³ НА РС (Я). Ф. 180-и. Оп.1. Д. 150. Л. 3-4 об.

⁴ НА РС (Я). Ф. 180-и. Оп.1. Д. 279. Л. 1 об., 27.

⁵ НА РС (Я). Ф. 180-и. Оп.1. Д. 280. Л. 6-7.

⁶ НА РС (Я). Ф. 12-и. Оп. 1. Д. 325. Л. 4 об.

наблюдалась и в конце 1840-х гг. И. Д. Булычев писал, что «зараза, которой ни причины ни способы лечения еще неоткрыты, уничтожает табуны»¹.

Данная проблема была характерна во время летней перевозки казенных тяжестей. Якутский областной начальник И. Д. Рудаков отмечал, что весенняя перевозка (пластовый путь) «удобнее для якутов и для казны гораздо выгоднее летнего потому что в се последнее время от чрезвычайных жаров почти ежегодно свирепствует зараза на лошадей...». Далее объяснялось, что из-за дороговизны самой летней перевозки грузов происходит убыток царской казне, а массовый падеж лошадей негативно влияет на экономическое положение якутов. Рудаков отмечал то, что большую часть казенных грузов требуется отправлять именно в весеннее время, а перевозки по ярмоному пути сократить: «если нельзя совершенно уничтожить, то, по крайней мере, ограничить ежегодно до ста лошадей»². М. М. Сперанский, ещё будучи генерал-губернатором, обращал внимание на данную проблему и поручал М. И. Миницкому доставлять подробные сведения об умерших «тягловых лошадях по Охотскому тракту за летнее время»³. Генерал-губернатор Сибири старался, «чтобы перевозка в Охотск тяжестей, особенно летним путём, была сколь можно сокращена» из-за болезни животных. Так, в 1818 г. пало 3692 голов скота на 295392 р. 55 к., а в 1819 г. 4312 лошадей и 342 гол. другого скота на 350512 р. 95 к.⁴. Вследствие этого Миницкий сообщал М. М. Сперанскому, что предоставить для перевозки более 3000 лошадей в 1820 г. практически невозможно⁵. По распоряжению М. М. Сперанского в 1821 г. была отменена летняя доставка. М. И. Миницкий отмечал: «первый опыт сей благодетельной для якутов меры доказал всю существенную пользу в течении сего 1821 года, ибо по Охотскому тракту в течении истекшего лета заразы и падежа на лошадей и рогатый скот вовсе не существовало». В этом году все «казенные тяжести» были направлены по весеннему пути, в результате якуты ко

¹ Булычев И. Д. Путешествие по Восточной Сибири. СПб., 1856. С. 72.

² НА РС (Я). Ф. 12-и. Оп. 1. Д. 347. Л. 3.-3 об.

³ НА РС (Я). Ф. 180-и. Оп.1. Д. 267. Л. 1-2.

⁴ Вагин В. И. Исторические сведения о деятельности графа М. М. Сперанского в Сибири с 1819 по 1822 гг. 1872. Т. 1. С. 5.

⁵ Там же. С. 23.

времени сенокосов уже возвратились обратно. Однако Сперанский и вовсе хотел отменить перевозку грузов по Охотскому тракту, предлагалось сухопутный путь заменить морским, оказать перевозку из упомянутого Кронштадта и др. мест, но все же идея не увенчалась успехом¹.

Понимая всю сложность ситуации, российское правительство и якутские областные начальники изыскивали различные способы для повышения эффективности перевозок казённых грузов. Следствием данной политики являлось создание в Якутской области (на основании «Устава об управлении инородцев» 1822 г.) инородческого самоуправления. Благодаря активной деятельности начальника Якутской области Н. И. Мягкова в 1827 г. была учреждена Якутская Степная дума.

В 1823 г. был внедрен порядок выдачи аванса на перевозку казенных грузов, однако из-за злоупотреблений чиновников Якутского земского суда, где непосредственно составлялись контракты с извозчиками и происходил расчет денег за извоз, поставки срывались. Организация Степной думы в г. Якутске должна была уменьшить коррупцию, теперь «областное правление и казначейство могли иметь дело непосредственно с якутами, пресекая злоупотребления чиновников». Согласно данным Второй Ясачной комиссии, «... приобретения от сей промышленности простираются ежегодно до 265 тыс. 851 рублей». Таким образом, в денежном обороте области появились средства, которые повлияли на развитие внутреннего рынка и на благосостояние якутов, а также способствовали возникновению экономической заинтересованности подрядчиков, теперь «якуты от грузоперевозок не отказывались», – отмечает З. И. Петухова².

Заключение наиболее выгодных для казны контрактов по доставке казённых грузов в Охотск обеспечивалось состязательностью, поощрявшейся якутским областным начальником. К примеру, И. Д. Рудаков в 1834 г. поддержал исполнявшего обязанности якутского областного стряпчего, предложившего

¹ Там же. Т.2. С. 5-8.

² Петухова З. И. Якутская Степная Дума (1827 -1838 гг.). Якутск, 2007. С. 16-18.

способы доставки казённой соли в Охотск по более низкой цене, чем было назначено упомянутой Якутской Степной думой, и предписал представить ему проект¹.

Особых отношений со стороны начальников Якутской области требовали проводимые еще с XVIII в. правительством и Академией наук научные экспедиции, направленные на изучение Северо-Востока России. «Деятельность Российско-Американской компании была одним из условий развития морских гидрографических работ Академии, изучения учеными флоры, фауны, полезных ископаемых северной части бассейна Тихого океана...». В первой половине XIX в. исследование Азиатского Севера и Америки продолжалось: «Состоялось огромное количество открытий в области географии и океанографии. Изучалась ледовая обстановка Северного Ледовитого океана; картографировалось его побережье и побережье северо-западной части Американского материка; собирались сведения о Северной Земле»².

В 1820 г. для описания северо-восточного побережья Сибири были отправлены экспедиции под руководством Ф. П. Врангеля и П. Ф. Анжу. «Важнейший и единственно удобный пункт для правильного содействия – это Якутск. Здесь должны быть кончены приготовления, запасены необходимые средства и определены трудности пути. К счастью, Якутский начальник, г. Миницкий, в тридцать лет своего пребывания в стране совершенно узнал ее средства... Его прежнее ремесло моряка еще более должно усилить интерес его к этому делу», – писал М. М. Сперанский в 1820 г.³ М. И. Миницкий ассигновал для Нижнеколымской экспедиции Ф. П. Врангеля и Усть-Янской экспедиции П. Ф. Анжу деньги для заготовления припасов и вещей. Ассигнованные денежные средства отчитывались начальником Якутской области, так за 1820-1821 гг. было израсходовано 51499 руб. 26 коп. В смету расходов входили: выпечки ржаных

¹ НА РС (Я). Ф. 13-и. Оп. 1. Д. 59. Л. 1- 1 об.

² Ширина Д. А. Петербургская Академия наук и Северо-Восток. 1725-1917 гг. Новосибирск, 1994. С. 139; Россия: научное исследование Арктики. XVIII в. – 1917 г. Новосибирск, 2001. С. 101.

³ Вагин В. И. Исторические сведения о деятельности графа М.М. Сперанского в Сибири с 1819 по 1822 гг. 1872. Т. 2. С. 156.

сухарей, покупки топленого молока, свеч, спирта, соли, выдачи начальникам экспедиции на первоначальную закупку рыбы, жалованье медицинскому персоналу и. т. д.¹ По поручению Маницкого были решены и вопросы относительно ввоза экспедиционных кормов². «Неутомимыми, деятельными распоряжениями г-на Маницкого были мы приведены в состояние предпринять путешествие к Ледовитому морю еще до истечения лета. Г-н Анжу поплыл с своим отрядом вниз по Лене в первых числах августа. Около того же времени отрядил я вперед мичмана Матюшкина в Нижне-Колымск, для приведения в порядок и устройства всего нужного к принятию и пребыванию там экспедиции», - отмечал Ф. П. Врангель³.

Другой начальник И. Д. Рудаков способствовал в обеспечении Михаила Фурмана, состоявшего в экспедиционной команде А. Ф. Миддендорфа. Фурман находился в Удском остроге⁴, где был организован научный стационар. В течение года производились регулярные метеорологические наблюдения, пополнялась ботаническая и зоологическая коллекции.

Другую важную часть в деятельности якутских областных начальников составляли специальные поручения высшего сибирского начальства о снабжении морских или военных команд по маршруту Иркутск – Охотск – Иркутск.

В 1836 г. И. Д. Рудаков снабдил «не обходимую в пути по тогдашнему жестокому холоду» теплой одеждою, ящиками для амуниции, провизией, лошадьми, отправляемых в Охотск для обучения нижних чинов морского ведомства «новым приемам военной экзерциции»⁵. Вскоре, в 1839 г., было упразднено Адмиралтейство, которое занималось судоходством на озере Байкал и организацией снабжения Охотского порта. В связи с этим генерал-губернатор

¹ РГАВМФ. Ф. 134. Оп. 1. Д. 50. Л. 1-4.

² РГАВМФ. Ф. 212. Оп. 9. Д. 558. Л. 8- 10 об.

³ Врангель Ф. П. Путешествие по северным берегам Сибири и по Ледовитому морю, совершенное в 1820, 1821, 1822, 1823 и 1824 г. экспедициею, состоявшею под начальством флота лейтенанта Фердинанда фон-Врангеля. СПб., 1841. Ч. 1. С. 172-173.

⁴ НА РС (Я). Ф. 12-и. Оп. 1. Д. 358. Л. 50-51.

⁵ РГАВМФ. Ф. 157. Оп. 1. Д. 323. Л. 32-33 об.

Восточной Сибири В. Я. Руперт предписал И. Д. Рудакову посодействовать в отправлении адмиралтейской команды, которая была переведена из г. Иркутска в Охотск. Рудакову было поручено обеспечить лошадьми «экипаж, женщин и детей» команды¹. В 1812 г. из-за сложности содержания был расформирован упомянутый нами камчатский батальон. В результате упразднения некоторая часть личного состава была зачислена в камчатские казаки, другая – отправлена в г. Иркутск, в чем активное участие принял И. Г. Кардашевский. Якутский областной начальник оказал помощь в отправлении воинских служителей: «доставлением им спокойного проследования, и убеждением частных лиц на снабжение их всем нужным, для столь дальнего и затруднительного пути, без чего казна должна была употребить значительные издержки»².

В 1845 г. усилиями В. С. Завойко фактория Российско-Американской компании все же была перенесена в другую местность – Аян, в связи с удобством заливов и дороги, пролегающей к г. Якутску. Порт вскоре получил государственный статус, началось строительство нового тракта. Это привело к угасанию Охотского тракта, который был переведен в разряд местного назначения. Однако слабая заселенность северо-восточных окраин Российской империи, проблемы с коммуникациями все же являлись определяющими факторами сдерживания политики российского правительства по освоению новых территорий тихоокеанского бассейна посредством деятельности частной компании³.

Итак, существование в первой половине XIX в. единственного порта – Охотска, дававшего выход в Тихий океан, обеспечивало якутской областной администрации важнейшую роль в организации поставок продовольствия, различных казённых материалов и др. на северо-восточные окраины Российской империи.

¹ НА РС (Я). Ф.180-и. Оп. 1. Д. 528. Л. 1-2 об.

² РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 95. Л. 26.

³ Алексеева Е. В. Управление Российскими колониями в Америке (1741-1867 гг.) // Уральский исторический вестник. Екатеринбург. 1996. № 3. С. 108.

В XVIII в. при осуществлении доставки грузов в северо-восточные регионы страны необходимость экономить средства казны стояла на первом месте. Использование для этого личной повинности якутов негативно повлияло на социально-экономическое положение коренного населения и стало причиной срыва поставок. В связи с этим с начала XIX в. государство начинает активно практиковать провоз грузов на основе подрядов, в политике российской власти становится заметна некоторая либерализация отношения к аборигенному населению. Чтобы осуществлять оперативное управление регионом, Якутии была необходима сильная, самостоятельная и эффективная местная власть, что стало одной из причин образования в 1805 г. Якутского областного правления, которому были поручены обязанности по снабжению Охотска, в частности заключение контрактов с якутами. Однако на практике ведением дел с якутами занимался Якутский земский суд, в котором денежные средства, выделенные для расчёта за извоз, разворовывались. Для борьбы с коррупцией в 1827 г. в контексте либеральных реформ М. М. Сперанского при содействии якутского областного начальника Н. И. Мягкова была учреждена Якутская Степная дума как инструмент защиты прав якутов, что немного облегчило положение подрядчиков и даже способствовало развитию рыночных отношений среди местного населения.

При этом политика царской власти, направленная на экономию государственной казны, лежала в основе деятельности якутских областных начальников, которые изыскивали различные бюджетные способы отправления казённых грузов в Охотск. Таким образом, эффективное решение задачи по снабжению окраин зависело от того, в какой мере власти учитывали интересы всех участников этого процесса. В ином случае наблюдалось злоупотребление чиновниками своими полномочиями, появлялась социальная напряжённость, возникали протестные действия в форме отказа от участия в перевозке грузов и др.

Особенности функционирования Охотского тракта и отсутствие других способов сообщения порождали многочисленные трудности в снабжении отдалённых пунктов. Формирование из местных жителей и ссыльных притрактового населения рассматривалось как один из способов их решения. Активное обустройство на протяжении многих лет поселений вдоль тракта свидетельствует о понимании областными начальниками важности поставленной задачи. Также они вели борьбу с эпизоотией, однако комплексного решения проблемы не было найдено. Например, ветеринарная помощь так и не была организована, что вполне могло быть обусловлено нехваткой медицинского персонала в данном регионе.

В тяжёлых условиях Крайнего Севера якутские областные начальники, являясь проводниками имперской политики и идеологии на северо-востоке Российской империи, старались способствовать рациональному отправлению грузов. Однако в целом меры, предпринятые ими с целью оптимизации доставки продовольствия и других товаров, были недостаточно эффективны. Охотский тракт как единственный путь, через который поддерживалась связь с северо-восточными окраинами государства, оставался ненадёжным, что вынуждало правительство рассматривать вопрос о поиске места для нового порта и создании другого государственного тракта.

2.2. Организация полицейского надзора и управление ссылкой

Важным направлением деятельности областного начальника Якутии в условиях периферийности и крайней удаленности региона от центра являлся полицейский надзор. Якутский край, как отдаленная сибирская окраина с огромной территорией и сложным климатическим условием, еще с XVII в. был определен местом для уголовной и политической ссылки, выполняя, таким образом, важную роль в пенитенциарной политике Российского государства. Однако в первой половине XIX в. двойственность природы наказания, обусловленная двумя системами управления осужденными, не распространялась на Якутскую область. Якутия в рассматриваемый нами исторический период являлся регионом исключительно для поселения ссыльных, а не отбывания каторжных работ.

Основополагающей нормативно-правовой базой формирования централизованного управления сибирской ссылкой в начале XIX в. и первым кодексом сибирской ссылки являлось «Сибирское учреждение» с уставами «о ссыльных» и «об этапах в сибирских губерниях» 1822 г. Ссыльные, которые были определены на поселение, были разделены на шесть категорий: «1) временные заводские рабочие, работавшие вместе с каторжными, но не более 1 года; 2) дорожные рабочие, направляемые преимущественно на устройство путей сообщения; 3) ремесленники; 4) слуги; 5) поселенцы, причисляемые к деревням старожилов или водворяемые в новых поселениях, и 6) неспособные»¹.

Управление над ссыльными было возложено на все уровни сибирского управления в зависимости от их властной компетенции: «главное (генерал-губернаторство), губернское, окружное, волостное и инородное»². В случае с Якутским краем существовал еще один промежуточный уровень между губернией и округом – областное.

¹ Дамешек Л. М. Сибирь в системе имперского регионализма (1822-1917 гг.). Иркутск, 2018. Т. 2. С. 372.

² Там же. С. 374.

На основании Сибирской реформы 1822 г. этапирование всех сосланных в Сибирь проходило через г. Тобольск, где определялось окончательное место их ссылки. Всего было организовано четыре экспедиции о ссыльных: тобольская, томская, енисейская и иркутская¹. В экспедиции о ссыльных, которые являлись одним из отделений губернского управления, аккумулировались все дела по управлению ссылкой. Однако на практике, из-за нехватки штатных единиц в Иркутской экспедиции, в 1832 г. основными делами ссылки занималось Общее присутствие губернского правления².

Сухопутным маршрутом, соединявшим г. Иркутск и г. Якутск, являлся Иркутский тракт. В начале 30-х гг. XIX в. было донесено в Сибирский комитет от генерал-губернатора Восточной Сибири А. С. Лавинского предложение Иркутского гражданского губернатора И. Б. Цейдлера об учреждении к существовавшим 14 этапам данного тракта еще 3-х этапов в связи со случившимися побегам и грабежами из числа ссыльных³.

Этапов по Якутии не имелось, однако в г. Якутске находились ссыльные, осужденные за особо тяжкие преступления, которые были пересланы из г. Иркутска в Охотский солеваренный завод на каторжные работы. Отправляемые в Охотск преступники находились в тюремном остроге г. Якутска, ожидая отправления весной или в июне месяце из-за «трудности Охотского тракта и суровости климата». Якутский острог, открытый в 1829 г. при правлении якутского областного начальника Н. И. Мягкова, вмещал в себе как гражданских арестантов, так и особое отделение для гаупвахты. Ссыльные, находясь временно в г. Якутске, «бывали употребляемы, в теплое время, на исправление улиц или площадей против казенных и общественных зданий или церквей, или же частных домов за платеж плаката, обращавшего в общую пользу острога». Вместе с тем

¹ Н. Г. Степанова (Шенмайер). Управление каторгой в Сибири в начале XX века (правовой аспект) // Сибирская ссылка: Сборник научных статей. 2011. С. 98-99.

² РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 444. Л. 1-25 об; Собственно члены Иркутского губернского правления: председатель, старший советник и три советника. «Общим свойством всех дел» правления по губернии являлось «охранение безопасности лиц и имуществ мерами предупреждения и пресечения».

³ РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 436. Л. 1-17 об.

серьезные опасения со стороны сибирских властей вызывали побегии заключенных Тюремного острога и ссыльнокаторжных Охотского солеваренного завода, которые зачастую попадали в соседнюю Якутскую область. Сведениями о случившихся побегих, предпринятых мерах по поимкам беглецов и передачах их суду ежегодно передавались якутским областным начальником перед центральной власти¹.

Значительную роль по обеспечению спокойствия и безопасности северо-восточной части Азиатской России выполняли якутские казаки. Казаки, с XVII в. стоявшие в авангарде колонизации Якутского края, превратились в важную составляющую ее населения. Отсутствие военного противника сместило военный аспект службы якутских казаков на выполнение ими исключительно функций, принадлежавших «служилым людям». Важнейшей их обязанностью являлась гарнизонная и караульная служба, поимки беглых крестьян и заключенных, конвоирование арестантов. В целом в полицейские обязанности якутских казаков вменялась патрульно-постовая служба. Однако круг их обязанностей не ограничивался перечисленным: «сбор ясака и подушных денег, извоз казенных тяжестей, различные разъездные поручения, перепись ясачного и неясачного населения, описание отдельных местностей и рек, осмотры и поиски пахотных земель и сенокосных угодий и др.» зачастую выполнялись якутскими казаками².

В 1767 г. Якутский казачий полк, подчинявшийся якутским воеводам, был переименован в Якутскую казачью команду и был отнесен в ведомство Иркутского обер-коменданта. В 1805 г. была осуществлена практика подчинения местной казачьей команды якутскому областному начальнику³. Якутские казаки делились на пеших и конных. Последние обязаны были иметь собственных лошадей, а потому определенного числа их не полагалось, считается, что «полной сотни» их никогда не было. Из-за бедности многие не были в состоянии завести лошадей. Содержание лошадей и сбруи за свой счет стоило для казака дорого, т.

¹ РГИА. Ф. 1281. Оп. 1. Д. 176. Л. 23 об.-25; РГИА. Ф. 1281. Оп. 1. Д. 177. Л. 13-14.

² История Якутской АССР. М., 1957. Т. 2. С. 204.

³ Манькин-Невструев А. В. Завоеватели Восточной Сибири якутские казаки: Очерк. М., 1883. С. 49.

к. взамен за это он получал лишь двойной надел сена и паек (3 десятины на человека). Конные казаки являлись ординарцами якутского областного начальника, они назначались также и для ночных объездов¹.

Положение якутской казачьей команды в начале XIX в. было крайне неблагополучным, нуждалось в особом внимании якутских областных начальников. В докладе Правительствующего Сената 1796 г. писалось: «Якутские казаки, относя всякую службу в городах и острогах, селений своих не имеют, промыслами не занимаются, никакими выгодами не пользуются, кроме получаемого жалованья и провианта и конне – фуража, имея собственных лошадей, собственное одеяние, ружья и проч., так что у многих дети питаются мирским подаянием, да и оное, в рассуждении пустоты мест, с нуждой могут снискивать». А. В. Манькин-Невструев отмечал: «Безвыходность положения, невозможность выйти из крепостной службы, поселили леность, праздность, равнодушие к своей судьбе»². Согласно сведениям по докладу Сената, утвержденному 28 октября 1795 г., якутские казаки получали ежемесячно жалованье (пешему – 4 р. 40 ½ к., конному – 6 р. 16 ½ к.), фураж (конному – 90 к.) и провиант (по солдатскому положению)³.

По данным 1810 г. якутские казаки, кроме г. Якутска, состояли по службе в Колымовершинском, Верхнеколымском, Среднеколымском, Нижнеколымском крепостях и комиссарствах: Зашиверском, Олекминском, Жиганском, Верхневиллюйском и Удском. Общая численность казаков по области составила 209 человек, детей казаков – 123. К этому времени размер их жалованья вместе с фуражными деньгами составлял 7 руб.⁴

¹ Матюнин Н. О. О покорении казаками Якутской области и состоянии Якутского казачьего пешего полка // Памятная книжка Якутской области на 1871 г., 1877. С. 177.

² Манькин-Невструев А. В. Завоеватели Восточной Сибири якутские казаки: Очерк. М., 1883. С. 63.

³ Андриевич В. К. Сибирь в XIX столетии. СПб., 1889. С. 154.

⁴ РГИА. Ф. 1286. Оп. 1 1810. Д. 347. Л. 20.

Таким образом, осознавая всю роль казачества в полицейском надзоре, целесообразным в первую очередь представляется изучение вопросов якутской казачьей команды в деятельности якутских областных начальников.

Более 10 лет якутская казачья команда находилась под руководством якутского областного начальника И. Г. Кардашевского, который заботился о поддержании казаков в имущественном плане. Якутским казакам отводились сенокосные угодья, что являлось единственной «выгодой» для них. Однако и в этом обстояли трудности: если до 1769 г. казаки обладали 1097 десятин сенокосных мест, то «после же неизвестно по каким случаям лишились оной». В 1773 г. указом Правительствующего Сената велено было отвести им по 6 десятин пастбищ¹. Несмотря на принятие некоторых законодательных актов, направленных на поддержку якутских казаков, в начале XIX в. ситуация с земельными угодьями оставалась критическим. Предложенный генерал-губернатором Сибири И. О. Селифонтовым «Положение об улучшении быта казаков» до реформы М. М. Сперанского (1822 г.) так и не было утверждено Государственным советом². Кардашевский представлял, что «тамошние казаки пешие и конные получая жалованья и на фураж от 4 до 7 рублей, и не имея в отводе от казны сенокосных земель, дошли до крайней бедности». В связи с тем якутские казаки «просили в сравнение с прочими сибирскими казаками отвести им лежащие по близости города Якутска острова: Хатыстах, Тоён-арыы и Кобден» общей площадью 285 десятин. Однако в связи с тем, что острова были «отведены под выгон Якутску, и утверждены оному в двухверстную пропорцию межевым Сената департаментом, то по заключению Казенной экспедиции просьба казаков осталась без удовлетворения». Якутский областной начальник настаивал на предоставлении для якутских казаков сенокосных мест. Кардашевский, уже вторично описывая крайне бедственное положение местных казаков, просил на 130 якутских казаков отвести сенокосные места на островах Большое и Малое хохче, а также на Тегерчир (всего 13 десятин), которые

¹ РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 536. Л. 5 об.

² Обзорение главных оснований местного управления Сибири. СПб., 1841. С. 53.

являлись никому не назначенными и состояли в казенном ведомстве. Кроме того, ссылаясь на указ Правительствующего Сената от 27 марта 1773 г. о казаках, служащих при Иртышской линии, на основании которой велено наделить им на каждый мужской пол по 6 десятин земель, и отмечая о действии данного положения среди Иркутских казаков, просил об отведении на 130 якутских казаков 780 десятин земель. Это стало одной из причин отказа предоставления 1000 десятин земель на «потомственное и вечное владение» надворному советнику Ивану Эверсу, автору проекта, связанному с учреждением Якутской области в 1805 г.¹

Учитывая бедственное положение якутских казаков, областные начальники Якутии шли на некоторые уступки по службе. В адрес якутского областного начальника стекались письма от якутских казаков касательно облегчения их положения. В 1812 г. было подано Кардашевскому прошение от казацкого урядника Алексея Сеницына о переводе его обратно в Зашиверское комиссарство. Сеницын в том году был переведен из данного комиссарства в Якутск на «обыкновенную послужбе должность», что порождало трудности обеспечения его «немалого семейства», которая находилась в Зашиверском крае. Кардашевский, «находя описанные Сеницыным резоны справедливыми», рекомендовал якутской казачьей команде «учинить в переводе его в прошлую им Зашиверскую станцию немедленное распоряжение» и донести об исполнении в адрес якутского областного начальника².

Существенную роль в благосостоянии якутской казачьей команды сыграл назначенец из Охотска М. И. Миницкий. Первым делом вновь определенный якутский областной начальник произвел осмотр, где команда представилась «в самом бедственном положении». А.В. Манькин-Невструев отмечал, что якутские казаки были в «кожаной оборванной одежде и почти без обуви». Особенной формы у якутских казаков не имелось, в докладе Сената от 28 октября 1796 г.

¹ РГИА. Ф. 1400. Оп. 2. Д. 182. Л. 2-3.

² НА РС (Я). Ф. 4-и. Оп. 1. Д. 28. Л. 155-155 об.

писалось, что их форма определяется указом 1706 г., где определялось «сибирским всяких чинов жителям носить платье и седло как кто хочет». По поручению Маницкого была введена новая форма к начальству якутской казачьей команды: желтые камлеи¹ с нешироким воротником и обшлагами из синего сукна, из которого были и погоны с вышивкой Я.К.П. Материалы к данной форме «можно было всегда достать в Якутске по сходной цене». «В 1817 г. 50 казаков завели себе на собственное иждивение форму следующего образца: мундиры и рейтузы из синего или темного сукна; воротник, лампасы и протвы из красного сукна; кивера черные, плисовые с красным суконным верхом, с белым султаном и с этишкетом из белых нитей; фуражка из синего или темно-зеленого сукна с красным околышем и козырьком. Прочие казаки имели камлеи ровдужные и китайчатые, парки из звериных шкур, казакины или чекмены из синего сукна и шинели из серого сукна с одною медною пуговицею у ворота». По донесению казачьего головы Сысоева от 20 июля «Маницкий выписал с дозволения Иркутского гражданского губернатора Трескина на экономические деньги казаков разновременно 936 аршин сукна серого, красного и синего. Одежда, сшитая из этих сукон, подходила на одежду иркутских казаков. У нижних чинов мундир из синего сукна с фалдами без пуговиц, с красным воротником и погонами, на которых инициалы Я.К.П из олова; рейтузы из синего сукна с лампасами; кушак из лакированной кожи; кивера из черного сукна с султаном, с этишкетом из нитяной тесьмы; подсумка из лакированной кожи с вензелем Государя; железные шпоры, белые перчатки. Офицеры имели ту же форму лишь со следующими изменениями: кушак из синей шелковой ленты, этишкеты серебряные, кивера плисовые, серебряные вышитые погончики и серебряный темляк»².

Составной частью Сибирской реформы 1822 г. М. М. Сперанского являлся «Устав о сибирских городских казаках» 1822 г., сыгравший важную роль в положении якутского казачества. Якутская казачья команда упразднялась, вместо нее был организован якутский казачий городской полк. Вместе с тем было

¹ Верхняя глухая мужская одежда.

² Манькин-Невструев А.В. Завоеватели Восточной Сибири якутские казаки: Очерк. М., 1883. С. 52-53.

ликвидировано и категория конных казаков. В состав Якутского городского казачьего пешего полка вошли также команды поселений, находившихся на побережьях Тихого океана: Охотская и Ижигинская казачьи команды, что весьма вероятно стало и основной причиной передачи главного управления над казачьим полком Иркутскому гражданскому губернатору¹.

В условиях отсутствия целостного законодательства по упорядочиванию положения и службы якутского казачества деятельность якутских областных начальников в период непосредственного управления над якутским казачеством, продолжавшаяся в течение около 20 лет (1805-1822 гг.), была охарактеризована обустройством и поддержкой якутской казачьей команды.

Якутские казаки, вошедшие теперь в городской пеший казачий полк, продолжали выполнять важную роль в полицейском надзоре, неся караул над арестантами, занимаясь конвоированием ссыльных² и др. Согласно «Уставу» казакам предоставлялся вперед ежемесячно обыкновенный солдатский паек, а также мука и крупа. Сотням или отдельным командам вместо провианта предусматривалась выдача денег, которая не должна была превышать утвержденных цен. Казаки обязаны были носить обыкновенное казацкое обмундирование, образцы которых определялись спецификой регионов. «Якутским, Туруханским и Березовским казакам позволено быть и на службе в платье, тамошнему климату свойственном, и носить то, которое они с издавна привыкли, то есть в парках и прочем». Устав определял, что в местах постоянной дислокации казачьих полков требуется отводить им целинные и залежные земли, а также казенные земли для земледелия и скотоводства по 15 десятин на одного человека, что им в последующем запрещалось продавать³. Так в течение 1820-1830-х гг. «двум сотням Якутского казачьего полка, расположенным в г. Якутск, были отведены места в окрестностях города на матером берегу р. Лены

¹ Там же. С. 49.

² РГИА. Ф. 1281. Оп. 11. Д. 176. Л. 24; Оп. 4 1841. Д. 95. Л. 13 об. – 14.

³ Коновалов И. А. Служба сибирских казаков по охране правопорядка в дореволюционный период // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2014. № 1 (38). С. 22.

всей удобной и неудобной земли 3465 десятин на 230 душ, на каждую душу приходится по 15 десятин 156 сажень, Олекминской команде было отведено всей удобной земли 435 десятин на 29 душ, то есть по 15 десятин на каждую; Вилюйской команде удобных земель 417 десятин 2303 сажень на 22 души, на каждую по 19 десятин, Верхоянской команде удобной земли 469 десятин сажень на 30-ть душ, также по 15 десятин на каждую. Верхнеколымской команде удобной земли 90 десятин на 6 душ, на каждую по 15 десятин, СреднеКолымской команде удобных земель 255 десятин на 17 душ, также по 15 десятин на 21 душу, более на душу по 8 десятин 600 сажень». Всего по пяти округам казакам было отведено 5456 десятин земли¹.

В пореформенный период происходит расформирование многих казачьих полков в Западной и Восточной Сибири. Однако Якутский полк городских казаков действовал даже в начале XX в., который управлялся архаичным к тому времени «Уставом» 1822 г.².

20-е гг. XIX в. ознаменовались в Сибири не только внедрением Сибирской реформы М. М. Сперанского, но и началом нового витка отправления ссыльных на поселение в Азиатскую Россию. Якутская ссылка, но и в целом история Сибири второй четверти XIX в. прочно ассоциируются с событиями декабря 1825 г. В Сибирь было сослано 124 революционеров, где основная часть была отправлена в Восточную Сибирь³. Первая партия «государственных преступников» прибыла в Якутию 16 сентября 1826 г., при правлении вновь вступившего на должность областного начальника Якутии Н. И. Мягкова. Якутская окраина стала местом для отбывания наказания следующих декабристов: А. Бестужева-Марлинского, Н. Бобрищева-Пушкина, А. Андреева, М. Муравьева-Апостола, А. Ведяняпина, Н. Заикина, М. Назимова, И.

¹ Башарин Г. П. История аграрных отношений в Якутии (60-е годы XVIII – сер. XIX в.). М., 1956. С. 178.

² Коновалов И. А. Служба сибирских казаков по охране правопорядка в дореволюционный период // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2014. № 1 (38). С. 24.

³ Иванов А.А. Политическая ссылка Иркутской губернии первой половины XIX века // Известия Иркутской государственной экономической академии (Байкальский государственный университет экономики и права). 2015. Т. 6. № 2. URL: <http://eizvestia.isea.ru/reader/article.aspx?id=20040>. DOI: 10.17150/2072-0904.2015.6(2).28.

Загорецкого, С. Краснокутского, Н. Чижова, З. Чернышева, П. Выгодского¹. В Якутскую область отправлялись не только осужденные непосредственно на поселение, так и те, которые после окончания каторжных работ должны были быть отправлены на поселение в Сибирь. Кроме того, область стала местом для водворения декабристов, которым сократили сроки каторги или освободили от каторжных работ².

«Устав о ссыльных» 1822 г., определявший положение осужденных в Сибири, не регламентировал категорию декабристов. Нормативно-правовой базой условия их содержания являлись указы императора и разработанные на основании данных рескриптов особые положения: III отделения, Генерального штаба, Военного министерства, Министерства внутренних дел, почтового ведомства и временного особого комитета. Существование нескольких распорядителей «нередко приводило к несогласованности и даже противоречивости требований и действий». Главный надзор над декабристами было окончательно сосредоточен только в 1828 г. в руках шефа Третьего отделения и корпуса жандармов³.

Весьма важную роль составляло управление на местах, обоснованное удаленностью Сибири от Санкт-Петербурга. Управление над ссыльными декабристами в Якутии характеризовалось особенными сложностями с точки зрения организации сибирской власти. В Сибири общий надзор над ссыльными дворянами в Якутии поручался генерал-губернатору Восточной Сибири, который подчинялся Третьему отделению. Сибирскими исследователями считается, что «компетенция генерал-губернатора по установлению и соблюдению режима политической ссылки ограничивалась распоряжениями самого императора, а впоследствии и шефа жандармов», что генерал-губернатору были присущи, прежде всего, надзирательные функции⁴. Непосредственный, местный уровень управления над «государственными преступниками» на областном уровне,

¹ Сафронов Ф. Г. Декабристы в якутской ссылке. Якутск, 1975. С. 10-24.

² Казарян П. Л. Якутия в системе политической ссылки России. 1826-1917 гг. Якутск, 1998. С. 154.

³ Перцева Т. А. Наказание декабристов: долженствующее и реальное // Сибирская ссылка. Иркутск, 2011, вып. 6 (18). С. 13.

⁴ Дамешек Л. М. Сибирь в системе имперского регионализма (1822-1917 гг.). Иркутск, 2018. Т. 2. С. 375.

принадлежал якутским областным начальникам. Однако и здесь власть областного начальника Якутии была ограничена еще одним стоявшим над ним институтом власти – иркутским гражданским губернатором. В целом в конце 1820-х гг. выстраивается следующая вертикаль власти в управлении ссыльными декабристами в Якутии: император – Третье отделение – Генерал-губернатор Восточной Сибири – Иркутский гражданский губернатор – Якутский областной начальник.

Направленные из г. Иркутска ссыльные отправлялись на поселение в различные уголки Якутии. Так, например, в отношении определенного на поселение в г. Вилюйск декабриста М. И. Муравьева-Апостола, доставленного из г. Иркутска, начальник Якутской области Н. И. Мягков предписывал вилюйскому окружному исправнику: «водворить в Вилюй», «за поведением его иметь неослабный и строгий надзор, донося мне о том с каждой почтой»¹.

Декабристы писали и получали письма, а также вещи от родных и близких им людей. М. И. Муравьев-Апостол, который находился в г. Вилюйске за год получил 36 писем. Из-за того, что почта из г. Якутска в г. Вилюйск отправлялась редко, то за один раз декабрист получал по 6-7 писем сразу. Письма, отправленные на имя М. И. Муравьева, получал в г. Якутске областной начальник. Запрещалось высылать письма частным образом, т. е. через купцов, обывателей, которые отправлялись из г. Вилюйска в г. Якутск чаще, чем полицейские чиновники. Мягков писал вилюйскому окружному исправнику о том, чтобы Муравьев присылал письма бы ему «кои и должны вы представлять ко мне для доставления Иркутскому гражданскому губернатору». Аналогично было и при получении писем и вещей от родственников.

Как уже мы ранее отмечали, в 1826 г. случилась курьезная ситуация между Н. И. Мягковым и Иркутским губернатором Цейлдером касательно декабристского надзора. Военный министр предписал якутскому областному

¹ Рыбаков М. Из архива Якутского областного правления // «Сибирские вопросы». 1912. № 21. С. 92.

начальнику Мягкову ежемесячно доносить императору информацию о поведении декабристов в Якутской области в главный штаб на имя императора. Когда Цейдлер обратился к Мягкову с аналогичным предписанием отправлять сведения о государственных преступниках ему в г. Иркутск, якутский областной начальник ответил тем, что «не почитает себя в его ведомстве», а будет действовать исключительно по предписанию военного министра.

Иркутский гражданский губернатор обратился с запросом к генерал-губернатору Восточной Сибири А. С. Лавинскому: «ответствует ли гражданский губернатор за тех, которые в Якутской области, или считать их как в другой губернии». Лавинский ответил: «Сосланные в Якутскую область преступники, писал он Цейдлеру, принадлежат особенному надзору и наблюдению Вашему так же, как и все прочие, в Иркутскую губернию отправленные, и вы, имея ввиду ясные относительно сих преступников правила, можете вразумить г. якутского областного начальника, что ни цель сих правил, ни самый порядок подчиненности, Сибирским учреждением определенный, и никакие частные предписания, прямо к нему посылаемые, не дают ему ни малейшего права уклоняться без нарушения своей обязанности от точного и неукоснительного исполнения Ваших предложений».

Однако Мягков, не успевший получить «вразумления», уже во второй раз начинает отстаивать свою самостоятельность по вопросу об организации надзора над ссыльными декабристами. Военный министр А. И. Татищев извещал Мягкову, что «сведения об Андрееве, Веденяпине, Назимове и Заикине, как сосланных в Иркутскую губернию, должен представлять государю иркутский губернатор», а находившихся в области – областной начальник. Но Андреев был переведен в Олекминск Якутской области, соответственно подавать отчет о нем обязан был согласно приказу министра якутский областной начальник, а не иркутский гражданский губернатор. При этом совместно с Андреевым жил и Н. Чижов, о поведении которого, согласно предписанию военного министра, должен был представлять сведения Мягков. Таким образом, сложилась следующая

ситуация, где о двух декабристах, находившихся в одном поселении, обязаны были отчитываться иркутский губернатор – по Андрееву и якутский областной начальник – по Чижев. Из-за сложившейся ситуации военный министр изъяснил Мягкову, что сведения об Андрееве должен представлять теперь начальник Якутской области, в связи с тем, что он отправлен в Олекминск, который входит в состав данной области.

Лавинский узнав об этом писал Мягкову следующее: «Ежели бы донесение ваше к г. военному министру не было сделано в противность законного порядка мимо меня и не заключало в себе такого смысла, будто бы Якутская область составляет совершенно отдельное управление от Иркутской губернии, и изъясненное разрешение конечно от военного министра последовать бы не могло». Генерал-губернатор Восточной Сибири поспешил изъяснить военному министру: «по ошибочному понятию своему изъяснился на счет Якутской области в таком смысле, как будто бы она составляла совершенно отдельное от Иркутской губернии управление, тогда как область сия... во всех отношениях подведомственна иркутскому общему губернскому управлению»; и полагал, что «обо всех государственных преступниках, в Иркутскую губернию на поселение сосланных и в разные округа размещенных, гораздо приличнее было бы посылать донесение от лица иркутского губернатора»¹.

Сложившаяся ситуация по декабристскому надзору объясняется отдаленностью края, сложностью иерархии сибирской власти, из-за которого порождалась неясность властных компетенций², а также личностный фактор. Недавно определенный чиновник из сановного Петербурга, удостоившийся перед отправлением в г. Якутск аудиенции императора Николая I в Зимнем дворце совместно с Бессарабским гражданским губернатором В. Ф. Тимковским, а также поддержанный лично министром внутренних дел В. С. Ланским, вполне вероятно

¹ Кубалов Б. Г. Декабристы в Восточной Сибири. Очерки. Иркутск, 1925. С. 45-47, 55-56.

² Ремнев А. В. Самодержавие и Сибирь. Административная политика в первой половине XIX в. Омск, 1995. С. 142-143.

видел себя полноправным губернатором¹. Еще одной особенностью личности Мягкова являются его либеральные взгляды. Якутский областной начальник проявлял к декабристам сочувствие, всячески пытаясь облегчить их участь в сибирском заточении. Г. А. Попов отмечал: «Сосланные в Якутск декабристы, в лице начальника края Н. Мягкова, нашли отзывчивого и доброжелательного администратора. Он, по силе возможности, смягчал положения ссыльных и этим не раз навлекал на себя неудовольствие иркутских властей»².

Мягков неоднократно навещал Андреева и Чижова в Олекминске, «дозволяя им пользоваться свободой». Андреев, сильно заболев, попросил олекминского исправника отправить его в г. Якутск из-за того, что в Олекминске не было ни врача, ни аптеки. И. Б. Цейдлер узнав о том, что Андреев для поправления здоровья был поселен в г. Якутске, написал Мягкову, что «ближнее было бы послать в Олекму лекаря», при том, что отлучка декабриста из места поселения незаконно. Лавинский приказал Мягкову немедленно возвратить Андреева в Олекминск и «впредь не вовлекаться в распоряжки, которые несовместны с последовавшими государственными преступниками предписаниями». Однако в этой ситуации не было вины Мягкова. Андреев был перемещен из Олекминска после разрешения исправника, а не якутского областного начальника. Несмотря на это, Мягков писал Лавинскому о том, что, разрешение на перемещение Андреева из Олекминска в г. Якутск не давал и если бы исправник попросил разрешения у Мягкова, то поддержал бы данную идею. Касательно отправления лекаря в Олекму от отмечал: «Посылать лекаря, как изволите предполагать, я готов на будущее время... но обязанностью поставлю объяснить и предать на благосмотрение вашего в-ства, что за 600 и более верст без медицинских лекарств, которых ни в Олекме нет, и ни у доктора часто не имеется, да и какие взять — угадать трудно, будет ли представлять какую-либо пользу»³.

¹ РГИА. Ф. 1286. Оп. 3 1825. Д. 210. Л. 26.

² Попов Г. А. Очерки по истории Якутии. Якутск, 1924. С. 96-97.

³ Кубалов Б. Г. Декабристы в Восточной Сибири. Очерки. Иркутск, 1925. С. 59.

Б. Г. Кубалов отмечает, что Мягков видел «в лице сосланных государственных преступников Краснокутского, Чернышева и Бестужева образованных, талантливых и воспитанных людей, способных внести оживление в общество и придать ему особый блеск». Якутский областной начальник приглашал декабристов на балы и торжественные обеды, где государственные преступники были в центре общего внимания. Якутский городничий Слежановский отмечал: «На случающиеся у Мягкова балы, где быв они в полной мере г. Мягким в виде знаменитых особ уважаемы, и играя они недозволенную ролью, занимали первые места и танцевали с приглашенными на бал дамами», «приглашал их в числе штаб- и обер-офицеров, и также почтеннейших граждан к обеденному столу в высокаторжественные дни»¹.

«Дружелюбное отношение» Н. И. Мягкова к декабристам в Якутской ссылке отразилось в воспоминаниях и письмах «государственных преступников». М. И. Муравьев-Апостол в своих воспоминаниях по Сибири писал: «был так обязателен, что не только предложил мне воспользоваться его седлом до Вилюйска, но и разрешил служившему у него молодому чиновнику, брату вилюйского комиссара, сопутствовать мне до места назначения для свидания с братом», «Областной начальник Мягков был так добр, что прислал мне, в виде лакомства, огромного размера туяз, по нашему бурак, из березовой коры, с замороженными щами. Вид давно забытой капусты, напомнил мне родину и былое время»². Другой декабрист А. А. Бестужев-Марлинский отзывался о Мягкове в своем письме к брату в Читу: «Начальника нашей области ты, вероятно, знаешь. Человек справедливый, запоздавший в мнениях воеводства, но самый неловкий в самом желании делать добро, особенно в формах его оказывать к месту и впору. У него бываю очень редко»³. Брат А. А. Бестужева Н. А. Бестужев – известный декабрист, морской офицер, историограф флота. Сам Мягков был выпущен из Морского кадетского корпуса в 1801 г., а Бестужев в

¹ Там же. С. 51.

² Декабрист М. И. Муравьев-Апостол. Воспоминания и письма. Петроград, 1922. С. 60-63.

³ Александр Бестужев в Якутске. Неизданные письма его к родным / Публ. Подгот. М. Семевский // Русский вестник. 1870. № 6. С. 240.

1809 г. Однако однокурсником Бестужева был родной брат Николая – Семен Мягков¹. Сам Мягков положительно отзывался о А. А. Бестужева-Марлинском в адрес генерал-губернатора Восточной Сибири А. С. Лавинского следующим образом: «вел себя во все время благопристойно и скромно, не был замечен ни в каких предосудительных поступках»².

Декабристы в якутской ссылке находились недолго, уже в 1829 г. восемь из них выбыли за пределы Якутской области³. Однако за такой короткий период времени ссыльные сыграли особую роль в повышении материального и культурного уровня населения, а также своей деятельностью способствовали в научном освоении Северо-Востока России: 1) распространение земледельческой культуры в условиях Крайнего Севера: «опыты выращивания овощей и проса», «постройка собственными средствами первой в Олекминске мукомольной мельницы»; 2) участие в научном изучении Якутского края: «помощь в деятельности экспедиции Эрмана», «поиск залежи слюды и соляных источников», «собрание мамонтовой кости, некоторых минералов», «собрание сведений по географии и экономике края, по этнографии якутов, сведения об их занятиях, быте, одежде, пище, нравах и верованиях»; 3) культурно-просветительское воздействие: «выступали проводниками передовой русской культуры среди местного населения, обучали детей некоторых якутян грамоте, а их самих знакомили с наиболее передовой в то время литературой»⁴.

В отечественной историографии, особенно за последние годы, исследователи стали рассматривать декабристов как «недооцененных акторов российской модернизации», где не только признается их вклад в борьбе с самодержавием и крепостничеством, но отмечается, что «...многие из тех, кто

¹ Веселаго Ф. Ф. Очерк истории Морского кадетского корпуса с приложением списка воспитанников за 100 лет. СПб, 1852. С. 53, 65.

² ГАИО. Ф. 24. Оп. 3. Д. 58. Л. 3.

³ Гоголев А. И. История Якутии. Якутск, 2013. С. 93.

⁴ Сафронов Ф. Г. Декабристы в Якутской ссылке. Якутск, 1975. С. 52.

избежал смертной казни, в меру своих возможностей содействовали преобразованию Отечества в перспективном направлении»¹.

Возможно, лояльное отношение Мягкова к декабристам, в которых он видел прогрессивных людей, и являлось одним из основных причин его отъезда в 1831 г. в Санкт-Петербург. Доносы местных чиновников об их «содружестве» в адрес вышестоящих инстанций имели место быть. Аналогичные процессы наблюдались и в соседней Енисейской губернии, где «хозяином губернии» являлся А. П. Степанов. В 1831 г. Степанов также якобы за «дружелюбное отношение» с декабристами был освобожден от должности. Весьма вероятно, что одной из причин смещения с должности перечисленных представителей местной сибирской власти является отражение элементов эпохи николаевской реакции.

Другие отбывающие наказание на северо-востоке Азиатской России в первой половине XIX в. – представители религиозных сект: раскольники, скопцы и др. последователи различных учений. Несмотря на то, что Якутский край становится местом массовой ссылки по религиозным мотивам лишь к середине XIX в.², архивные источники свидетельствуют о том, что вопросы осужденных за преступления против православной веры занимали немаловажное место в деятельности областных начальников Якутии.

И. Г. Кардашевский в 1815 г. предписал поселить «последователей религиозного лжеучения Ракитина», доставленных по религиозным мотивам в г. Якутск из г. Иркутска в разные местные селения Якутской области, которые находились бы под надзором «духовного и сельского начальства, не могли иметь между собою свидание, или письменного сношения...». Местную власть волновали «распространение лжеучения» и «новые преступления» со стороны данных представителей религиозной секты. Кардашевским было предложено поселить религиозных ссыльных в Охотске, Амгинской слободе, Зашиверском и

¹ Акторы российской имперской модернизации (XVII – начало XX вв.): региональное измерение. Екатеринбург, 2016. С. 43.

² Юрганова И. И. Из истории ссылки по религиозным мотивам в Якутию (вторая половина XIX – начало XX в.) // Известия Иркутского государственного университета. Серия «История». 2016. Т. 16. С. 136.

Верхневиллюйском комиссарствах: «отправить как следует в назначенные мной места скованных за крепким караулом, – и со сторожайшим комиссарам, тех мест предписанных, чтобы те ссыльные находились в самых комиссарствах к виду их»¹.

Весьма глубокую историю имеет ссылка раскольников в Якутии, которая начинается с 1671 г. Якутский областной начальник был обязан представлять сведения о раскольниках (старообрядцах) перед иркутским гражданским губернатором. Так, 15 мая 1826 г. начальнику Якутской области было предписано доставлять ежегодно к 1 числу ноября «ведомости о старообрядцах, раскольниках и др. сект». На примере 1828 и 1831 гг. видно, что сведения о религиозных сектах по Якутскому округу поручалось донести якутскому земскому суду в адрес областных начальников Якутии Н. И. Мягкова и В. Н. Щербачева к 1 числу октября. Мягков объяснял своевременность доставления сведений к упомянутой дате необходимостью отправления почты от 10 октября в г. Иркутск. Якутские областные начальники требовали от земского суда составить Ведомость по определенной форме: 14 ноября 1831 г. указом Мягкова было велено составить Ведомость «без малейшего отступления от данной формы»².

Информация о представителях религиозной ссылки в Якутии являлась составной частью ежегодного отчета областного начальника Якутии, доставляемого в адрес управляющего МВД. В отчете прилагались сведения о «Иконоборцах, не приемлющих священства и не поклоняющихся Св. иконам и скопцов», которые были направлены из «внутренних губерний» и поселены в казенные крестьянские общества и якутские улусы. Из них «не приемлющие священства» – 9 (3 – муж., 6 – жен.), скопцов – 10 (9 – муж., 1 – жен.). В документе также говорилось о распространении религиозного учения среди местного населения: в 1841 г. крестьянка Якутского округа была вовлечена в

¹ НА РС (Я). Ф. 180-и. Оп. 1. Д. 85. Л. 4-5.

² НА РС (Я). Ф. 180-и. Оп. 1. Д. 342. Л. 9-10; 15-15 об.

организацию скопцов¹. Подозреваемый «в совращении» скопец, а также скопчиха были переданы суду. Развитие религиозной секты скопцов на протяжении первой половины XIX в. все больше волновало якутского областного начальника. В 1835 г. И. Д. Рудаков предписал исправляющего должность якутского земского исправника «иметь строжайший надзор и наблюдение» за поселенными на ссылку в Якутии скопцами, находившимися в Амгинской слободе, с целью пересечения распространения «пагубного для человечества лжеучения». В противном случае предписывалось передавать виновных немедленно суду и доносить каждый раз перед начальником Якутской области².

Во второй четверти XIX в. религиозные ссыльные поселялись в основном в Амгинской слободе и в станциях по Иркутскому тракту. При этом наблюдалась практика перенаправления из одного места в другой населенный пункт. В 1844 г. скопец из Амгинской слободы был отправлен в Улахан-Анскую станцию Иркутского тракта³. В 1843 г. всего по Иркутскому тракту и Амгинской слободе скопцов числилось шестеро, где в каждом находились по трое. В Иркутском тракте числился и представитель из духоборов⁴.

Внутриобластные преступники отправлялись на поселение в отдаленные уголки Якутской области, зачастую в соседние регионы, не говоря уже о каторжных. Годовой отчет якутского областного начальника состоял из «Ведомости о решенных и нерешенных делах по Якутской области», где имелись сведения по правонарушениям (уголовные, следственные и гражданские), рассмотренные в Якутском областном правлении, городской управе, земском суде, окружных управлениях. Так, в 1829 г. в целом по области имелось 745 судебных дел, из них решенных – 639, нерешенных – 106⁵. Осужденные Якутской области отправлялись на каторжные работы в Илгинский, Иркутский солеваренный и Нерчинский заводы, на поселения: Нижнеколымск, Удский и

¹ РГИА. Ф. 1281. Оп. 4. Д. 107. Л. 6.

² НА РС (Я). Ф. 180-и. Оп. 1. Д. 376. Л. 1.

³ НА РС (Я). Ф. 180-и. Оп. 1. Д. 627. Л. 7-8.

⁴ НА РС (Я). Ф. 180-и. Оп. 1. Д. 512. Л. 168 об.-169.

⁵ РГИА. Ф. 1281. Оп. 11. Д. 176. Л. 34-37.

Гижигинский край, Верхоянск, Охотск. В связи с длительностью пути ссыльные и поселенцы обеспечивались якутским областным начальством «одеждою, обувью, харчевыми припасами»¹.

В условиях административной подчиненности Якутского края от Иркутской губернии и отсутствия экспедиции о ссыльных в Якутской области приговор по отправляемым в ссылку преступников утверждался иркутским гражданским губернатором, а распределением ссыльными занималась Иркутская экспедиция о ссыльных. Это порождало финансовые проблемы, что было связано отдаленностью г. Якутска и г. Иркутска: «переписка между правлением и экспедицею о назначении сим преступникам места работы или поселения, совершается не скоро, а между тем преступники остаются в заключении, и казна терпит от невозвратных издержек на их содержание». В 1836 г. Главное управление Восточной Сибири приняло следующее решение: Якутскому областному правлению во главе с областным начальником были делегированы полномочия по распределению ссыльных, отправляемых на поселение, а каторжных предлагалось отправлять в Охотский солеваренный завод, в иных случаях посылать в Иркутскую экспедицию о ссыльных².

Полицейский надзор составлял важнейшую часть в деятельности областного начальника на северо-восточной окраине Российской империи. В начале XIX столетия якутскому областному начальнику было доверено управление над якутскими казаками, которые составляли полицейский аппарат коронной власти. Неблагополучное положение местной казачьей команды, связанное с недостатком практической поддержки со стороны правительства и отсутствием целостного законодательства (до реализации реформы М. М. Сперанского 1822 г.) в отношении сибирского казачества, ставило задачу областным начальникам Якутии заниматься опекой и реанимированием якутского казачества, где в правительственных кругах добивались вопросы наделения

¹ НА РС (Я). Ф. 180-и. Оп. 1. Д. 725. Л. 9-10; 19-19 об.

² РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 466. Л. 1-10.

казаков сенокосными угодиями, решались проблемы оснащения якутской казачьей команды и др.

В первой половине XIX в. ссылка начинает играть особую роль среди местной власти Якутской области, что в первую очередь характеризуется декабристскими событиями 1825 г. и развитием по России движения скопцов, постепенным отправлением ее представителей в Якутскую область. Якутские областные начальники занимались водворением ссыльных, организацией их учета, изоляцией, созданием контроля за перепиской и корреспонденцией для избегания распространения «вредных для государства идей», предотвращения возможных побегов по области, но и в целом надзором за расположенными по области учреждениями пенитенциарной системы. При этом отдаленность региона, сложность структуры управления Якутской областью, а также личные качества определяли характер деятельности начальника Якутской области, который проявлялся самостоятельностью в некоторых вопросах надзора над ссыльными.

2.3. Политика в отношении инородческого населения

Значительную часть населения Якутской области составляло коренное аборигенное население, называемые в официальных документах царской России как «ясашные», «иноверцы» в связи со слабостью распространения христианства среди них. Однако ко второй четверти XIX в. существенная часть народов Якутии уже была обращена в православную религию. В связи с тем М. М. Сперанский в 1822 г. вводит новый термин «инородцы», который приобрел и сословный характер. Аборигенное население Якутской области существенно превалировало над русским. Так, в конце 1810-х гг., если русских насчитывалось 4610 (2921 мужчин, 1689 женщин), то представителей коренных народов – 142405 (71301 мужчин, 71104 женщин)¹. Основную часть аборигенного населения Якутии составляли якуты, численность которых в течение первой половины XIX в. стремительно росло².

Основными документами, характеризующими политику царской России в отношении инородцев Сибири в первой половине XIX в. являлись: 1) инструкция Сената, переданная секунд-майору Щербачеву, командированному в Сибирь для урегулирования ясачного сбора (1763 г.). В документе говорилось о том, что родоначальникам вверялось «ближайшее» управление по улусам и стойбищам, а также расправа в «делах тяжбных и маловажноуголовных». Родоначальники занимались сбором ясака в натуральной и денежной форме. Народы, которые платили ясак, закреплялись за определенным родом, представлявшим административно-хозяйственную единицу. В инструкции было предписано о том, что с «начальниками верноподданных обходиться по-приятельски». Официально инструкция ограничивала вмешательство царской администрации в дела народов Сибири, но на практике, как отмечал М. М. Сперанский: «все управление инородцами перешло большею частью в зависимость земских чиновников и сделалось поводом к великим злоупотреблениям». Инструкция «определяла

¹ Андриевич В. К. Сибирь в XIX столетии. СПб., 1889. С. 100.

² Борисов А. А. К изучению динамики численности якутов в XIX в. // Новый исторический вестник. № 3. 2011. С. 11.

порядок сбора ясака, регламентировала вопросы торговли с аборигенами, ограничивала въезд в иноверческие кочевья и улусы торговых людей одним разом в год во время сугланов и ярмарок...»; 2) «положение о выборе иноверческих начальников и правах их» иркутского гражданского губернатора Трескина (1812 г.). В новом законодательстве отмечалось, что наследственный родоначальник «бывает уважаемы иноверцами и слово его имеет лучший вес, нежели простолюдина», который, по его мнению, «не имеет способностей и навыка в делах управления». Трескин требовал, чтобы назначение «иноверческих» начальников было всегда наследственным: «малолетство сына или ближайшего родственника не есть препятствие к его назначению». Назначение в родоначальники проводилось посредством выбора при условии отсутствия наследников. Предусматривалось отстранение от должности «за нерадение в исполнении своей обязанности, худое правление своим родом»¹. Однако целостного нормативно-правового акта, направленного на регулирование взаимоотношений органов государственной власти с аборигенным населением Сибири до 1822 г., не было; 3) огромную роль в определении системы управления коренными народами Сибири вплоть до революции 1917 г. сыграл «Устав об управлении инородцев» 1822 г. В начале XIX в. Сибирь характеризовалась слабостью управления, массовыми беспорядками на местах, злоупотреблениями чиновников, которые, в первую очередь, негативно отражались на поступлении государственных доходов, в частности, посредством ясачного сбора. Сибирь приносила в государственную казну 5351748 руб. за счет пушнины, добычи меди, серебра, за счет питейных откупов, а также податей и сборов с населения². Либеральный деятель М. М. Сперанский начинает разрабатывать проекты по преобразованию Азиатской России, итогом которого стала Сибирская реформа 1822 г., состоящая из нескольких законодательных актов, где значительное место занимал «Устав об управлении инородцев» 1822 г., соавтором которого являлся Г. С. Батеньков – «ученик» Сперанского, сибиряк, будущий декабрист. «Устав»

¹ Дамешек Л. М. Внутренняя политика царизма и народы Сибири (XIX-начало XX века). Иркутск, 1968. С. 32-33.

² Чибиряев С. А. Великий русский реформатор. М, 1989. С. 115.

«регламентировал все стороны жизни коренного населения: экономическую, административную, судебную-правовую и культурно-бытовую»¹. И. С. Москвин считает, что определенную роль в составлении «Устава» сыграл якутский областной начальник М. И. Миницкий: «Из представленных им записок, многое вошло в изданный Устав об инородцах»².

«Устав» делил коренное население Сибири на три разряда: «оседлых», «кочевых» и «бродячих». Принципом деления являлось хозяйственное развитие инородцев, а собственно земледелие и скотоводство, которые давали постоянный доход. На основании деления устанавливались их права и порядок управления ими. В ходе проведенной переписи Якутской области в 1823 г. Инородцы составили всего 79041 человек мужского пола (оседлые – 11, кочевые – 69711, бродячие – 9319³). В заключительных этапах внедрения «Устава», согласно данным 1830-х гг., инородцев мужского пола, ведущих кочевую жизнь, насчитывалось 83151, бродячих – 5185, оседлых – 17⁴. Из-за низкого уровня развития земледельческой культуры среди инородцев Якутии основная часть аборигенного населения была причислена к разряду «кочевых», где существенную часть составляли якуты, занимавшиеся преимущественно скотоводством.

Разряд «бродячих инородцев» Якутской области составили тунгусы, ламуты, юкагиры и другие народы, переходящие с одного места на другое по рекам и урочищам, которые занимались охотой и рыболовством. Оседлые инородцы» были сравнены с крестьянами во всех податях и повинностях, кроме рекрутской, от которой освобождались все инородцы. Управление и суд на «оседлых» распространялись по общим указаниям и учреждениям.

Согласно «Уставу» чукчи были отнесены к особому разделу «инородцев, несовершенно зависящих от правительства». Согласно этому документу «чукчи

¹ Дамешек Л. М. Сибирь в системе имперского регионализма. Иркутск, 2018. Т. 2. С. 347-348.

² Москвин И. С. Воеводы и начальники г. Якутска и их действия // Памятная книжка Якутской области за 1863 год. СПб., 1864. С. 202.

³ Федоров М. М. Памятники права Саха (Якутия). Якутск, 1994. С. 99.

⁴ РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 378. Л. 15 об.

платили дань по собственному их произволу как в количестве, так и в качестве и в пределах обитаемых ими земель не подчинены гражданским и уголовным законам и суду российскому подлежат только в случае убийств, насилий или кормчества, учиненных вне границ этих земель». Государство не вмешивалось в дела и взаимоотношения внутри чукотского общества. Никакое законодательство не распространялось на чукчей, они не платили окладного ясака. Их общественное устройство и управление не подвергались никаким изменениям. Чукчи не несли никаких натуральных земских повинностей. При этом небольшая группа чукчей, обитавшая в непосредственной близости к Колыме, постепенно подпадала под общее положение населения Якутии, так и России в целом¹. Для интеграции чукчей в российскую государственность и укрепления северо-восточных окраин государства российское правительство проводило централизованную торговлю с чукчами и христианизацию в отношении данного народа. Однако проводимые «меры лишь косвенно влияли на политические настроения чукчей, чукотско-русские отношения в том виде, в каком их хотела бы видеть русская администрация»².

Якуты, вошедшие в разряд «кочевых», считались ближе к положению крестьян по налогообложению, но система суда (кроме уголовного) и управления данных инородцев основывалась по их «степным законам».

Однако в отличие от русских крестьян инородцы облагались целым рядом податей и повинностей: 1) казенные подати; 2) общие губернские земские повинности; 3) внутренние повинности или «общественные расходы» («истүһээп»); 4) натуральные или «личные» подати. В общем на одну ревизскую душу якута Мегинского улуса облагалось 14 руб. 02 коп. в первой трети XIX в.³ К

¹ Вдовин И. С. Очерки истории и этнографии чукчей. Л., 1965. С. 142-143.

² Боякова С. И. Арктическая политика России и народы северо-востока Азии (1800-1860-е годы) // Якутия – форпост освоения северо-востока Сибири, Дальнего Востока и Русской Америки (XVII-XX века). Якутск, 2004. С. 126.

³ Башарин Г. П. История аграрных отношений в Якутии. Якутск, 2003. Т. 2. С. 163. С. 100-120. 1) Казенные подати – ясак и 44-х копеечный сбор («сбор на продовольствие подъемных при войсках лошадей» – 26 коп. и «сбор на содержание присутственных мест»); 2) «Общие губернские земские повинности» – начиная с 1813 г. натуральные земские повинности были заменены денежными за счет которого производилась почтовая и «обывательская» гоньба по трактам и др.; 3) Внутренние повинности – на содержание улусных голов, Якутской Степной думы и др.; 4) Натуральные подати – содержание канцелярий улусного головы и князца, повинность по тяге лодок по рекам и

примеру, у русских крестьян конца 20-х гг. XIX в., кроме натуральной повинности, распространялись казенная подать и земская повинность. Однако сумма одной казенной подати составляла 11 руб., а земская повинность колебалась от 1 руб. 30 коп. до 2 руб. 50 коп.¹

«Бродячие инородцы» освобождались от всех сборов, кроме ясака, но ставки для них были установлены значительно выше, чем для якутов, плативших, помимо ясака, и другие налоги. Это объясняется тем, что основным занятием этих народов оставалась охота на диких оленей, лосей, добыча пушного зверя, рыболовство. Так, если в Олекминском округе оклад ясака на одного плательщика-якута колебался от 4 руб. до 4 р. 50 к., то на плательщика-тунгуса доходил до 6 р. 69 к. – 10 р. 67 к.²

В целом на протяжении первой половины XIX в. положение «бродячих инородцев», преимущественно заселяющих северные округа, оставалось довольно сложным. Наиболее остро стоял вопрос, связанный с продовольствием северных народов. В условиях «естественных циклических колебаний численности промысловых видов рыбы» «кризисные эколого-экономические явления проявлялись в районах проживания с традиционной рыбопромысловой специализацией хозяйства»³, где рыба являлась основным видом пропитания этих народов. В отчетах якутских областных начальников имелся пункт: «Благосостояние обитающих в Якутской области народов», где было освещено бедственное положение инородцев северных округов Якутской области, а также предложения и предпринятые меры по решению данной проблемы. В ежегодных отчетах якутских областных начальников Н. И. Мягкова (за 1829-1831 гг.) и И. И. Голубева (за 1833 г.) озвучивалась «могущая быть необходимостью» инородцам отдаленных Верхоянского и Колымского округов «в пособии из тамошних сельских рыбных запасных магазинов» из-за «ощутительного недостатка в

др; существовала еще подводная повинность – извоз грузов в Охотск и др. отдаленные места империи, которая в XIX в. полностью была переведена на подрядную основу.

¹ Сафронов Ф. Г. Русские крестьяне в Якутии (XVII-начало XX вв.). Якутск, 1961. С. 426.

² История Якутской АССР. М., 1957. Т. 2. С. 210.

³ Боякова С. И. Освоение Арктики и народы Северо-Востока Азии (XIX в.-1917 г.). Новосибирск, 2001. С. 27.

промысле рыбы», а рыба являлась основным видом пропитания инородцев северных округов¹. Бедственное положение инородцев одного Колымского округа прозвучало в отчетах И. Д. Рудакова (отчеты за 1840-1841 гг.), которые «по случаю не улова рыбы и зверя в 1840 г. подверглись голодовке». Они были поддержаны «выдачею хлеба под образ займа из тамошних запасных магазинов и разными пожертвованиями»². Особое значение в вопросах организации продовольственной безопасности придавалось отдаленным северным регионам империи, которое объяснялось: «с одной стороны, суровостью климата восточных регионов страны, с другой – дальностью расстояний, которая значительно затрудняла снабжение края»³.

В 1820-1830-е гг. одним из главных задач якутских областных начальников являлось претворение в жизнь положений «Устава» 1822 г. на северо-восточную окраину Российской империи, в Якутию.

В январе 1823 г. Иркутское губернское правление предписало начальнику Якутской области Д. Я. Рудакову собрать и доставить сведения о коренных народах. Так, в донесенных сведениях от Олекминского окружного исправника, датированных от мая 1823 г., содержалась информация о родах, количестве населяющих, устройстве их управления, промысле народов и др.⁴

В связи с распространением христианства среди коренных народов Якутии термин «иноверец» заменяется на «инородец». В 1829 г. в самом заселенном Якутском округе среди 96592 «кочевых инородцев» были крещены 95455 человек, собственно лиц другого вероисповедания было лишь 1138. Подобная ситуация была и с «бродячими инородцами», где среди 3471 инородцев православную веру исповедали 3251⁵.

¹ РГИА. Ф. 1281. Оп. 11. Д. 176. Л.9-9 об.; РГИА. Ф. 1281. Оп. 11. Д. 177. Л. 6 об- 7; РГИА. Ф. 1284. Оп. 18. Д. 101; Л. 6 об.-7; 12. РГИА. Ф. 1284. Оп. 19 Отд. III. Ст. 2. Д. 28. Л.6-6 об.

² РГИА. Ф. 1281. Оп. 4 1841. Д. 95. Л. 10; РГИА. Ф. 1281. Оп. 4. Д. 107. Л. 3 об.

³ Бурнашева Н. И. Создание и развитие государственной системы продовольственной безопасности в Якутии в XIX веке // Научный диалог. № 2. 2020. С. 309.

⁴ НА РС (Я). Ф. 12-и. Оп. 1. Д. 10а. Л.1-2, 25-29.

⁵ НА РС (Я). Ф. 12-и. Оп. 1. Д. 61а. Л. 49.

Наиболее полное внедрение положений «Устава» 1822 г. в Якутию приходилось во времена начальства Н. И. Мягкова. Д. Я. Рудаков от долгой болезни скончался 5 ноября 1824 г., а бывший советник Якутского областного правления А. Н. Ачкасов, исправлявший должность начальника Якутской области, в связи с возрастными характеристиками не был в состоянии продолжать службу и был уволен на заслуженный отдых¹. Внедрение «Устава» шло туго до момента назначения в должность областного начальника Якутии Н. И. Мягкова, чиновника морского ведомства из Санкт-Петербурга.

Новый областной начальник Якутии, увидев много нарушений, начинает отстранять некоторых «нехороших» чиновников, подбирает себе соответствующих людей. «Чиновничество действительно имело немалые основания быть им недовольным. Многих он удалил с насиженных теплых мест... Напротив, якутские родоначальники пользовались его неограниченным доверием», – отмечал Л. Г. Левенталь². Так, например, его приближенными становятся якутский родоначальник И. Е. Мигалкин и староста Н. О. Рыкунов. Ф. П. Булатов и А. Я. Уваровский назначаются чиновниками по особым поручениям, с ними Мягков связался, будучи в г. Иркутске. Первый был одним из братьев Булатовых, о которых упоминал В. И. Вагин, подчеркивая их успешную служебную карьеру³. Второй – опальный А. Я. Уваровский (выслан в Иркутск «из места родины за какие-то возмутительные мысли о действиях местной власти»⁴), автор известных «Воспоминаний», о возвращении в Якутию писал: «Из желания добра к якутскому народу и отметив смелую и сильную позицию нового начальника, я возвратился в Якутск»⁵.

Здесь вспоминается деятельность енисейского губернатора А. П. Степанова, который так же начал подбирать себе людей: А. К. Кузьмина, поставленного во

¹ РГИА. Ф. 1286. Оп. 3 1825. Д. 210. Л. 1-2; РГИА. Ф. 1286. Оп. 4. Д. 448. Л. 7.

² Левенталь Л. Г. Подати, повинности и земля у якутов // Материалы по обычному праву и по общественному быту якутов. Л., 1929. С. 435.

³ Вагин В. И. Исторические сведения о деятельности графа М. М. Сперанского в Сибири с 1819 по 1822 г. СПб., 1872. Т. 1. С. 139.

⁴ Габышев Н. А. Афанасий Уваровский и его «Воспоминания». Якутск, 1995. С. 14.

⁵ Уваровский А. Я. Воспоминания. Якутск, 1995. С. 146.

главе Минусинского округа, А. И. Мартоса, своего сына Н. А. Степанова, В. И. Соколовского¹. Очевидно, областной начальник Мягков и губернатор А. П. Степанов действовали в духе Г. С. Батенькова, ведь будущий декабрист «старался использовать свое положение для подбора чиновников в сибирские учреждения, чтобы внедрив в управление честных людей, подкрепить законы правильным их исполнением»².

Мягкову были вручены «обязанности Якутского областного правления» и «обязанности якутского областного начальника», где было предписано ему «наблюдать за исполнением Высочайшего Устава об инородцах»³. Внедрение «Устава» в Якутскую область стало одним из приоритетных направлений в деятельности Н. И. Мягкова, что объясняется особой информативностью в содержании его годовых отчетов, подаваемых перед управляющим МВД. При этом отчеты первых годов правления Н. И. Мягкова в Якутии и вовсе были посвящены «Уставу об управлении инородцев» 1822 г.⁴.

Характеру «Устава» было свойственно личное ознакомление ситуации на местах. В «Уставе» было прописано, что «...областной начальник обязан один раз в год сам лично или через доверенного чиновника по своему выбору подробно входить в дела инородцев, посещать их стойбища или места, с которыми удобнее они могут иметь сообщение, внимать их жалобам и нуждам, доставлять удовлетворение, прекращать беспорядки, отсылать виновных к суду за злоупотребления, или о чем нужно, представлять высшему начальству»⁵.

Одним из схожих примеров является поездка в 1829 г. Н. И. Мягкова с чиновником по особым поручениям Ф. П. Булатовым в Борогонский и Боотурусский улусы с ревизии делопроизводства управ и встреч с инородческим населением. Мягков предварительно просил «обвестить всех инородцев улуса

¹ История Хакасии с древнейших времен до 1917 г. М, 1993. С. 255.

² Брегман А. А. Декабрист Г. С. Батеньков // Батеньков Г. С. Сочинения и письма. Иркутск. 1989. Т. 1. С. 28.

³ НА РС (Я). Ф. 12-и. Оп. 9. Д. 22. Л. 134-136 об.

⁴ РГИА. Ф. 1281. Оп. 11. Д. 175. Л. 2-17; РГИА. Ф. 1281. Оп. 11. Д. 176. Л. 42-59 об.

⁵ ПСЗРИ. Собр. I. 1822. Т. XXXVIII. № 29125.

сего, чтоб все, кои имеют до меня какую-либо надобность, явились бы в Борогонскую управу к 28 числу...»¹.

При начальстве Н. И. Мягкова якуты подготовили депутацию для отправления в столицу на прием к императору Николаю I «для объяснения их нужд». Якутский областной начальник Мягков поддержал их идею, Сибирский комитет был против предложения якутов, однако сам Николай I удостоил принять депутацию. Несмотря на положительный ответ государя, якутская делегация так и не смогла осуществить задуманное, что объяснялось, прежде всего, отъездом начальника Мягкова из Якутии в 1831 г.²

На основе «Устава» Н. И. Мягков совместно с А. Я. Уваровским и при непосредственном участии представителей якутской знати И. Е. Мигалкина и Н. О. Рыкунова приступает к составлению «Правил для единообразного учреждения порядка по управлению в родовых и инородных управлениях Якутского округа», которые были направлены на упорядочение административной структуры многолюдного округа. «Правила» учитывали «местные реалии» инородцев. Временем позже на основе ходатайства якутских родоначальников и представления якутского областного начальника были введены «Дополнительные правила для единообразного учреждения по управлению в родовых и инородных управлениях Якутского округа». «Правила» и «Дополнительные правила» организовали инородческое управление, структура которой была следующая: 1) низшее – родовое управление (наследное, объединяло роды); 2) среднее – инородная управа (улусное, объединяла наслеги); 3) высшее – степная дума (окружное, объединяла улусы)³.

Н. И. Мягков отмечал, что организация инородческого управления связана с ограничением злоупотреблений местных чиновников: «Дабы уменьшить сколь можно влияние земского суда на управление инородцев, с злоупотреблением власти сопрягающиеся, в якутских наслегах учреждены родовые управления, а в

¹ Петухова З.И. Якутская Степная Дума (1827 -1838 гг.). Якутск, 2007. С. 72.

² РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 376. Л. 1-25.

³ Петухова З. И. Якутская Степная... С. 57.

улусах инородные управы и дела до управления инородцев касающиеся, по сим изданного об них Устава, производятся в их инородческих управлениях, со строгим от лица моего наблюдением, чтоб письменных просьб по делам, не бывшим на разбирательстве инородных управ, в судебных местах не принималось, а в земском суде, как в 3 словесной инстанции, дела оканчивались бы без замедления чрез посредничество»¹.

Значительную роль в развитии местного самоуправления коренных народов Сибири сыграли степные думы – органы самоуправления инородцев на уровне больших территориальных групп, которые объединяли улусы и аймаки тюрко-монголоязычных и частично тунгусо-маньчжурских народов². В соответствии с «Уставом» степные думы должны были учреждаться именно у забайкальских бурят³, а впоследствии также появились и у других представителей коренного населения Сибири, например, у хакасов и якутов.

Огромное значение в организации хакасских степных дум сыграл либеральный губернатор вновь образованной Енисейской губернии А. П. Степанов, близкий друг Г. С. Батенькова. Енисейский губернатор прилагал значительные усилия для ограничения вмешательства царских властей в жизнь верхнеенисейских кочевников, вводил самоуправление «в соответствии со степными обычаями». Учредив степные думы в Хакасии, губернатор стал расширять их права, наделяя думу не только хозяйственными, но и административно-судебными функциями. Так, в сущности, исключительно по настоянию енисейского губернатора были учреждены степные думы у хакасов⁴.

Однако обсуждения об учреждении степных дум в Якутии проводились еще ранее, до определения Н. И. Мягкова в должность областного начальника. Иркутский гражданский губернатор И. Б. Цейдлер, назначенный на должность по рекомендации М. М. Сперанского, в связи с предстоящими реформами побывал в

¹ РГИА. Ф. 1281. Оп. 11. Д. 176. Л. 46 об.

² Борисов А. А., Дамешек Л. М. Степные думы Сибири: исторический опыт самоуправления в имперской системе власти// Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер. Политология. Религиоведение. 2011. № 1 (6). С. 24.

³ ПСЗРИ. Собр. I. 1822. Т. XXXVIII. № 29126.

⁴ История Хакасии с древнейших времен до 1917 г. М., 1993. С. 255-256.

1824 г. в г. Якутске и по возвращении обратно в г. Иркутск составил «Записку о предположениях по управлению Якутским краем». 25 октября 1825 г. Иркутский губернский совет, рассмотрев «Записку», в целом утвердил учредить в Якутске одну степную думу, первой причиной чему была необходимость в оптимизации грузоперевозок на северо-восточные окраины Российской империи: «чтобы все вообще расчеты между старшинами по перевозке тягостей производились в сем месте...». Цейдлер, ознакомившись с организацией провоза казенных грузов в г. Якутске, в своих «Записках» отмечал «систематическое злоупотребление чиновников и отягощение якутов». Впредь в степной думе должны были производиться все раскладки, чтобы не допускались незаконные поборы. При всем этом в 1826 г. степная дума в Якутске не была учреждена. З. И. Петухова называет причиной «сопротивление реформам на уровне местной царской администрации в лице областного правления и земского суда», представители местных органов управления препятствовали реализации положений «Устава», «ведь реформы содержат в себе не только нововведения, но и ломку старого, устоявшегося порядка вещей»¹.

В отношении учреждения Якутской Степной думы говорилось: «На основании Устава о инородцах учредить в городе Якутске, как центре всех сношений якутов, Степную думу. Главнейший предмет учреждения оной есть ограждение посредством оной якутов от терпимых ими ныне отягощений», - отмечалось в документе². Степной думе подчинялись Кангаласская, Боотуруская, Мегинская, Намская, Борогонская и Баягантайская инородные управления³.

Якутская Степная дума подчинялась якутскому областному начальнику «в образе порядка ревизии дел и вообще по управлению с инородными управами

¹ Петухова З. И. Якутская Степная Дума. Якутск, 2007. С. 47, 52.

² НА РС (Я). Ф. 12-и. Оп. 1. Д. 7517. Л. 54.

³ Петухова З. И. Якутская...С. 58, 61.

также и в ответственности за беспорядки», а «в образе отчетности» – Якутскому областному правлению»¹.

Согласно «Уставу» думам вменялись одни хозяйственные обязанности: 1) народоисчисление; 2) раскладка сборов; 3) правильный учет всех сумм и общественного имущества; 4) распространение земледелия и народной промышленности; 5) ходатайство у высшего начальства о пользах родовичей². Однако на практике им были возложены более широкие полномочия. Кроме организации грузоперевозок, такие функции земского суда, как сбор налогов, словесная расправа третьей степени теперь появились и у Якутской Степной думы³.

Аналогичную думу якутские родоначальники планировали учреждать и во втором по величине Вилюйском округе. Однако яростное сопротивление консервативной части местной власти, а также отсутствие геополитического значения округа, какое имелось у Якутского – провоз грузов в Охотск, не способствовали организации думы в западной части Якутии⁴.

В 1829 г. Н. И. Мягков о внедрении «Устава» в Якутии отмечал: «До прибытия моего в область Якутскую Устав об инородцах, Высочайше утвержденный 22 июля 1822 г., не был еще совершенно введен по управлению инородцев...»⁵.

В результате реформы 1822 г. в Якутском округе имелись 109 якутских наслегов и 21 тунгусских «родов», Вилюйском – 35 и 7, Олекминском – 5 и 4, Верхоянском – 34 и 11 и в Колымском – 11 и 19. Следовательно, вся Якутия была

¹ РГИА. Ф. 1281. Оп. 11. Д. 176. Л. 44 об.

² ПСЗРИ. Собр. I. 1822. Т. XXXVIII. № 29126.

³ Борисов А. А., Дамешек Л.

М. Степные думы Сибири: исторический опыт самоуправления в имперской системе власти // Известия Иркутского государственного университета. Сер. Политология. Религиоведение. 2011. № 1 (6). С. 126–127.

⁴ Петухова З. И. Якутская Степная Дума. Якутск. 2007. Л. 48-49.

⁵ РГИА. Ф. 1281. Оп. 11. Д. 176. Л. 48 об.

разделена на 194 якутских наслега и 62 рода «бродячих инородцев». Всего 17 инородных управ и 256 родовых управлений¹.

Мягков высказывался о стабильном функционировании органов управления и самоуправления инородцев, учрежденных на основании «Устава», отмечал благоприятное воздействие данного законодательного акта на их положение, был высокого мнения об инородцах Якутского края: «Степная дума с инородными и родовыми управлениями Якутской области, исполняют свои обязанности с примерным тщанием и усердием; способности и образованность инородцев весьма достаточны, чтобы управляться самим собою, и по самому судебному порядку; нравственность их ощутительно улучшается, и состояние инородцев видимо исправляется: инородцы чувствуют в полной мере попечительность об них Высшего начальства и единогласно сознают благодетельность устава Высочайше на них распространенного»².

В октябре 1829 г. секретарь земского суда Г. Кривошапкин, отправленный в отставку Н. И. Мягковым, написал донос на него, близких ему чиновников и якутских родоначальников «по делам службы злоупотреблениях» в Петербург на имя А. Х. Бенкендорфа³. В 1830 г. в Якутск прибыла следственная комиссия, в состав которой входили Ластовецкий (советник Троицкосавского управления), Лосев (начальник Верхнеудинского округа) и Щукин (чиновник особых поручений при Иркутской контрольной палате), но в результате комиссия крупных нарушений в работе степной думы и областного правления не обнаружила. Однако Н. И. Мягков в декабре 1831 г. вышел в отставку и выбыл в Санкт-Петербург⁴. Не смирившись с этим, якутские родоначальники направили в 1832 г. на имя М. М. Сперанского письмо с просьбой отозвать Н. И. Мягкова в Якутию. Они писали: «Предоставлял самим управлениям рассматривать и зарешать по установлениям законным, и тем совершенно водворил и улучшил

¹ Сафронов Ф. Г. Русские на северо-востоке Азии в XVII-сердине XIX в. М., 1978. С. 43.

² Там же. Л. 43-59 об.

³ РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 68. Л. 1, 17.

⁴ Петухова З. И. Якутская Степная Дума. Якутск, 2007. С. 126.

благосостояние и спокойствие инородцев... с открытием при том в Якутске Инородной Степной думы, навел на должную цель на пользу инородцев, что послужило восстановлением прав наших... некоторым неблагомыслящим из жителей города Якутска представаясь невыгодностью для них, признано ими сделанными в противность якобы законов, возродило от них величайшее на него неудовольствие; но мы смеем думать, что все таковые неблагонамеренных к нам людей происки, возведенные на господина областного начальника Мягкова вовсе несправедливы... приняв во внимание и милостивое уважение как о справедливо чувствуемых нами благодетельных действиях господина Мягкова, довести до Высочайшего сведения, и удостоить нас о последствии сего милостивым отзывом»¹. Однако чаяния родоначальников остались без ответа, а следствие по якутскому областному начальнику ничем не закончилось². Обвиненный в связях с инородцами А. Я. Уваровский³ в своих «Воспоминаниях», упоминая Мягкова на эзоповом языке, писал: «Сам он, полный сил и здоровья, работал до изнеможения на протяжении 6–7 лет во имя будущего благополучия якутов. Годы его работы якут считал своим счастьем. Прошло 15 лет, как сменился этот господин. Но все эти долгие года якут не забыл его, до сих пор он жив в воспоминаниях якутов»⁴. Похоже сложилась судьба енисейского губернатора А. П. Степанова. В том же 1831 г. он также по доносу был отставлен от должности якобы за «дружелюбное отношение» с декабристами.

Либерализм определенной части сибирской администрации 1820-х гг. был важным фактором в развитии инородческого самоуправления. Несомненно, велико значение участия в этом процессе М. М. Сперанского и Г. С. Батенькова, прогрессивно настроенных государственных деятелей, авторов «Устава об управлении инородцев», кроме того, важную роль играли также исполнители на местах. Незаурядные личности, люди либеральных взглядов такие, как назначенный в 1822 г. губернатор Енисейской губернии А. П. Степанов, а затем и

¹ РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 377. Л. 1-15 об.

² ГАИО. Ф. 24. Оп. 12. Д. 131. Л. 7.

³ ГАИО. Ф. 24. Оп. 12. Д. 1103. св. 324. Л. 5.

⁴ Уваровский А. Я. Воспоминания. Якутск, 1995. С. 40.

Н. И. Мягков, определенный в 1825 г. областным начальником в Якутскую область, оказали большое влияние на развитие местного самоуправления коренных народов Сибири.

В связи с уменьшением поступлений ясака и с внедрением «Устава» в Якутию правительством ставилась задача проведения общего переобложения инородцев ясаком. В 1826 г. было утверждено положение о Второй ясачной комиссии, которая работала в Якутии в 1828-1830 гг. Комиссия начала свою деятельность с Якутской области. Причины были следующие: «по уважению, что там число инородческих племен и ясак, с них собираемый, несравненно значительнее, нежели в прочих местах Иркутской губернии»¹, «дабы оттуда постепенно приближаться к внутренним округам Иркутской губернии»².

Несомненно, учитывая такую огромную территорию, как Якутия, комиссия, состоящая из нескольких человек, не могла без содействия на местах, провести работу по переобложению. Безусловно, на якутского областного начальника как «хозяина Якутского края» ложился огромный груз ответственности, ожидалось от него эффективные действия. Л. Г. Левенталь писал: «...И если после 5 лет кипучей деятельности Лавинского и Капцевича, после стольких же лет работы главных общегубернских советов, губернских и областных правлений, общеокружных присутствий и т. п., если после всего этого сделано было так мало, а оставалось сделать столь много (имеет ввиду внедрение «Устава об управлении инородцев 1822 г.» – А.В.), то что же тут могли поделать какие-нибудь 6 человек на всю Сибирь...»³.

Якутскому земскому суду, степной думе и окружным исправникам было поручено предоставить перед областной администрацией предложения, которые способствовали бы «скорейшему окончанию деятельности комиссии»⁴. Переобложение было начато с самого густонаселенного Якутского округа. Здесь

¹ Башарин Г. П. История аграрных отношений в Якутии. М, 1956. С. 239.

² НА РС (Я). Ф. 22-и. Оп. 1. Д. 42. Л. 60 об.

³ Левенталь Л. Г. Подати, повинности и земля у якутов // Материалы по обычному праву и по общественному быту якутов. Л, 1929. С. 446.

⁴ НА РС (Я). Ф. 22-и. Оп. 1. Д. 97. Т.1. Л. 157-158.

помощь по сбору информации производилась под надзором органа местного самоуправления — Якутской Степной думы. Касательно доставки сведений с отдаленных округов, Мягков «еще до прибытия Комиссии распорядился по сему предмету»¹.

Для окружных исправников Вилюйского, Верхоянского, Колымского и Олекминского округов Мягковым было составлено «Ведомость о сведениях потребных к изготовлению для Комиссии о переобложении инородцев ясаком к прибытию ея в подведомственные рода». «Ведомость» состояла из трех столбцов: «Сведения, потребные для Комиссии о переобложении инородцев ясаком», «Сведения, доставленные в Комиссию и затем подлежащие к изготовлению окружным исправникам к прибытию Комиссии» и «Примечание областного начальника». Якутский областной начальник писал: «Я нужным признал сверх сделанных от областного правления Вам предписаний о приготвлении нужным для Комиссии сведений особо составить Ведомость... чтобы Комиссия через подобное по Якутскому округу приготвление имела бы и по Вашему округу равной настоящему ся действию успех»². Таким образом, окружные исправники, руководствуясь «Ведомостью», обязаны были подготовить сведения к прибытию комиссии. При этом отмечалась положительная деятельность Якутской Степной думы по Якутскому округу, а также активное содействие инородцев этого округа в работе Второй Ясачной комиссии, которые ставились в пример для других. Так, в 1829 г. генерал-губернатор Восточной Сибири А. С. Лавинский, обращаясь к якутскому областному начальнику Н. И. Мягкову, передал свою благодарность голове Боотурусского улуса Старостину за «отличное усердие его к пользам родовичей», попросил довести информацию о данной признательности всем инородным управам Якутской области³.

Деятельность комиссии в отдаленных, северных округов Якутской области требовала особого внимания со стороны областного начальника Якутии. 14

¹ РГИА. Ф. 468. Оп. 9. Д. 1046. Л. 10.

² НА РС (Я). Ф. 22-и. Оп. 1. Д. 42. Л. 86-86 об., 100-108.

³ НА РС (Я). Ф. 22-и. Оп. 1. Д. 97. Т. 2. Л. 530-530 об.

августа 1829 г. Н. И. Мягков предписывает Верхоянскому окружному исправнику: 1) встретить комиссию, сопроводить по округу и содействовать земской полиции; 2) исполнять все законные требования комиссии, иметь «попечительность относительно о зборе по родам старшин и почетных родовичей старшинам и почетным родовичам помочь по сбору информации», изготовить для комиссии подводу; 3) член инородной управы должен сопровождать комиссию по улусу, внушать головам, чтобы сами участвовали в деле; 4) при содействии вести окружному исправнику журнал по прилагаемой форме («Путевой журнал»), который в конце каждого месяца должен предъявлять якутскому областному начальнику. В заключении Мягков пишет: «с честностию оправдаешь меня в выборе Вас и заслужите справедливую признательность внимательного начальства и всех племен Верхоянской округи»¹. Н. И. Мягков позаботился о начислении жалований вперед для командированных на службу в отдаленные Верхоянские и Колымские округа людей, однако с гарантией эффективности действий. Так, Мягков предписал отдать некоторую часть жалованья лекарю Уклонскому «не иначе, как с получением от него благонадежного обеспечения», когда тот попросил дать жалованье вперед перед поездкой в северные округа².

Восточно-Сибирская комиссия завершила свою работу в целом по Иркутской губернии гораздо раньше предъявленного времени. Стоит отметить то, что помимо усердия и ответственности самих членов комиссии, по их отзывам, также успешной работе способствовали: «пособия, оказанные ей местными начальствами». Отмечалось, что комиссия «езде встречала инородцев на своих местах и в назначенное для того время, скоро и удовлетворительно получила сведения, бывшие ей потребными, и нигде не встречала остановок в своих разъездах, несмотря на все трудности и неудобства пути, который должно было ей совершить большею частью по местам пустым и ненаселенным»³.

¹ НА РС (Я). Ф. 26-и. Оп. 1. Д. 343. Л. 1-2 об.

² Там же. Л. 550.

³ Дамешек Л. М., Дамешек И. Л. Ясак в Сибири в XVIII — начале XX века. Иркутск, 2014. С. 187.

В 1835 г. Николай 1 утвердил новый оклад ясака. С момента Первой Ясачной комиссии (1764 г.) количество мужских душ всех возрастов увеличилось на 46692 чел., а сумма ясака – на 82209 руб.¹

Проблемы поступления государственных доходов были тесно связаны не только с организацией системы управления над аборигенным населением Якутской области, но и с решением проблем в «земельном вопросе», на которое обращали особое внимание якутские областные начальники. На момент политики внедрения «Устава» в Якутии действовала соболино-лисья система распределения земли, установленная во время Первой ясачной комиссии (1764 г.), по принципу «ясак по земле», согласно которому ясак платили только те инородцы, которые владели земельными угодьями. Земля была распределена и в дальнейшем должна была перераспределяться князьями и старшинами по окладу ясака. Однако при таком порядке лучшие земли оставались в руках тойонов, а неплательщики ясака лишались земли². В результате из-за неравномерного распределения земельного фонда наносился ущерб государственному бюджету и в целом негативно влиял на социально-экономическое положение инородцев.

В свое время М. И. Миницкий писал о неуравнительности распределения земельного фонда среди якутов, о необходимости «уравнительного размежевания по числу душ каждого улуса и наслега». Однако мероприятия по решению проблемы так и не были претворены в жизнь³.

Н. И. Мягков стал убеждать Якутскую Степную думу осуществлять мероприятия по равномерному распределению земель среди инородцев⁴. Мягков в своем отчете за 1828 г. в пункте «По предмету благоустройства инородцев» писал: «Как платеж ясака располагается по количеству земли и платеж онаго производит тот, кому назначен во владение ясачный удел земли, то по сему от происходивших присваиваний родоначальниками и зажиточными из родовичей

¹ Башарин Г. П. История аграрных отношений в Якутии. Якутск, 2003. Т. 2. С. 163.

² Гоголев А. И. История Якутии. Якутск, 2013. С. 64.

³ Миницкий М. И. Описание Якутской области // Журнал Министерства внутренних дел. 1830. Кн. 6. С. 149.

⁴ Токарев С. А. Очерк истории якутского народа. М, 1940. С. 146.

преимущественно и в избыточестве противу бедных, владение землями было неуравнительно так, что землею на соболинной оклад владел один и редко два или три лица, а землею на лисичной оклад тоже один и редко два лица, а иногда несколькими участками – владел один из значительнейших, от чего многие лишаясь участия в платеже ясака, лишались с тем и владения землями...». Мягков отмечал, что проблема была передана в особое внимание Якутской Степной думы, в результате которого в 1828 г. было введено единое правило, что каждый по соболиному ясаку владеет по три участка земли, а по лисьему – два. Итогом этого мероприятия стало «увеличение числа владельцев ясачными землями до 16000 душ и уменьшение числа претендателей на недостаток покосных мест»¹.

Недостаток земельного фонда среди инородцев Якутской области в условиях их демографического роста ставил задачу перед якутским областным начальником заселить якутов в неосвоенные земли. В отчете за 1828 г. Мягков отмечал: «Заметный недостаток во владеемых издавна землях инородцев, по случаю видимого и значительного противу прежнего размножения числа их, поставило в необходимость к принятию противу сего благовременных мер, обратить учрежденную в Якутске Степную думу на особенное к тому внимание. Степная дума под руководством главного ея родоначальника Ивана Мигалкина предприняла к тому самые похвальные и для будущего времени полезные меры сделать осмотр и описание всех пролегающих по отдаленным местам полос земель, доселе в свойствах своих еще неизвестных»². Согласно закону «О казенных поселянах по освоенным землям» инородцам передавалось право заселять освоенные ими земли. 22 сентября 1827 г. Якутская Степная дума представила «Проект об отыскании пустолежащих мест и о заселении на оных степных жилищ якутов». Мягков поддержал проект думы. 27 сентября якутский областной начальник выдал разрешение якуту из Борогонского улуса Василию Колесову и помощникам: «для перевода тунгусского разговора тунгуса Ивана

¹ РГИА. Ф. 1281. Оп. 11. Д. 175. Л. 11 об-13 об.

² Там же. Л. 8-9 об.

Вензеля и работника Иова Бурнашева до помянутых мест и осмотра оных, по точности наставления Думы»¹. Результатом деятельности думы стало то, что пустолежащие земли в Нотороском крае и Вилюйском округе были успешно заселены якутами². Попытки по отысканию «пустопорожных земель» были проведены и на севере Якутии, в районах рек Колымы, Индигирки³.

Эти мероприятия были направлены на увеличение количества владельцев земли у инородцев Якутской области. В 1829 г. Мягков отчитывался Восточно-Сибирскому генерал-губернатору: «владеемые ими 34341 покосное остожье, которыми до 1825 г. наделена была всего 14341 души, теперь перераспределены между 30808 душами... Мною лично обращено внимание и приняты меры к наделению землей инородцев, до того ею не наделенных; ... владельцев земли стало больше на 16467»⁴. Однако проблема с уравнительным распределением земельного фонда среди инородцев продолжалась и в 30-е гг. XIX в.

Якутский областной начальник И. Д. Рудаков в 1835 г. писал: «Между инородцами Якутской области большею частью скотоводами нет уравнительного разделения покосных мест и что владеют оными только богатые из них под предлогом взноса будто бы ими ясака и повинностей за бедных, чего они последние остаются вечными рабами богатых и никак выйти из сего состояния не могут, да и в работах богатые содержат их только в то время, когда имеют нужду, а потом отгоняют их, чрез то в самом городе, и вообще в округе оногo распространилось в высшей степени воровство».

Якутскому областному начальнику было предписано от генерал-губернатора Восточной Сибири С. Б. Броневского проделать «уравнительное» распределение земли между «инородцами». И. Д. Рудаков предписал земскому суду доставить в областное правление «в самоскорейшем времени сведение, во-первых, на каком предположении в прежнее время разделены между якутами

¹ Петухова З. И. Якутская Степная Дума. Якутск. 2007. С. 91.

² Петухова З. И. Николай Иванович Мягков // Руководители Якутии. Якутск, 2012. С. 44.

³ Петухова З. И. Якутская Степная... С. 57 об.

⁴ Левенталь Л. Г. Подати, повинности и земля у якутов // Материалы по обычному праву и по общественному быту якутов. Л., 1929. С. 408.

здешней округи покосныя места, во-вторых, ведомости всем родовым управлениям»¹.

Получив от инородных управ сведения и ознакомившись с их «земельным вопросом», якутский областной начальник передал через Якутскую Степную думу поручение управам, где говорилось, что Рудаков, «вникая в положение инородцев, заметил... увеличивающееся число бедных, которое происходит от неуравнительного разделения покосных мест, кои захватили себе одни богатые и владеют ими, а бедные, быв от того стеснены, принужденными находятся вовлекаться в службы или в дурные поступки. Дабы ограничить в сем деле самовольство зажиточных якутов, скрывающихся понаровкою родоначальников и оградить бедных от утеснения сильных, равно соблюсти справедливость и уравнительность в распределении покосных мест, он полагает за лучшее и более полезное разделить инородцев на пять «классов» и распределять землю по этим «классам»». Таким образом, указом начальника Якутской области И. Д. Рудакова, который был передан инородным управам, началось внедрение «классной системы» и соответственно ликвидация действующей соболино-лисьей системы землепользования.

Несмотря на то, что до начала 30-х гг. XIX столетия администрация не ставила вопрос о ликвидации соболино-лисьей системы и замене ее «классной», некоторые принципы новой системы стали проникать в социально-экономическую жизнь якутов еще ранее, в 1820-е гг. Так, 20 августа 1824 г. иркутский гражданский губернатор И. Б. Цейдлер предписал якутскому областному начальнику Д. Я. Рудакову внедрить раскладки податей и повинностей по «классам», однако речи о распределении земли инородцев по «классам» не было².

В 1836 г. Рудаков писал голове Кангаласского улуса: «Предписываю тебе употребить все меры в уравнительности покосных мест по общему согласию всего наслега... сделать удовлетворение покосными местами в пропорции, во-

¹ Башарин Г. П. История аграрных отношений в Якутии. Якутск, 2003. Т. 2. С. 398.

² Там же. С. 397.

первых, тех, которые платят ясак соболя, потом за лисичные оклады, потом за земскую повинность и, наконец, последних бедных, дабы они на пропитание свое могли иметь хотя по одной скотине... чтобы видеть менее нищих, число коих непомерно возрастает». Кроме того, 1 мая в предписании якутского областного начальника к степной думе говорилось о необходимости распределения в наслегах земельных угодий с лета этого года: «Чтобы в разделении мест соблюдена была справедливость... с разделением инородцев на 4 класса», причем «бедных по одной корове должно снабжать общество», т. е. наследная община¹.

Таким образом, землю должны были получать не только плательщики ясака, но и те люди, которые отбывали земскую и др. повинности. «Это была новая установка, так как раньше землю получали только плательщики ясака, все остальные «родовичи», не платившие ясака, но отбывавшие земские повинности, прочие подушные подати и повинности были лишены земельных наделов», — писал Г. П. Башарин².

В 1837 г. И. Д. Рудаков представил генерал-губернатору Восточной Сибири отчет о разделении инородцев Якутского округа на пять классов и «о наделении им сообразно этому землею». В отношении представленного доклада якутского областного начальника в журнале Иркутского губернского совета было записано: «Областной начальник полагает за лучшее и более за полезное разделить инородцев на пять классов, т.е. в первый класс вместить имеющих соболиные оклады со обязанностью платить ясак, подати и повинности, во второй класс положить имеющих лисьи оклады также со обязанностью платить ясак, подати и повинности; в третий, сверх занимающихся разными мастерствами с платежом податей и повинностей; в четвертый, находящихся в работниках с возложением на них платежа одних податей и в пятый класс — всех бедных, дряхлых и вообще не имеющих уже средств и снисканию себе пропитания, которые должны обществом снабдить по одной скотине, дабы чрез это дать им способ получить себе пропитания, отчего само собою уменьшатся и niskия

¹ Там же.

² Там же. С. 401.

между инородцами и присекутся таковыя на стеснения с видимым от объясаченного разделения облегчением бедных инородцев, в уплате повинностей, а безобидное разграничение участков земель отправит притерпеваемую в них нужду и на сей конец для единообразной уравнительности; И. Рудаков признает необходимое те наследи, в коих есть недостаток в землях, наделить от других избылиующих оными по согласию на то самого общества». Далее писалось о том, что Иркутский губернский совет, ознакомившись с ходатайством Рудакова о том, чтобы «разделить якутов по платежу ясака на пять классов и о наделении их сообразно этому землями и мнение казенной платы по сему предмету» одобряет это предложение и поручается якутскому областному начальнику «наблюдать за точным исполнением означенных законов, ограждая бедных инородцев от стеснения со стороны богатства»¹.

Результатом деятельности начальника Якутской области И. Д. Рудакова стало разделение якутов на 5 классов: 1) владеющие землей по окладу полного соболя, его половины и трети; 2) владеющие землей по лисичному и полулисичному окладам; 3) занимающиеся мастерством, зверопромышленностью и другими постоянными занятиями, равно и скотники; 4) состоящие в работе у своих сородовичей и у русских; 5) старики, сироты, калеки, совершенно не имущие, прокармливаемые подаянием.

Внедрение классной системы распределения земли по отношению к двух окладной являлось прогрессивным. Оно способствовало не только наделению землей ранее безземельных инородцев, но и повлияло на развитие земледелия в середине XIX в.

Таким образом, деятельность якутских областных начальников в отношении аборигенного населения Якутской области проводилась в контексте государственной политики увеличения числа ясачных налогоплательщиков, направленных на повышение доходов с ясачных поступлений.

¹ Там же. С. 401-402.

Якутскими областными начальниками, где наиболее видное место занимает Н. И. Мягков, была проделана значительная работа по внедрению положений «Устава» 1822 г. в Якутскую область: произошло разделение инородцев на три разряда: «оседлых», «кочевых» и «бродячих», организовано инородческое управление, учрежден орган местного самоуправления – Якутская Степная дума – с целью ограничения злоупотреблений местных чиновников в отношении коренных народов Якутии. Положения «Устава об управлении инородцев» 1822 г. на Северо-Востоке Сибири, в Якутии, продержались вплоть до конца XIX в.

Вместе с организацией системы инородческого управления стоял и другой важный вопрос, напрямую связанный с поступлением ясака в государственную казну – земельный. Землеустроительная деятельность якутских областных начальников была охарактеризована увеличением числа землевладельцев среди инородцев Якутской области. В условиях действующей соболино-лисьей системы распределения земли, по которому лишь владельцы земли платили ясак, областные начальники Якутии изыскивали различные способы увеличения числа налогоплательщиков: осваивали свободные земли для заселения аборигенным населением Якутской области, занимались разделением покосных мест и др. В 30-е гг. XIX в. проблемы «земельного вопроса» начинают рассматривать системно. Якутское областное начальство в лице И. Д. Рудакова начинает внедрять наиболее прогрессивную систему землепользования – классную, которая способствовала значительному увеличению числа землевладельцев и собственно росту количества налогоплательщиков.

Итак, отсутствие военной специфики края придавало «хозяину Якутской области» исключительно гражданские функции. Региональная специфика деятельности якутских областных начальников была определена географическим положением края, наличием ссылки и полиэтничностью региона. В отличие от «европейских коллег» деятельность областных начальников была ограничена иркутскими гражданскими губернаторами и генерал-губернаторами Восточной Сибири. В условиях удаленности края как от центральной, так и от региональной

власти, областные начальники являлись главными организаторами на местах. При этом отдаленность региона, а также личные качества во многом определяли характер деятельности начальников Якутской области, который проявлялся самостоятельностью в некоторых вопросах управления.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В первой половине XIX в. одним из важнейших институтов власти в системе местного управления Российской империи становится областной начальник, который учреждался на инкорпорируемых в общеимперское пространство пограничных территориях – как на существующих, так и на вновь присоединенных.

Впервые данная должность была образована на Северо-Востоке России, а именно в удаленной и огромной Якутской области, которая административно подчинялась Иркутской губернской администрации. Положительная апробация нового института власти обозначила принципы административного устройства в других областях Российской империи, которому способствовало «Сибирское учреждение» 1822 г. М. М. Сперанского. Впоследствии данная форма правления учреждалась не только в Сибири, но и на Кавказском регионе.

Учреждению области во главе с областным начальником в Якутии повлиял ряд специфических факторов. Географическое положение Якутского края, обоснованное тесной связью с тихоокеанскими портами, – с одной стороны, с другой, – обширность и удаленность от губернского центра – г. Иркутска, порождали проблемы, в первую очередь связанные с обеспечением доставки казенных грузов на северо-восточные окраины Российской империи.

В 1805 г., при учреждении Якутского областного правления, были переданы обязанности по организации поставок на северо-восточные окраины империи, в частности, дела по составлению контрактов с подрядчиками, что было обусловлено необходимостью повышения оперативности регионального управления. Подобная практика была направлена на решение проблем, связанных со снабжением тихоокеанского побережья. Учреждение губернской формы управления или независимой провинции, отделенной от Иркутской губернии, не соответствовало из-за малонаселенности Якутского края. С введением гражданского правления – областного правления в г. Якутске апробировался и новый институт власти – областной начальник, что было обусловлено отсутствием других институтов, которые бы соответствовали назревшим

условиям и формату областного управления. Однако с правовой точки зрения статус начальника Якутской области оставался плохо очерченным, несмотря на то, что «Сибирское учреждение» 1822 г. немного конкретизировало предметную область отношений. Это характеризует институт областного начальника в Якутии как временную форму власти.

Значительную роль при формировании корпуса областных начальников, как и у губернаторов, играли высшие государственные учреждения, со второй четверти XIX в. существенную роль в кадровой политике стало играть министерство внутренних дел. Якутские областные начальники занимали статские чины, которые соответствовали категории «среднего чиновничества». Однако в условиях действующих сибирских привилегий многие чиновники, определяемые в должность областного начальника, производились в чин статского советника (V класс), что привлекало их на службу в Якутскую область, несмотря на суровые природно-климатические условия и на отдаленность края. При этом проблема с нехваткой кадров имела место быть. Зачастую должность областного начальника Якутии заменяли советники Якутского областного правления или чиновники, направленные из Иркутской губернии.

Якутские областные начальники имели некоторые сходства с губернаторским корпусом Российской империи по ряду позиций: возрастным характеристикам, образовательному уровню, наличию административно-управленческого опыта. Однако должность областного начальника в Якутии для них была пиком карьеры, многие из них скончались при исполнении данной должности. Это объясняется правительственной политикой по удержанию чиновников в Сибири и вместе с тем сложными условиями по службе. Кроме того, областные начальники Якутии уступали губернаторам по чину и по имущественному положению, что объяснялось зависимостью якутского областного начальника от иркутского гражданского губернатора. Положение и значение начальников Якутской области было ниже, чем у губернаторов.

Географическая специфика якутского региона, обусловленная тесной связью с Охотском и др. отдаленными населенными пунктами отразилась и на

принципах формирования корпуса областных начальников Якутии. Зачастую на должность начальника Якутской области определялись морские офицеры, обладавшие соответствующими деловыми качествами. Из-за сложности коммуникации по существовавшему тогда единственному тракту – Охотскому, который соединял Якутск с Охотским портом, не только срывались поставки на отдаленные пункты северо-востока России, но и происходила массовая гибель лошадей, негативно отражавшаяся на социально-экономическом положении аборигенного населения Якутии, а также наносился ущерб государственному бюджету. Якутские областные начальники проводили политику по эффективному снабжению северо-восточных окраин Российской империи, занимались организацией поселений по Охотскому тракту, проводили политику сокращения провоза казенных грузов в летний период в пользу весеннего, что объяснялось сложностью передвижения по летнему пути и соответственно дороговизной перевозок для государственного бюджета, а также развитием лошадиной инфекции из-за сложных природных условий. В то же время областные начальники Якутии боролись с распространением эпизоотии по тракту, использовали различные способы предотвращения коррупции при обеспечении продовольствием и др. казенными товарами для Охотска. В целом проводимые мероприятия якутских областных начальников по устранению проблем с извозом грузов были недостаточно эффективны. Проблемы, обусловленные сложностью коммуникации, оставались нерешенными, и правительству пришлось открыть новый порт и тракт.

Другое важное направление в деятельности якутских областных начальников составлял полицейский надзор. В отдаленной огромной сибирской окраине якутские казаки составляли полицейский аппарат коронной власти. В условиях недостатка практической поддержки со стороны правительства и отсутствия целостного законопроекта в отношении положения сибирского казачества (до 1822 г.), областные начальники в лице И. Г. Кардашевского и М. И. Миницкого занимались опекой и реанимированием якутской казачьей команды: занимались вопросами наделения земельными угодиями и обустройством

команды. Со второй четверти XIX в. ссылка начинает играть особую роль в деятельности якутских областных начальников, что связано в первую очередь с событиями декабря 1825 г. и развитием движения скопцов по России. Областные начальники Якутии занимались водворением ссыльных, организацией их учета, созданием контроля за перепиской и корреспонденцией во избежание распространения их идей, предотвращению возможных побегов, и в конечном итоге, надзором за расположенными на подведомственной территории учреждениями пенитенциарной системы. Между тем областное начальство проявляло самостоятельность в данных вопросах, к примеру Н. И. Мягков пытался облегчить их участь в сибирском заточении.

Начиная со второй четверти XIX в., политика в отношении инородческого населения занимает особое место в деятельности якутских областных начальников, что связано с реализацией «Устава об управлении инородцев» 1822 г. Областные начальники занимались внедрением положений «Устава» в Якутскую область, которые продержались вплоть до конца XIX в. Это разделение аборигенного населения Якутии на три разряда: «кочевых», «оседлых» и «бродячих», которые определяли их права и порядок управления ими, организация инородческого управления и самоуправления, одним из которых являлась Якутская Степная дума, учрежденная с целью ограничения злоупотреблений местных чиновников в отношении коренных народов Якутии и способствовавшая развитию инородческого самоуправления на северо-востоке Российской империи. Огромную роль в реализации «Устава об управлении инородцев» и его либеральных идей в Якутии сыграл областной начальник Н. И. Мягков, который чутко и бережно относился к коренным народам Сибири.

В целом политика якутских областных начальников характеризовалась увеличением числа ясакоплательщиков среди инородческого населения, которое напрямую было связано не только с организацией системы управления инородцами, но и с решением «земельного вопроса». Из-за соболино-лисейской системы распределения земли, по которому лишь владельцы земельных угодий платили ясак, происходило неравномерное распределение земли среди якутов,

которое негативно отражалось на поступлении государственных доходов. Якутские областные начальники занимались деятельностью по равномерному распределению покосных мест, осваивали свободные земли для заселения их аборигенным населением и, в конце концов, проводили политику по замене самой системы землепользования на более прогрессивную – классную, которая способствовала расширению числа ясакоплательщиков и собственно увеличению государственных доходов.

Областные начальники в условиях административного подчинения иркутскому гражданскому губернатору и восточносибирскому генерал-губернатору проявляли некоторую самостоятельность в своей деятельности, что было обусловлено удаленностью края как от центральной власти, так и от регионального центра – г. Иркутска, а также личных качеств чиновников, занимавших данную должность.

В контексте реализации имперской идеологии и политики на Северо-Востоке Российской империи в первой половине XIX в., которая прежде всего была обусловлена геополитическими задачами государства, Якутия нуждалась в сильной, инициативной и самостоятельной власти, обладавшей соответствующими полномочиями. Однако в условиях невозможности учреждения губернской формы власти в якутском регионе в рассматриваемый нами исторический промежуток времени областные начальники выполняли альтернативу «губернатора» в отдаленном и огромном Якутском крае. В целом при существующем политическом значении данного института власти якутские областные начальники способствовали реализации проводимой политики российского правительства в первой половине XIX в. При этом увеличение количества населения Якутской области, включение в состав Якутии Охотско-Камчатского края, отделение от Иркутской губернии и др. факторы показывали необходимость повышения статуса формы управления Якутской области к середине XIX столетия.

Формирование и функционирование института областного начальника на Северо-Востоке России является одной из главных административных практик

империи в первой половине XIX в. Административное преобразование имело важное значение не только в огромном удаленном Якутском крае, но и в целом обозначило принципы организации управления на окраинах Российского государства.

СОКРАЩЕНИЯ

АРХИВ СПб. ИИ РАН – Архив Санкт-Петербургского института истории
Российской академии наук

ГАИО – Государственный архив Иркутской области

ГАПО – Государственный архив Псковской области

МВД – Министерство внутренних дел

НА РС (Я) – Национальный архив Республики Саха (Якутия)

РГАВМФ – Российский государственный архив военно-морского флота

РГИА – Российский государственный исторический архив

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ:**I. Неопубликованные источники.****Архивные материалы****Российский государственный исторический архив (РГИА)**

1. РГИА, фонд 383, опись 29, дело 908.
2. РГИА, фонд 383, опись 29, дело 936.
3. РГИА, фонд 383, опись 29, дело 946.
4. РГИА, фонд 733, опись 83, дело 311.
5. РГИА, фонд 468, опись 9, дело 1046.
6. РГИА, фонд 1264, опись 1, дело 60.
7. РГИА, фонд 1264, опись 1, дело 68.
8. РГИА, фонд 1264, опись 1, дело 95.
9. РГИА, фонд 1264, опись 1, дело 217.
10. РГИА, фонд 1264, опись 1, дело 374.
11. РГИА, фонд 1264, опись 1, дело 375.
12. РГИА, фонд 1264, опись 1, дело 376.
13. РГИА, фонд 1264, опись 1, дело 377.
14. РГИА, фонд 1264, опись 1, дело 379.
15. РГИА, фонд 1264, опись 1, дело 436.
16. РГИА, фонд 1264, опись 1, дело 444.
17. РГИА, фонд 1264, опись 1, дело 466.
18. РГИА, фонд 1264, опись 1, дело 536.
19. РГИА, фонд 1264, опись 1, дело 633.
20. РГИА, фонд 1281, опись 4 1841 г., дело 95.
21. РГИА, фонд 1281, опись 4, дело 107.
22. РГИА, фонд 1281, опись 11, дело 175.
23. РГИА, фонд 1281, опись 11, дело 176.
24. РГИА, фонд 1281, опись 11, дело 177.
25. РГИА, фонд 1284, опись 18, дело 101.
26. РГИА, фонд 1284, опись 19 Отд. III. Ст.2, дело 28.

- 27.РГИА, фонд 1284, опись 19 Отд. III. Ст.2, дело 39.
- 28.РГИА, фонд 1286, опись 1, дело 226.
- 29.РГИА, фонд 1286, опись 1, дело 228.
- 30.РГИА, фонд 1286, опись 1 1810, дело 347.
- 31.РГИА, фонд 1286, опись 3 1825, дело 210.
- 32.РГИА, фонд 1286, опись 3 1825, дело 230.
- 33.РГИА, фонд 1286, опись 4 1826, дело 448.
- 34.РГИА, фонд 1341, опись 59, дело 1244.
- 35.РГИА, фонд 1349, опись 3, дело 308.
- 36.РГИА, фонд 1349, опись 3, дело 385.
- 37.РГИА, фонд 1349, опись 3, дело 563.
- 38.РГИА, фонд 1349, опись 3, дело 974.
- 39.РГИА, фонд 1349, опись 3, дело 1307.
- 40.РГИА, фонд 1349, опись 3, дело 1933.
- 41.РГИА, фонд 1349, опись 3, дело 2168.
- 42.РГИА, фонд 1349, опись 3, дело 2368.
- 43.РГИА, фонд 1349, опись 6, дело 40.
- 44.РГИА, фонд 1349, опись 6, дело 471.
- 45.РГИА, фонд 1400, опись 2, дело 182.
- 46.РГИА, фонд 1409, опись 1, дело 414.
- 47.РГИА, фонд 1409, опись 2, дело 5213.
- 48.РГИА, фонд 1409, опись 2, дело 5351.
- 49.РГИА, фонд 1488, опись 3, дело 1150.

Российский государственный архив военно-морского флота (РГАВМФ)

50. РГАВМФ, фонд 14, опись 1, дело 357.
51. РГАВМФ, фонд 132, опись 1, дело 2102.
52. РГАВМФ, фонд 134, опись 1, дело 50.
53. РГАВМФ, фонд 157, опись 1, дело 355.
54. РГАВМФ, фонд 158, опись 1, дело 323.

55. РГАВМФ, фонд 158, опись 1, дело 355.
56. РГАВМФ, фонд 158, опись 1, дело 1679.
57. РГАВМФ, фонд 166, опись 1, дело 3957.
58. РГАВМФ, фонд 166, опись 1, дело 3981.
59. РГАВМФ, фонд 203, опись 1, дело 558.
60. РГАВМФ, фонд 203, опись 1, дело 600.
61. РГАВМФ, фонд 203, опись 1, дело 629.
62. РГАВМФ, фонд 203, опись 1, дело 661.
63. РГАВМФ, фонд 203, опись 1, дело 1273.
64. РГАВМФ, фонд 212 Канц. III отд., дело 139.
65. РГАВМФ, фонд 212 Канц. III отд., дело 894.
66. РГАВМФ, фонд 212, опись 8, дело 714.
67. РГАВМФ, фонд 212, опись 9, дело 558.
68. РГАВМФ, фонд 406, опись 2, дело 171.
69. РГАВМФ, фонд 406, опись 3, дело 27.
70. РГАВМФ, фонд 406, опись 4, дело 3039.
71. РГАВМФ, фонд 406, опись 7, дело 214.
72. РГАВМФ, фонд 410, опись 2, дело 188.
73. РГАВМФ, фонд 432, опись 1, дело 832.
74. РГАВМФ, фонд 432, опись 1, дело 899.
75. РГАВМФ, фонд 432, опись 1, дело 906.
76. РГАВМФ, фонд 432, опись 5, дело 245.
77. РГАВМФ, фонд 432, опись 5, дело 693.
78. РГАВМФ, фонд 1365, опись 1, дело 7.

Национальный архив Республики Саха (Якутия) (НА РС (Я))

79. НА РС (Я), фонд 4-и, опись 1, дело 28.
80. НА РС (Я), фонд 12-и, опись 1, дело 10а.
81. НА РС (Я), фонд 12-и, опись 1, дело 61а.
82. НА РС (Я), фонд 12-и, опись 1, дело 213.

83. НА РС (Я), фонд 12-и, опись 1, дело 325.
84. НА РС (Я), фонд 12-и, опись 1, дело 347.
85. НА РС (Я), фонд 12-и, опись 1, дело 358.
86. НА РС (Я), фонд 12-и, опись 1, дело 363.
87. НА РС (Я), фонд 12-и, опись 1, дело 7517.
88. НА РС (Я), фонд 12-и, опись 9, дело 22.
89. НА РС (Я), фонд 13-и, опись 1, дело 16.
90. НА РС (Я), фонд 13-и, опись 1, дело 57.
91. НА РС (Я), фонд 13-и, опись 1, дело 59.
92. НА РС (Я), фонд 22-и, опись 1, дело 42.
93. НА РС (Я), фонд 22-и, опись 1, дело 97.
94. НА РС (Я), фонд 26-и, опись 1, дело 343.
95. НА РС (Я), фонд 180-и, опись 1, дело 72, том 1.
96. НА РС (Я), фонд 180-и, опись 1, дело 82.
97. НА РС (Я), фонд 180-и, опись 1, дело 85.
98. НА РС (Я), фонд 180-и, опись 1, дело 87.
99. НА РС (Я), фонд 180-и, опись 1, дело 92.
100. НА РС (Я), фонд 180-и, опись 1, дело 106.
101. НА РС (Я), фонд 180-и, опись 1, дело 121.
102. НА РС (Я), фонд 180-и, опись 1, дело 150.
103. НА РС (Я), фонд 180-и, опись 1, дело 267.
104. НА РС (Я), фонд 180-и, опись 1, дело 279.
105. НА РС (Я), фонд 180-и, опись 1, дело 280.
106. НА РС (Я), фонд 180-и, опись 1, дело 342.
107. НА РС (Я), фонд 180-и, опись 1, дело 358.
108. НА РС (Я), фонд 180-и, опись 1, дело 363.
109. НА РС (Я), фонд 180-и, опись 1, дело 376.
110. НА РС (Я), фонд 180-и, опись 1, дело 415.
111. НА РС (Я), фонд 180-и, опись 1, дело 512.
112. НА РС (Я), фонд 180-и, опись 1, дело 528.

113.НА РС (Я), фонд 180-и, опись 1, дело 627.

114.НА РС (Я), фонд 180-и, опись 1, дело 725.

115.НА РС (Я), фонд 181-и, опись 2, дело 13.

Государственный архив Иркутской области (ГАИО)

116. ГАИО, фонд 24, опись 3, дело 58. св. к. 4.

117. ГАИО, фонд 24, опись 12, дело 131.

118. ГАИО, фонд 24, опись 12, дело 1103. св. 324.

Государственный архив Псковской области (ГАПО)

119. ГАПО, фонд 55, опись 1, дело 1188.

120. ГАПО, фонд 110, опись 1, дело 1240.

**Архив Санкт-Петербургского института истории Российской академии наук
(АРХИВ СПб. ИИ РАН)**

121. Архив СПб.ИИ РАН. Ф.176. Оп.1. Д.220. Л.1.

II. Опубликованные источники. Список использованной литературы.

Нормативно-правовые акты

1. О новом разделении Иркутской губернии на Провинции, Воеводства и Комиссарства и о назначении для правительственных мест городов и местечек // Полное собрание законов Российской империи. Собрание I. 1775. – Санкт-Петербург, 1830. – Т. XX. № 14242.
2. Об устройстве Иркутского наместничества // Полное собрание законов Российской империи. Собрание I. 1783. – Санкт-Петербург, 1830. – Т. XXI. № 15680.
3. Об определении чиновников в присутственные места Иркутской губернии с награждением чинов и с выдачею прогонных денег на проезды // Полное собрание законов Российской империи. Собрание I. 1798. – Санкт-Петербург, 1830. – Т. XXV. № 18450.
4. Об уменьшении числа уездов в Губерниях: Иркутской и Тобольской и о разделении о них на несколько Комиссарств, с определением в оные особенных Начальников, под именем земским частным комиссарам // Полное собрание законов Российской империи. Собрание I. 1803. – Санкт-Петербург, 1830. – Т. XXVII. № 20890.
5. О Высочайше подтвержденном положении об устройстве Областного правления в Камчатке и предварительного управления в Охотск // Полное собрание законов Российской империи. Собрание I. 1803. – Санкт-Петербург, 1830. – Т. XXVII. № 20889.
6. О разделении Иркутской губернии на семь уездов, с присоединением города Охотска, а остающиеся уезды на комиссарства; о соединении губернского правления с казенною палатою; об учреждении в городе Якутск правления, под именем Якутского областного правления и об упразднении в Нерчинске такого правления // Полное собрание законов Российской империи. Собрание I. 1805. – Санкт-Петербург, 1830. – Т. XXVIII № 21726.
7. О распространении на Тобольскую губернию силы указов, данных 21-го марта 1798 и 17 ноября 1803 года для Иркутской и Томской губерний, о

- награждении чинами определяемых в оныя губернии чиновников // Полное собрание законов Российской империи. Собрание I. 1810. – Санкт-Петербург, 1830. - Т. XXXI. № 24162.
8. О производстве служащих по Военным министерствам чиновников в 8 и в 5 классы без экзаменов // Полное собрание законов Российской империи. Собрание I. 1812. – Санкт-Петербург, 1830. – Т. XXXII. № 25047.
 9. Учреждение для управления Сибирских губерний // Полное собрание законов Российской империи. Собрание I. 1822. – Санкт-Петербург, 1830. – Т. XXXVIII. № 29125.
 10. О переименовании Кавказской губернии областью и о назначении уездного города Ставрополь областным городом // Полное собрание законов Российской империи. Собрание I. 1822. – Санкт-Петербург, 1830. – Т. XXXVIII. № 29138.
 11. Высочайше утвержденное учреждение, для управления Кавказской области // Полное собрание законов Российской империи. Собрание II. 1827. – Санкт-Петербург, 1830-1885. - Т. II. № 878.
 12. Общее наставление Комиссиям Западной и Восточной Сибири о составлении для кочевых и бродячих инородцев окладных ясачных книг // Полное собрание законов Российской империи. Собрание II. 1827. – Санкт-Петербург, 1830-1885. – Т. II. № 1611.
 13. Об определении в Кавказскую область гражданского губернатора // Полное собрание законов Российской империи. Собрание II. 1834. – Санкт-Петербург, 1830-1885. – Т. IX. № 7541.
 14. О сравнении должности начальника Якутской области с должностями председателей губернских мест // Полное собрание законов Российской империи. Собрание II. 1838. – Санкт-Петербург, 1830-1885. – Т. XIII. № 11879.
 15. Высочайше утвержденный общий наказ Гражданским Губернаторам. Собрание II. 1837. – Санкт-Петербург, 1830-1885. – Т. XXII. № 10303.

16. Высочайше утвержденное учреждение для управления Закавказским краем // Полное собрание законов Российской империи. Собрание II. 1840. – Санкт-Петербург, 1830-1885. – Т. XV. № 13368.

Мемуарные источники

17. Александр Бестужев в Якутске. Неизданные письма его к родным / Публ. подгот. М. Семейский // Русский вестник. – 1870. – № 6. – С. 213-264.
18. Врангель Ф.П. Путевые записки адмирала барона Ф. П. Врангеля / Ф.П. Врангель // Исторический вестник. – 1884. – Т. 18. – № 10. – С. 162-180.
19. Геденштром М. М. Отрывки о Сибири / М. М. Гегенштром. – СПб.: тип. Мед. деп. М-ва вн. Дел, 1830. – 165 с.
20. Декабрист М. И. Муравьев-Апостол. Воспоминания и письма. Предисл. и прим. С. Я. Штрайха. – СПб.: Былое, 1922. – 96 с.
21. Записка о службе И. Б. Пестеля, им самим писанная // Русский архив. – 1875. – Кн. 1. – № 4. – С. 370-407.
22. Записки флота капитана Головнина: часть первая: О приключениях его в плену у японцев в 1811, 1812 и 1813 годах: С приобщением замечаний его о японском государстве и народе. – СПб.: В Морской типографии, 1816. – 285 с.
23. Записки Э. И. Стогова // Русская старина. – 1903. – № 3. – С. 459-476.
24. Письмо к издателю // Вестник Европы. – 1808. – № 5. – С. 18-23.
25. Посмертные записки Николая Васильевича Берга // Русская старина. – 1890. – Т. LXV. – С. 293-319.
26. Струве Б. В. Воспоминания о Сибири. 1848-1854 г. / Б. В. Струве – СПб.: тип. т-ва «Обществ. польза», 1889. – 180 с.
27. Уваровский А. Я. Воспоминания / А. Я. Уваровский – Якутск: Якутское-Саха информационное агентство, 1995 – 224 с.
28. Щукин Н. С. Поездка в Якутск / Н. С. Щукин. – СПб.: Тип. Ден. воен. поселений, 1844. – 315 с.

29. Cochrane, John Dundas. Narrative of a pedestrian journey through Russia and Siberian Tartary, from the frontiers of China to the Frozen sea and Kamchatka. Vol. 1 / by capt. John Dundas Cochrane. 3 edition. Printed for Charles Knight, 1825.

Летописные источники

30. Приклонский В. Л. Летопись Якутского края. Красноярск: Енис. губ. тип., 1896. – 226 с.
31. Явловский П. П. Летопись города Якутска от основания его до настоящего времени (1801-1914 гг.). Т. II. Якутск, 2004.
32. Якутия. Хроника. Факты. События. 1632–1917. Сост. А. А. Калашников. – Якутск: Бичик, 2000. – 386 с.
33. Якутия. Хроника. Факты. События. 1632–1917. Сост. А. А. Калашников. 2-е изд. доп. – Якутск: Бичик, 2002. – 504 с.

Статьи

34. Алексеева Е. В. Управление Российскими колониями в Америке (1741-1867 гг.). / Е. В. Алексеева // Уральский исторический вестник. – 1996. – № 3. – С. 100-108.
35. Архипова А. И. В. Н. Скрыпицын / А. И. Архипова // Руководители Якутии. Якутск: Бичик, 2012. – С. 72-78.
36. Архипова А. И. Губернаторская власть и политика в отношении инородческого населения на рубеже XIX-XX вв. в Якутской области / А. И. Архипова // Власть и управление на Востоке России. – 2011. – №4 (57). – С. 114-117.
37. Архипова А. И. Губернаторский корпус Якутской области: социальный портрет / А. И. Архипова // Известия ИГУ. Серия «История». – 2016. – № 15. – С. 73-78.
38. Архипова А. И. Кадровая политика на северо-востоке России как отражение интересов центра и региона (вторая половине XIX в.). / А. И. Архипова //

- Известия Иркутского государственного университета. Серия «История». – 2017. – Т. 21. – С. 72-75.
39. Архипова А. И. О предпосылках учреждения должности губернатора в Якутской области (середина XIX в.) / А. И. Архипова // Столица и провинции: взаимоотношения центра и регионов в истории России. Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием. – 2018. – С. 161-164.
 40. Архипова А. И. Северо-Восток России в проектах административно-территориальных преобразований (50-80-е гг. XIX в.) / А. И. Архипова // Карамзинские чтения. Вторая научно-практическая конференция «Карамзинские чтения», посвященная 200-летию юбилею императора Александра II Освободителя. – 2018. – С. 216-222.
 41. Архипова А. И. Якутская область в административных преобразованиях генерал-губернатора Н. М. Муравьева / А. И. Архипова // Общество: философия, история, культура. – 2019. – № 9 (65). – С. 57-60.
 42. Архипова А. И. Якутская область в административно-территориальном устройстве Азиатской России XIX века / А. И. Архипова // Научный диалог. – 2018. – № 12. – С. 288-299.
 43. Архипова А. И. Якутская область в общеимперском пространстве по материалам всеподданнейших отчетов губернаторов (конец XIX начало XX вв.) / А. И. Архипова // История и историки в контексте времени. – 2011. – № 8. – С. 155-163.
 44. Бахрушин С. В. Сибирские туземцы под русской властью до революции 1917 г. / С. В. Бахрушин // Сов. Север. – 1929. – №1. – С. 66-97.
 45. Башарин Г. П. Земельные отношения в Якутии в конце XVIII – первой трети XIX в. / Г. П. Башарин // Исторические записки. – 1950. – Т. 35. – С. 127-169.
 46. Башарин Г. П. Рынок Якутии конца XVIII — первой половины XIX в. / Г. П. Башарин // Исторические записки. – 1956. – Т. 55. – С. 289-309.
 47. Бикташева А. Н. Критерии отбора Российских губернаторов: опыт Казанской губернии. / А. Н. Бикташева // Научные ведомости БелГУ. Сер. История.

- Политология. Экономика. Информатика. – 2009. – №7 (62), вып. 10. – С. 107-113.
48. Борисов А. А. Исторические предпосылки и значение образования Якутского областного управления (к постановке проблемы) / А. А. Борисов // Известия Иркутского государственного университета. Серия «История». – 2017. – Т. 19. – С. 6-14.
49. Борисов А. А. К изучению динамики численности якутов в XIX в. / А. А. Борисов // Новый исторический вестник. – № 3 (29). – 2011. – С. 8-15.
50. Борисов А. А. Область как альтернативная форма регионального управления на северо-востоке Российской империи / А. А. Борисов // Известия Иркутского государственного университета. Серия «История» – 2017. – Т. 21. – С. 63-67.
51. Борисов А. А. Переходный период в истории местного управления в Якутии в 1775-1805 гг. / А. А. Борисов // Столица и провинции: взаимоотношение центра и регионов в истории России. СПб.: ЛГУ, 2018. – С. 157-161.
52. Борисов А. А. Якутское областное управление и инородческое самоуправление: формирование вертикали власти (1775-1810-е гг.) / А. А. Борисов // Известия Иркутского государственного университета. Серия «История». – 2018. – Т. 23. – С. 11-12.
53. Борисов А. А. Якутское чиновничество в 1775-1803 гг. / А. А. Борисов // Гуманитарные науки в Сибири. – 2019. – Т. 26. – С. 16-22.
54. Борисов А. А. Дамешек Л. М. Степные думы Сибири: исторический опыт самоуправления в имперской системе власти. / А. А. Борисов, Л. М. Дамешек // Известия Иркутского государственного университета. Серия «Политология. Религиоведение». – 2011. – № 1 (6). – С. 123-135.
55. Боякова С. И. Арктическая политика России и народы северо-востока Азии (1800-1860-е годы) / С. И. Боякова // Якутия – форпост освоения северо-востока Сибири, Дальнего Востока и Русской Америки (XVII-XX века). Якутск: Якутский филиал Издательства СО РАН, 2004. – С. 121-130.

56. Боякова С. И. Из истории Охотского тракта / С. И. Боякова // Томпонский улус (район): история, культура, фольклор. Сб. статей. Сер. «Улусы Республики Саха (Якутия). Якутск: Бичик, 2007. – С. 47-53.
57. Боякова С. И. Освоение Арктики: история, политика, стратегия / С. И. Боякова // Наука и образование. – 2000. – № 2. – С. 5-11.
58. Боякова С. И. Становление и эволюция системы органов общественного управления народов Севера Якутии (2-я пол. XVIII – нач. XX в.) / С. И. Боякова // Якутская Степная дума – первый опыт областного самоуправления. Материалы научно-практической конференции. Якутск, 2007. – С. 93-98.
59. Боякова С. И. «Устав об управлении инородцев» 1822 года: правовой статус и управление народами северо-востока Азии / С. И. Боякова // История либерализма в Якутии. Сб. научных статей. Якутск: Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения РАН, 2005. – С. 27-34.
60. Брегман А. А. Декабрист Г. С. Батеньков / А. А. Брегман // Батеньков Г. С. Сочинения и письма. Иркутск: Вост.-Сиб. изд., 1989. – Т. 1. – С. 3–88.
61. Бурнашева Н. И. Создание и развитие государственной системы продовольственной безопасности в Якутии в XIX веке / Н. И. Бурнашева // Научный диалог. – 2020. – № 2. – С. 308-321.
62. Бурнашева Н. И. Экономика Якутии в XIX веке: первые шаги к рыночным отношениям / Н. И. Бурнашева // Северо-Восточный гуманитарный вестник. – 2015. – № 2. – С. 15-19.
63. Верхотурова Т. Г. Штаты и численность Енисейской губернской администрации (1822-1917 гг.) // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В. П. Астафьева. – 2011. – № 2. – С. 233-238.
64. Галлямова Л. И. О роли Российско-Американской компании в освоении Русского Дальнего Востока / Л. И. Галлямова // Русская Америка и Дальний

- Восток (конец XVIII в. – 1867 г.). Владивосток: Приморский полиграфический комбинат, 2001. – С. 282-285.
65. Гергилев Д. Н. Исторические особенности административного управления Восточной Сибирью (с 1822 г. до середины XIX в.) / Д. Н. Гергилев // Известия Алтайского государственного университета. – 2018. – № 2 (100). – С. 41-45.
66. Гергилев Д. Н., Дуреева Н. С. Особенности административно-территориального положения России в начале XIX века (на примере Сибири) / Д. Н. Гергилев, Н. С. Дуреева // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2017. – № 2. – С. 30-33.
67. Гергилев Д. Н. Результаты губернской реформы Екатерины II для регионов России (на примере Сибири) / Д. Н. Гергилев // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. – 2018. – № 3-2. – С. 11-13.
68. Гергилев Д. Н. Сибирь как пример оптимальных государственных механизмов управления / Д. Н. Гергилев // Вестник Томского государственного университета. – 2017. – С. 103-108.
69. Губернаторство в России: история, современность и перспективы: материалы круглого стола // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. – 1996. – №3. – С. 12-20.
70. Гимельштейн А. В. Имперский регионализм и единоначалие: сибирская попытка / А. В. Гимельштейн // История и культура Восточной Сибири: гуманитарные исследования. Улан-Удэ: ИПК ВСГАКИ, 2007. – С. 13-19.
71. Гринев А. В. Динамика высшей управленческой элиты Российско-Американской компании / А. В. Гринев // Клио. – 2002. – № 3. – С. 72-84.
72. Дамешек И. Л. Российское законодательство и Сибирь. Соотношение имперских принципов и регионализма / И. Л. Дамешек // Известия Иркутского государственного университета. Серия «История». – 2012. – № 2 (3). – С. 54-57.

73. Дамешек И. Л. Типологическая характеристика и региональные особенности российских окраин XIX в. / И. Л. Дамешек // Сибирь в империи – империя в Сибири: имперские процессы на окраинах России в XVII – начале XX вв.: сб. науч. статей. Иркутск: Оттиск, 2013. – С. 216-229.
74. Дамешек Л. М. Административно-территориальное устройство и система управления Сибири в XVII-начале XX вв. / Л. М. Дамешек // География Сибири в начале XXI века: в 6 т. – Новосибирск, 2014. – Т. 1: Историческая география, гл. 4: Историческая география социально-политических процессов, 4.1. – С. 189-201.
75. Дамешек Л. М. Генерал-губернаторский корпус Азиатской России и его особенности / Л. М. Дамешек // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. – 2014. – № 1 (13). – С. 88-99.
76. Дамешек Л. М. Губернаторская власть в меняющемся пространстве империи: от Петра 1 до Александра 1 / Л. М. Дамешек // Известия Иркутского государственного университета. Серия «История». – 2016. – Т. 15. – С. 6-14.
77. Дамешек Л. М. Историко-правовое положение народов Сибири в освещении русской историографии XIX в. / Л. М. Дамешек // Государственно-правовые институты самодержавия в Сибири: сб. ст. Иркутск, 1982. – С. 131-137.
78. Дамешек Л. М. Национальная и окраинная политика как фактор хозяйственного освоения сопредельных территорий империи (XVIII-начало XX века) / Л. М. Дамешек // Роль государства в хозяйственном и социокультурном освоении Азиатской России XVII – начала XX века: сб. материалов регион. науч. конф. Новосибирск, 2007. – С. 35-41.
79. Дамешек Л. М. У истоков имперского регионализма / Л. М. Дамешек // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. – 2014. – № 2 (14). – 2014. – С. 60-71.
80. Дамешек Л. М. Управление административными процессами в пореформенной Сибири: сибирские инородцы, концепты и люди // Л. М.

- Дамешек // Известия Иркутского государственного университета. Серия «История» – 2020. – Т. 32. – С. 21-31.
81. Дамешек Л. М., Васильев А. Д. Якутские областные начальники первой половины XIX в.: социальный портрет / Л. М. Дамешек, А. Д. Васильев // Известия Иркутского государственного университета. Серия «История». – 2018. – Т. 24. – С. 28-35.
 82. Дамешек Л. М., Дамешек И. Л. Азиатское приграничье и внешнеполитические полномочия генерал-губернаторов Азиатской России / Л. М. Дамешек, И. Л. Дамешек // Вестник Томского государственного университета. История. – 2019. – № 61. – С. 21-25.
 83. Дамешек Л. М., Дамешек И. Л. Имперская модель управления окраинами / Л. М. Дамешек, И. Л. Дамешек // Государственная власть и общество: на материалах городов Иркутской губернии XIX – начала XX веков. Иркутск, 2019. – С. 8-20.
 84. Дамешек Л. М., Дамешек И. Л. Институт генерал-губернаторов в Азиатской России: люди и структура // Государственная власть и общество: на материалах городов Иркутской губернии XIX – начала XX веков. Иркутск, 2019. – С. 78-98.
 85. Дамешек Л. М., Дамешек И. Л. Место Азиатской России в социально-экономических процессах империи / Л. М. Дамешек, И. Л. Дамешек // Государственная власть и общество: на материалах городов Иркутской губернии XIX – начала XX веков. Иркутск. – 2019. – С. 62-78.
 86. Дамешек Л. М., Дамешек И. Л. Особые комитеты как органы управления окраинами Российской империи в XVIII – первой половине XIX в. / Л. М. Дамешек, И. Л. Дамешек // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. – 2014. – № 3 (15). – С. 85 – 100.
 87. Дамешек Л. М., Дамешек И. Л. Сибирские генерал-губернаторы и судьбы Советов Главных управлений Сибири (1822-1887 гг.) / Л. М. Дамешек, И. Л. Дамешек // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. – 2019. – № 2 (34). – С. 10-16.

88. Дамешек Л. М., Дамешек И. Л. Сибирская реформа М. М. Сперанского 1822 г. как проявление принципов имперского регионализма / Л. М. Дамешек, И. Л. Дамешек // Вестник Томского государственного университета. – 2018. – № 426. – С. 88-93.
89. Дамешек Л. М., Дамешек И. Л. Сибирская управленческая комбинация Н. Н. Муравьева-Амурского и образование Забайкальской и Якутской областей / Л.М. Дамешек, И.Л. Дамешек // Известия Иркутского государственного университета. Серия «История». – 2019. – Т. 29. – С. 33-41.
90. Дамешек Л. М., Дамешек И. Л. Социальный портрет генерал-губернаторского корпуса Азиатской России в свете одного юбилея (к 210-летию со дня рождения генерал-губернатора Восточной Сибири графа Н. Н. Муравьева-Амурского) / Л. М. Дамешек, И.Л. Дамешек // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской Академии наук. – 2019. – № 3 (35). – С. 10-23.
91. Дамешек Л. М., Захаров В. П. Якутия в освоении Северо-Востока Азии в 30-е гг. XVIII-начало XX в. / Л. М. Дамешек, В. П. Захаров // Известия Иркутского государственного университета. Серия «История». – 2015. – Т. 12. – С. 6-12.
92. Дякин В. С. Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX в.) / В.С. Дякин // Вопросы истории. – 1995. – № 9. – С. 130-142.
93. Дятлова Н. П. Отчеты губернаторов как исторический источник / Н. П. Дятлова // Проблемы архивоведения и источниковедения. Л., 1964. – С. 227-246.
94. Ермекбай Ж. А. Сибирская администрация и казахи (20-е гг. XIX в. – 20-е гг. XX в.) / Ж. А. Ермекбай // Известия Иркутского государственного университета. – 2017. – № 21. – С. 37-43.
95. Захаров В. П. Вклад дореволюционной Якутии в освоение Северо-Востока и сегодняшние проблемы Республики / В. П. Захаров // Якутия – форпост освоения Северо-Востока Сибири, Дальнего Востока и Русской Америки (XVII-XX века). Якутск: Якутский филиал Издательства СО РАН, 2004. – С. 273-277.

96. Захаров В. П. Роль якутов в присоединении северо-востока Азии / В. П. Захаров // Коренные народы Сибири: история, традиции и современность. Материалы международной научно-практической конференции с международным участием. М., 2014. – С. 52-57.
97. Захарова Т. В. Круг знакомых А. А. Бестужева в якутской ссылке (1828—1829 гг.). / Т. В. Захарова // Якутский архив. – 2005. – № 5. – С. 116-120.
98. Иванов А. А. Политическая ссылка Иркутской губернии первой половины XIX века / А. А. Иванов // Известия Иркутской государственной экономической академии (Байкальский государственный университет экономики и права). 2015. Т. 6. № 2. URL: <http://eizvestia.isea.ru/reader/article.aspx?id=20040>.
99. Иванов А. А., Курас С. Л. Всеподданейшие отчеты иркутских генерал-губернаторов конца XIX – начала XX в. как источник изучения сибирской политической ссылки / А. А. Иванов, С. Л. Курас // Известия Иркутского государственного университета. Серия «История». – 2019. – Т. 27. – С. 99–113.
100. Иванов В. Н. Управление народами Сибири: исторический опыт / В. Н. Иванов // Северо-Восток Азии в контексте российской истории: сб. науч. ст. Якутск, 2005. – С. 99-114.
101. Калашников А. А. К. Н. Светлицкий / А. А. Калашников // Руководители Якутии. Якутск: Бичик, 2012. – С. 69-72.
102. Кальмина Л. В., Малыгина О. А. «Желательно нарушение обособленной сплоченности инородцев...» (инородческий вопрос в представлениях военных губернаторов Забайкальской области) / Л. В. Кальмина, О. А. Малыгина // Известия Иркутского государственного университета. Серия «История». – Т. 15. – 2016. – С. 39–49.
103. Казарян П. Л. Иркутско-Якутский почтовый тракт: история становления / П. Л. Казарян // Управление Мегалополисом. – 2008. – № 6. – С. 53-63.
104. Казарян П. Л. Первый Российский тракт к берегам Тихого океана // П. Л. Казарян // ВЕСТНИК РАЕН. – 2007. – № 2. – С. 84-90.

105. Казарян П. Л. Первый тракт на Северо-Востоке России / П. Л. Казарян // Наука и техника в Якутии. – 2006. – № 2 (11). – С. 50-57.
106. Казарян П. Л. Пути сообщения в Якутии (XVII -начало XX века) / П. Л. Казарян // Транспорт России. Анализ. Проблемы. Перспективы. М., 2005. – Выпуск 3. – С. 387-395.
107. Казарян П. Л. Ссылка на северо-восточную Россию (середина XVII – начало XX вв.). Проблемы археографии / П. Л. Казарян // Сибирская ссылка. Сб. научных статей. Иркутск, 2017. – С. 27-42.
108. Казарян П. Л. Ю. И. Штубендорф-первый правитель дел СОИРГО, губернатор Якутской области / П. Л. Казарян // Якутский архив. – 2001. – №3. – С. 57-60.
109. Карчаева Т. Г. Губернаторы Енисейской губернии (социальный портрет сибирского чиновничества) / Т. Г. Карчаева // Известия Иркутского государственного университета. Серия «История». – 2014. – Т. 7. – С. 44-50.
110. Карчаева Т. Г. Привилегии государственной службы в Енисейской губернии: исторический аспект (1822-1917) / Т. Г. Карчаева // Вестник КрасГАУ. – 2012. – № 4. – С. 229-236.
111. Коновалов И.А. Служба сибирских казаков по охране правопорядка в дореволюционный период / И. А. Коновалов // Вестник Омского университета. Серия «Право». – 2014 – № 1 (38). – С. 19-26.
112. Корф С. А. Очерк исторического развития губернаторской должности в России / С. А. Корф // Вестник права. – 1901. – №9. – С. 130-147.
113. Кушнарера М. Д. Исторический портрет якутского купца 1-й гильдии А. М. Кушнарера // Известия ИГУ. Серия «История». – 2020. – Т. 32. – С. 4-10.
114. Кушнарера М. Д. Исторический портрет якутского купца 1-й гильдии П. А. Кушнарера // Гуманитарный вектор. – 2020. – Т. 15. – № 3. – С. 91-99.
115. Кушнарера М. Д. Роль купечества в процессе инкорпорации сибирской окраины в общеимперское пространство в конце XVIII-XIX вв. / М. Д. Кушнарера // Известия ИГУ. Серия «История». – 2020. – Т. 33. – С. 112-115.

116. Левенталь Л. Г. Подати, повинности и земля у якутов / Л. Г. Левенталь // Материалы по обычному праву и по общественному быту якутов. – Л.: Изд-во АН СССР, 1929. – С. 221-448.
117. Литвак Б. Г. О достоверности сведений губернаторских отчетов XIX в. / Б. Г. Литвак // Источниковедение отечественной истории. Сб. статей. – М.: Изд-во «Наука», 1977. – С. 125-144.
118. Маджаров А. С. Пономарева Е. Л. Социальная история Сибири 50-80-х гг. XIX в. в материалах всеподданейших отчетов генерал-губернаторов / А. С. Маджаров, Е. Л. Пономарева // Известия Иркутского государственного университета. Серия «История». – 2015. – Т. 14. – С. 6–17.
119. Макарова А. И. Деятельность губернаторов Якутской области в сфере народного образования во второй половине XIX-начале XX в. / А. И. Макарова // Общество: философия, история, культура. – 2018. – № 12. – (56). – С. 64-68.
120. Макарова А. И. Историографический аспект проблемы государственной политики в области образования в Якутии в конце XIX - начале XX вв. / А. И. Макарова // Вестник СВФУ. Серия: История. Политология. Право. – 2018. – № 2 (10). – С. 5-11.
121. Макарова А. И. Роль системы образования в социокультурном развитии Якутского края во второй половине XIX-начале XX вв. / А. И. Макарова // Общество: философия, история, культура. – 2020. – № 12 (80). – С. 105-108.
122. Макарова А. И. Становление и развитие инородческой начальной школы в Якутской области во второй половине XIX-начале XX веков / А. И. Макарова // Научный диалог. – 2020. – № 7. – С. 375-389.
123. Макарова А. И. Частная и общественная инициатива в становлении и развитии народного образования в Якутской области во второй половине XIX-начале XX вв. / А. И. Макарова // Общество: философия, история, культура. – 2019. – № 10 (66). – С. 34-38.
124. Матханова Н. П. Генерал-губернатор в системе управления России: закон и практика (на примере Восточной Сибири середины XIX в.) / Н. П. Матханова

- // Проблемы истории местного управления Сибири XVIII-XX в. – Новосибирск, 1996. – С. 33-36.
125. Матханова Н. П. Губернаторские отчеты и жандармские донесения как источник по истории российского провинциального чиновничества середины XIX в. / Н. П. Матханова // Источники по русской литературе: Средневековье и Новое время. Новосибирск: Издательство СО РАН, 2000. С. 204-236.
126. Матханова Н. П. Юлий Иванович Штубендорф: губернатор на фронтире и исследователь Сибири / Н. П. Матханова // Немецкий этнос в Сибири: альманах гуманитарных исследований. – Новосибирск, 2002. – Вып. 3. – С. 90-98.
127. Матханова Н. П., Родигина Н. Н. Всеподданейшие отчеты как источник для изучения представлений сибирских генерал-губернаторов второй половины XIX столетия о регионе / Н. П. Матханова, Н. Н. Родигина // Гуманитарные науки в Сибири. – 2019. – № 1. – С. 45–51.
128. Матюнин Н. О. О покорении казаками Якутской области и состоянии Якутского казачьего пешего полка / Н. О. Матюнин // Памятная книжка Якутской области за 1871 год. – 1877. – С. 138-184.
129. Малыгина О. А. «Инородческий вопрос» в делопроизводстве военных губернаторов Забайкальской области (вторая половина XIX – начало XX в.) / О. А. Малыгина // Вестник Бурятского государственного университета. Серия «История». – № 7. – 2013. – С. 146–149.
130. Миницкий М. И. Описание Якутской области / М. И. Миницкий // Журнал Министерства внутренних дел. – 1830 – Кн. 6. – С. 147-176.
131. Москвин И. С. Воеводы и начальники г. Якутска и их действия / И. С. Москвин // Памятная книжка Якутской области за 1863 год. – СПб.: Типография В. Безобразова и ком., 1864. – С. 165-202.
132. Никитина С. Е. Местное управление Якутской области и реформа М.М. Сперанского / С. Е. Никитина // Современные проблемы гуманитарных и естественных наук. Вторая международная научно-практическая конференция. – М., 2010. – Т. 2. – С. 105-109.

133. Никитина С. Е. Самоуправление народа Саха в Якутской области XVII-XIX вв. в контексте имперской государственности / С. Е. Никитина // Новые исследования Тувы. – № 4. – 2010. – С. 194-209.
134. Павлов А. А. И. И. Крафт / А. А. Павлов // Руководители Якутии. – Якутск: Бичик, 2012. – С. 78-84.
135. Павлов А. А. Р. Э. фон Витте / А. А. Павлов // Руководители Якутии. – Якутск: Бичик, 2012. – С. 84-91.
136. Парусов А. И. К истории местного управления в России первой четверти XIX столетия / А. И. Парусов // Уч. зап. Горьковского ун-та. – Вып. 72. – Т.1. – 1964. – С. 155-226.
137. Парусов А. И. Ревизия и реформа аппарата управления Сибири в 1819–1822 гг. / А. И. Парусов // Уч. зап. Горьковского ун-та. – Вып. 72. – Т.1. – 1964. – С. 41-92.
138. Перцева Т. А. Наказание декабристов: долженствующее и реальное / Т. А. Перцева // Сибирская ссылка. Иркутск: Оттиск, 2011. – С. 107-125.
139. Петухова З. И. Инициативы Якутской Степной думы по расширению полномочий / З. И. Петухова // Вестник Бурятского государственного университета. Педагогика. Филология. Философия. – 2011. – № 7. – С. 28-32.
140. Петухова З. И. Николай Иванович Мягков / З. И. Петухова // Руководители Якутии. – Якутск: Бичик, 2012. – С. 43–47.
141. Петухова З. И. Н. И. Мягков: начальник Якутской области (1825-1831 гг.) / З. И. Петухова // Казанская наука. 2012. № 4. – С. 29-31.
142. Петухова З. И. «Устав об управлении инородцев» М.М. Сперанского и учреждение Степной думы в Якутии / З. И. Петухова // Россия и АТР. – 2011. – № 3. – С. 13-18.
143. Ремнев А. В. Региональные параметры имперской «географии власти» (Сибирь и Дальний Восток) / А. В. Ремнев // Ab Imperio. – 2000. – №3-4. – С. 343–358.
144. Рыбаков М. Из архива Якутского областного правления / М. Рыбаков // «Сибирские вопросы». – 1912. – № 21. – С. 91-97.

145. Сгибнев А. С. Охотский порт / А. С. Сгибнев // Морской сборник. – 1869. – № 12. – С. 1-63.
146. Степанова (Шенмайер) Н. Г. Управление каторгой в Сибири в начале XX века (правовой аспект) / Н. Г. Степанова (Шенмайер) // Сибирская ссылка. – Иркутск: Оттиск, 2011. – С. 92-106.
147. Страховский И. М. Губернское устройство / И. М. Страховский // Журнал Министерства юстиции. – 1913. – № 7. – С. 28-92.
148. Суворова Н. Г., Толочко А. П. Серия «Азиатская Россия»: новые исследования иркутских историков / Н. Г. Суворова, А. П. Толочко // II Омские исторические чтения. посв. проф. кафедры всеобщ. ист. ОмГУ им. Ф. М. Достоевского Г. К. Садретдинова. Сб. статей. – Омск: Изд-во ОмГУ, 2009. – С. 183-192.
149. Толочко А. П. Генерал-губернатор степного края М. А. Таубе (Биографический очерк) / А. П. Толочко // Азиатская Россия: люди и структуры империи. Сб. науч. труд. ОмГУ. – Омск: Изд-во «Полиграфический центр КАН», 2016. – С. 397-402.
150. Третьякова Н. В. Губернаторская власть в Якутии / Н. В. Третьякова // Теория и практика общественного развития. – 2015. – № 18. – С. 217-220.
151. Третьякова Н. В. Вице-губернаторы Якутской области / Н. В. Третьякова // Общество: философия, история, культура. – 2017. – № 11. – С. 57-62.
152. Шахеров В.П. Предпринимательство и власть в Сибири XVIII – первой половины XIX в.: от конфронтации к партнерству // Известия ИГУ. Серия «Политология. Религиоведение». – 2015. – Т. 12. – С. 57-69.
153. Ширина Д. А. Академия наук XVIII-начала XX вв.: организация естественно-научного исследования отечественного северо-востока // История наук о земле: исследования, этапы развития, проблемы. Материалы международной научной конференции. – М., 2008. – С. 113-114.
154. Ширина Д. А. Отечественная академия наук и научное изучение Арктики в XVIII - начале XX века / Д. А. Ширина // Якутский архив. – 2008. – № 2. – С. 3-13.

155. Ширина Д. А. Роль отечественной академии в исследовании северо-востока Российской Арктики XVIII-начала XX вв. / Д. А. Ширина // Исследования Российской Арктики: прошлое, настоящее, будущее. Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной Международному Полярному Году (2007-2008 гг.). Архангельск, 2008. – С. 43-48.
156. Ширина Д. А. Якутск и академические экспедиции XVIII-XIX столетия / Д. А. Ширина // Город Якутск: история, культура, фольклор. Якутск, 2007. – С. 108-117.
157. Юрганова И. И. «До царя далеко, до Бога высоко...» (из истории взаимоотношений светской власти и духовенства в Якутском крае) / И. И. Юрганова // Гуманитарный вектор. – 2018. – Т. 13. – № 4. – С. 102-109.
158. Юрганова И. И. Инкорпорация Якутского края в Российскую империю на примере христианизации / И. И. Юрганова // Вестник СВФУ. – 2012. – Т. 9. – № 2. – С. 95-98.
159. Юрганова И. И. Из истории ссылки по религиозным мотивам в Якутию (вторая половина XIX – начало XX в.) / И. И. Юрганова // Известия Иркутского государственного университета. Серия «Политология». – 2016. – Т. 16. – С. 135-140.
160. Юрганова И. И. Особенности духовного управления Якутии (XVII-нач. XX в.) / И. И. Юрганова // Клио. – 2018. – № 10 (142). – С. 84-89.
161. Field D. The End of Serfdom: Nobility and Bureaucracy in Russia, 1855-1861. Cambridge. 1976.
162. Pintner W. M. The Social Characteristics of the Early Nineteenth-Century Russian Bureaucracy // Slavic Review. 1970. Vol. 29. № 3. P. 429-433.

Монографии

163. Актеры российской имперской модернизации (XVIII – начало XX вв.): региональное измерение / Институт истории и археологии УрО РАН. – Екатеринбург: Банк культурной информации, 2016. – 316 с.

164. Андриевич В. К. Сибирь в XIX столетии / В. К. Андриевич. – СПб.: Типография и литография В.В. Комарова, 1889. – 754 с.
165. Андриевский И. Е. О наместниках, воеводах и губернаторах: рассуждения / И. Е. Андриевский. – СПб.: Типография Эдуарда Праца и К, 1864. – 160 с.
166. Баккаревич М. Н. Статистическое обозрение Сибири / М. Н. Баккаревич. – СПб.: Издательство: Тип. Шнора, 1810. – 388 с.
167. Башарин Г. П. История аграрных отношений в Якутии: (60е годы XVIII - середина XIX в.) / Г. П. Башарин. – Якутск: Изд-во АН СССР, 1956. – 427 с.
168. Башарин Г. П. История аграрных отношений в Якутии. В 2 т. / Г. П. Башарин. – Якутск: Арт-Флекс, 2003. – Т. 2. – 518 с.
169. Башарин Г. П. История земледелия в Якутии (XVII в. – 1917 г.) / Г. П. Башарин. – Якутск: Кн. изд-во, 1989. – Т. 1. – 348 с.
170. Бикташева А. Н. Антропология власти. Казанские губернаторы первой половины XIX века / А. Н. Бикташева. – М.: Новый хронограф, 2012. – 496 с.
171. Борисов А. А. Якутские исторические этюды / А. А. Борисов. – Якутск: Бичик, 2003. – 80 с.
172. Боякова С. И. Освоение Арктики и народы северо-востока Азии (XIX-1917 г.) / С. И. Боякова. – Новосибирск: Наука, 2011. – 160 с.
173. Быконя Г. Ф. Казачество и другое служебное население Восточной Сибири в XVIII-начале XIX в. (демографо-сословный аспект) / Г. Ф. Быконя. – Красноярск: Красноярский гос. пед. ун-т им. В. П. Астафьева, 2007. – 414 с.
174. Быконя Г. Ф. Русское неподатное население Восточной Сибири в XVIII – начале XIX вв.: формирование военно-бюрократического дворянства / Г. Ф. Быконя. – Красноярск: Изд-во КГУ, 1985. – 297 с.
175. Блинов И. Губернаторы. Историко-юридический очерк / И. Блинов. – СПб.: Типо-Литография К. Л. Пентковского, 1905. – 366 с.
176. Вагин В. И. Исторические сведения о деятельности графа М.М. Сперанского в Сибири с 1819 по 1822 гг. В 2 т. / В. И. Вагин. – СПб.: В тип. Второго отд. Собств. Е.И.В. канцелярии, 1872. – Т. 1. – 801 с.

177. Вагин В. И. Исторические сведения о деятельности графа М. М. Сперанского в Сибири с 1819 по 1822 гг. В 2 т. / В. И. Вагин. – СПб.: В тип. Второго отд. Собств. Е.И.В. канцелярии, 1872. – Т. 2. – 770 с.
178. Вдовин И. С. Очерки истории и этнографии чукчей / И. С. Вдовин. – Л.: Наука, 1965. – 403 с.
179. Веселаго Ф. Ф. Очерк истории Морского кадетского корпуса с приложением списка воспитанников за 100 лет. / Ф. Ф. Веселаго. – СПб.: тип. Морск. кадетск. корпуса, 1852. – 208 с.
180. Волков С. В. Русский офицерский корпус. / С. В. Волков. – М.: Воениздат, 1992. – 368 с.
181. Врангель Ф. П. Путешествие по северным берегам Сибири и по Ледовитому морю, совершенное в 1820, 1821, 1822, 1823 и 1824 г. экспедициею, состоявшею под начальством флота лейтенанта Фердинанда фон-Врангеля. – / Ф. П. Врангель. – СПб., 1841. Ч. 1. – 360 с.
182. Выдающиеся губернаторы тобольские и сибирские: XVIII–XX вв. / Сост. С. Пархимович и С. Туров. – Тюмень, 2000. – 488 с.
183. Габышев Н. А. Афанасий Уваровский и его «Воспоминания» / Н. А. Габышев – Якутск: Бичик, 1995. – 64 с.
184. Гагемейстер Ю. А. Статистическое обозрение Сибири, составленное по высочайшему его императорского величества повелению, при Сибирском комитете, действительным статским советником Гагемейстером / Ю. А. Гагемейстер. – СПб.: Тип. II Отд. Собств. е. и. вел. канцелярии, 1854. – Ч. 3. – 109 с.
185. Гаркуша П. И. Правовой статус института губернаторства в России / П. И. Гаркуша. – Ростов-на-Дону: Ростиздат, 2004. – 201 с.
186. Гергилев Д. Н. Административно-территориальное устройство Сибири в 1708-1917 гг. / Д. Н. Гергилев. – Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2018. – 224.
187. Гессен В. М. Бюрократия в России. Вопросы местного управления / В. М. Гессен. – СПб.: Юрид. кн. скл. «Право», 1904. – 235 с.

188. Гоголев А. И. История Якутии / А. И. Гоголев. – Якутск: Издательский дом СВФУ, 2013. – 156 с.
189. Гоголев З. В. Якутия на рубеже XIX-XX вв. (социально-экономический очерк) / З. В. Гоголев. – Новосибирск: Наука, 1970. – 236 с.
190. Готье Ю. В. История областного управления в России от Петра I до Екатерины II / Ю. В. Готье. – М.: Тип. Г. Лисснера и Д. Собко, 1913. Т.1. – 492 с.
191. Градовский А. Д. История местного управления в России / А. Д. Градовский – СПб.: Печ. В. Головина, 1868. – 527 с.
192. Дамешек И. Л. Российские окраины в имперской стратегии власти (начало XIX – начало XX вв.) / И. Л. Дамешек. – Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 2005. – 264 с.
193. Дамешек И. Л. Сибирь в системе имперского регионализма (компаративное исследование окраинной политики России в первой половине XIX в.) / И. Л. Дамешек. – Иркутск: Изд-во: «Оттиск», 2002. – 208 с.
194. Дамешек И. Л., Дамешек Л. М. Сибирь в системе имперского регионализма (1822-1917 гг.) / И. Л. Дамешек, Л. М. Дамешек. – Иркутск, 2009. – 389 с.
195. Дамешек Л. М. Внутренняя политика царизма и народы Сибири (XIX-начало XX в.) / Л. М. Дамешек. – Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та. 1986.
196. Дамешек Л. М., Дамешек И. Л. Сибирь в системе имперского регионализма (1822-1917 гг.) / Л. М. Дамешек, И. Л. Дамешек. – Иркутск: Издательство «Оттиск», 2018. – 416 с.
197. Дамешек Л. М. Сибирские «инородцы» в имперской стратегии власти XVIII – начало XX вв. / Л. М. Дамешек. – Иркутск: Вост. Сиб. изд. комп., 2007. – 320 с.
198. Дамешек Л. М., Дамешек И. Л. Ясак в Сибири в XVIII – начале XX века / Л. М. Дамешек, И. Л. Дамешек. – Иркутск: Изд-во ИГУ, 2014. – 303 с.
199. Дамешек Л. М., Дамешек И. Л., Матханова Н. П. «Главные блюстители неприкосновенности верховных прав самодержавия и пользы государства»: М.М. Сперанский, Н.Н. Муравьев-Амурский и другие сибирские генерал-

- губернаторы / Л. М. Дамешек, И. Л. Дамешек, Н. П. Матханова. – Иркутск: Изд-во «Оттиск», 2020. – 340 с.
200. Дамешек Л. М., Дамешек И. Л. Ясак в Сибири в XVIII – начале XX веков: монография / Л. М. Дамешек, И. Л. Дамешек. – Иркутск: Оттиск, 2014. – 303 с.
201. Дамешек Л. М. Ясачная политика царизма в Сибири в XIX начале XX в. / Л. М. Дамешек. – Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 1983. – 137 с.
202. Дьяконов А. Л. Пушной промысел в Якутии конца XVIII – середины XIX века / А. Л. Дьяконов. – Якутск: ЯНЦ СО АН АССР, 1990. – 144 с.
203. Дьяконова Н. Н. Якутская интеллигенция в национальной истории: судьбы и время (Конец XIX в. - 1917 г.) / Н. Н. Дьяконова. – Новосибирск: Наука, 2002. – 240 с.
204. Ермолаев А. Н. Российско-Американская компания в Сибири и на Дальнем Востоке (1799 – 1871 гг.) / А. Н. Ермолаев. – Кемерово: ИНТ, 2013. – 620 с.
205. Ерошкин Н. П. История государственных учреждений дореволюционной России / Н. П. Ерошкин. – М.: Высшая школа, 1968 – 368 с.
206. Ерошкин Н. П. Крепостническое самодержавие и его политические институты / Н. П. Ерошкин. – М.: Мысль, 1981. – 252 с.
207. Ерошкин Н. П. Местное государственное управление дореформенной России (1800-1860 гг.): Учеб. пособие / Н. П. Ерошкин – М.: МГИАИ, 1985. – 98 с.
208. Зайончковский П. А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. / П. А. Зайончковский – М: Мысль, 1978. – 288 с.
209. Иванов В. Н. Вхождение Северо-Востока Азии в состав Русского государства / В. Н. Иванов. – Новосибирск: Наука, 1999. – 197 с.
210. Иванов В. Н. Якутия в составе русского государства (XVII в.) / В. Н. Иванов. – Якутск: Якут. Филиал изд-ва СО РАН, 2002. – 154 с.
211. Иванов В. Ф. Социально-экономические отношения в Якутии (конец XVII-начало XIX в.). – Новосибирск: Сибирское отделение, 1992. – 228 с.
212. Иванова Т. С. Основные этапы общественно-политического и государственного развития Якутии в составе России (XIX- 30-е гг. XX в.) / Т. С. Иванова. – М.: Академия управления МВД, 2000. – 194 с.

213. Ивановский В. В. Административное устройство наших окраин / В. В. Ивановский. – Казань: Тип. Императорского ун-та, 1891. – 47 с.
214. История Сибири. – Л.: Наука, 1968. – Т. 2. – 538 с.
215. История Хакасии с древнейших времен до 1917 г. – М.: Восточная литература, Наука, 1993. – 528 с.
216. История Якутской АССР. – М.: Изд-во АН СССР, 1957. – Т. 2. – 416 с.
217. Казарян П. Л. Генезис политической ссылки в России (конец XV-начало XIX в.). Учебное пособие / П. Л. Казарян. – Владивосток: Изд-во Якутского госуниверситета, 1999. – 48 с.
218. Казарян П. Л. План П. Ф. Кузмищева 1834 года о передаче Охотско-Камчатского края Российско-Американской компании / П. Л. Казарян. – Якутск, 2009. – 267 с.
219. Казарян П. Л. Сухопутные сообщения Северо-Восточной России (XVII в. - 1920 г.) / П. Л. Казарян. – Якутск: СВФУ, 2012. – 147 с.
220. Казарян П. Л. Якутия в системе политической ссылки России. 1826-1917 гг. / П. Л. Казарян – Якутск: Сахаполиграфиздат, 1998. – 495 с.
221. Каменский А. А. Реформа местного управления: наблюдения и заметки практика / А. А. Каменский. – СПб.: Тип. Э. Арнгольда, 1904. – 40 с.
222. Каменский А. Б. Российская империя в XVIII веке: традиции и модернизация / А. Б. Каменский. – М.: Новое литературное обозрение, 1999. – 328 с.
223. Каппелер А. Россия – многонациональная империя: Возникновение, история, распад / А. Каппелер – М.: Прогресс-Традиция, 2000. – 344 с.
224. Коркунов Н. М. Русское государственное право / Н. М. Коркунов. – СПб.: книжный магазин А. Ф. Цензерлинга, 1892. – Т. I. – 402 с.
225. Коркунов Н. М. Русское государственное право / Н. М. Коркунов. – СПб.: книжный магазин А. Ф. Цензерлинга, 1893. – Т. II. – 417 с.
226. Корф М. А. Жизнь графа Сперанского / М. А. Корф – СПб.: Издание Императорской Публичной библиотеки, 1861. – Т. I. – 283 с.
227. Карнович Е. П. Русские чиновники в бытии и настоящем времени / Е. П. Карнович. – СПб.: тип. П.П. Сойкина, 1897. – 128 с.

228. Кубалов Б. Г. Декабристы в Восточной Сибири. Очерки / Б. Г. Кубалов. – Иркутск: Иркутский Губернский Архивбюро, 1925. – 216 с.
229. Лазаревский Н. И. Лекции по русскому государственному праву / Н. И. Лазаревский. – СПб.: Тип. Акционер. о-ва «Слово», Т. II. 1910. 276 с.
230. Литвак Б. Г. Очерки источниковедения массовой документации XIX-начала XX в. / Б. Г. Литвак. – М., 1979. – 294 с
231. Лохвицкий А. В. Губерния, ее земские и административные учреждения / А. В. Лохвицкий. – СПб.: Типография Ивана Бочкарева у Певческого моста № 26, 1864. – Ч. 1. – 228 с.
232. Лысенко Л. М. Губернаторы и генерал-губернаторы Российской империи (XVIII – начало XX вв.). Издание 2-е, исправленное и дополненное. / Л. М. Лысенко – М.: Изд-во МПГУ, 2001. – 357 с.
233. Ляхов Б. А., Сухоруков В. С. Губернаторы России 1703 – 1917 гг. История страны в лицах / Б. А. Ляхов, В. С. Сухоруков. – М.: ИИК «Российская газета», 2004. – 192 с.
234. Макарова А. И. История женского образования в Якутии (конец XIX – начало XX века) / А. И. Макарова. – Якутск: Издательство СВФУ, 2018. – 128 с.
235. Макарова Р. В. Внешняя политика России на Дальнем Востоке (вторая половина XVIII в. — 70-е гг. XIX в.): Учеб. пособие по спец. курсу / Р. В. Макарова. – М.: Моск. гос. ист.-арх. ин-т, 1982. – 110 с.
236. Макарова Р. В. Русские на Тихом океане во второй половине XVIII в. / Р. В. Макарова. – М.: Наука, 1968. – 200 с.
237. Максимова О. Д. Правовое регулирование общественных отношений якутов в XIX – начале XX вв. / О. Д. Максимова. – Якутск: Изд-во ЯГУ, 2001.
238. Мамкина И. Н. Развитие системы общего образования в Восточной Сибири в условиях модернизации (1864-1917 гг.): монография / И. Н. Мамкина. – Чита: Забайкальский гос. ун-т, 2016.
239. Манькин-Невструев А. В. Завоеватели Восточной Сибири якутские казаки: Очерк / А. В. Манькин-Невструев. – М.: Унив. тип. (М. Катков), 1883. – 78 с.

240. Манько А. В. Блюстители верховной власти. Институт губернаторства в России / А. В. Манько. – М.: Аграф, 2004. – 240 с.
241. Матханова Н. П. Высшая администрация Восточной Сибири в середине XIX века: Проблемы социальной стратификации / Н. П. Матханова. – Новосибирск: Сибирский хронограф, 2002. – 250 с.
242. Матханова Н. П. Генерал-губернаторы Восточной Сибири середины XIX века: В. Я. Руперт, Н. Н. Муравьев-Амурский, М. С. Корсаков / Н. П. Матханова – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 1998. – 428 с.
243. Матханова Н. П. Сибирская мемуаристика XIX века / Н. П. Матханова – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2010. – 551 с.
244. Минаков А. С. Губернаторский корпус и центральная власть: проблема взаимоотношений (по материалам губерний Черноземного центра второй половины XIX – начала XX вв.). – Орел: издательский Дом «Орлик», 2011. – 488 с.
245. Миницкий М. И. О порядке производстве работ при вооружении кораблей для плавания по морям / М. И. Миницкий. – СПб.: Мор. тип., 1826. – 108 с.
246. Миницкий М. И. Описание знаменитейших сражений английского флота: С прибавлением некоторых выписок и замечаний / М. И. Миницкий. – СПб.: тип. Ивана Глазунова, 1829. – 73 с.
247. Мироненко С. В. Самодержавие и реформы. Политическая борьба в России в начале XIX в. / С. В. Мироненко. – М.: Изд-во «Наука», 1989. – 238 с.
248. Миронов Б. Н. Управление этническим многообразием Российской империи / Б. Н. Миронов. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2017. – 640 с.
249. Морякова О. В. Система местного управления России при Николае I / О. В. Морякова. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1998. – 268 с.
250. Национальные окраины Российской империи: становление и развитие системы управления / под. ред. С. Г. Агаджанов, В. В. Трепавлов. – М.: Славянский диалог, 1997. – 385 с.

251. Обозрение главных оснований местного управления Сибири / Напеч. по Высочайшему повелению. СПб.: Типография II Отделения Собственной ЕИВ Канцелярии, 1841. – 65 с.
252. Окунь С. Б. Российско-американская компания / С. Б. Окунь. – М.: Соцэкгиз, 1939. – 259 с.
253. Павлов А. А. Губернатор И. И. Крафт / А. А. Павлов. – Якутск: Изд-во СО РАН. Якут. филиал, 2004. – 248 с.
254. Петухова З. И. Якутская Степная Дума (1827 - 1838 гг.) / З. И. Петухова. – Якутск: Көмүөл, 2007. – 192 с.
255. Петров П. П. Города Якутии 1861-1917 гг. Якутск, 1990. – 124 с.
256. Петров П. П. Город Якутск: представительные органы управления (1822-2012). Якутск; Якутская городская дума, 2012. – 111 с.
257. Попов Г. А. Очерки по истории Якутии / Г. А. Попов. – Якутск, 1924. – 119 с.
258. Прутченко С. М. Сибирские окраины: областные установления, связанные с Сибирским учреждением 1822 г., в строе управления русского государства: Историко-юридические очерки / С. М. Прутченко – СПб.: Типография А. С. Суворина, 1899. – 532 с.
259. Резун Д. Я., Шиловский М. В. Сибирь, конец XVI - начало XX века: фронтир в контексте этносоциальных и этнокультурных процессов. / Д. Я. Резун, М. В. Шиловский. – Новосибирск: Сова, 2005. 193 с.
260. Ремнев А. В. Россия Дальнего Востока. Имперская география власти XX – начала XX / А. В. Ремнев. – Омск: Изд-во Омск. гос. ун-та, 2004. – 552 с.
261. Ремнев А. В. Самодержавие и Сибирь. Административная политика в первой половине XIX в. / А. В. Ремнев. – Омск: Изд-во Омск. гос. ун-та, 1995. – 356 с.
262. Сафонов М. М. Проблема реформ в правительственной политике России на рубеже XVIII-XIX вв. / М. М. Сафонов. – Л.: Наука, 1988. – 250 с.
263. Сафронов Ф. Г. Декабристы в Якутской ссылке / Ф. Г. Сафронов. – Якутск: Кн. изд-во, 1975. – 107 с.

264. Сафронов Ф. Г. Дореволюционные начальники Якутского края / Ф. Г. Сафронов. – Якутск: Ситим, 1993. – 56 с.
265. Сафронов Ф. Г. Охотско-Камчатский край: пути сообщения, население, снабжение и земледелие до революции / Ф. Г. Сафронов. – Якутск: Якуткнигоиздат, 1958. – 136 с.
266. Сафронов Ф. Г. Русские крестьяне в Якутии в XVII – нач. XX вв. / Ф. Г. Сафронов. – Якутск: Кн. изд-во, 1961. 495 с.
267. Сафронов Ф. Г. Русские на северо-востоке Азии. В XVII – середине XIX в.: управление, служилые люди, крестьяне, городское население / Ф. Г. Сафронов – М.: Наука, 1978. – 260 с.
268. Сафронов Ф. Г. Русские промыслы и торги на северо-востоке Азии в XVII — середине XIX в. / Ф. Г. Сафронов – М.: Наука, 1980. – 141 с.
269. Сафронов Ф. Г. Тихоокеанские окна России: Из истории освоения русскими людьми побережий Охотского и Берингова морей, Сахалина и Курил / Ф. Г. Сафронов. – Хабаровск: Хабаровское книжное издательство, 1988. – 192 с.
270. Сафронов Ф. Г. Якуты: мирское управление в XVII — нач. XX в. / Ф. Г. Сафронов. – Якутск: Кн. изд-во, 1987. – 128 с.
271. Сибирь в составе Российской империи / И. Л. Дамешек и др.; отв. ред.: Л. М. Дамешек, А. В. Ремнев. – М.: Новое литературное обозрение, 2007. – 362 с.
272. Сибирские и тобольские губернаторы: исторические портреты, документы. – Тюмень, 2000. – 577 с.
273. Словцов П. А. Историческое обозрение Сибири. Кн. 1 и 2. / П. А. Словцов. – СПб., 1886. 2-е издание. – 336 с.
274. Токарев С. А. Общественный строй у якутов XVII-XVIII вв. / С. А. Токарев. – Якутск: Якут. гос. изд-во, 1945. – 414 с.
275. Токарев С. А. Очерк истории якутского народа / С. А. Токарев. – М.: Соцэкгиз, 1940. – 248 с.
276. Хоскинг Дж. Россия: народ и империя (1552-1917) / Дж. Хостинг; пер. с англ. Н. С. Самуйлова. – Смоленск: «Русич», 2001. – 512 с.

277. Федоров М. М. Памятники права Саха (Якутия) / М.М. Федоров. – Якутск: Бичик, 1994. – 197 с.
278. Федоров М. М. Правовое положение народов Сибири в XVII – первой половине XIX вв. / М. М. Федоров. – Якутск: Кн. изд-во. – 1978. – 207 с.
279. Чибиряев С. А. Великий русский реформатор / С. А. Чибиряев. – М: Наука, 1989. – 214 с.
280. Шахеров В. П. Иркутск купеческий: история города в лицах и судьбах / В. П. Шахеров. – Хабаровск: Приамурские ведомости, 2006. – 176 с.
281. Шепелев Л. Е. Чиновный мир России: XVIII – XX в. / Л. Е. Шепелев – СПб.: Искусство-СПб., 1999. – 479 с.
282. Шиловский Д. М., Шиловский М. В. Административно-территориальное устройство и управленческий аппарат Азиатской России (конец XVI – начало XXI в.). / Д. М. Шиловский, М. В. Шиловский. – Новосибирск: НГУЭУ, 2018. – 347 с.
283. Ширина Д. А. Петербургская академия наук и Северо-Восток. 1725-1917 гг. / Д. А. Ширина. – Новосибирск: Наука, 1994. – 269 с.
284. Ширина Д. А. Россия: научное исследование Арктики. XVIII-1917 г. / Д. А. Ширина. – Новосибирск: Наука, 2001. – 189 с.
285. Шопен И. И. Исторический памятник состояния Армянской области в эпоху ее присоединения к Российской Империи / И. И. Шопен. – СПб.: В Тип. имп. Акад. наук, 1852. – 632 с.
286. Щапов А. П. Сочинения / А. П. Щапов. – СПб.: М. В. Пирожков, 1908. – Т. 3. – 717 с.
287. Эсадзе С. С. Историческая записка об управлении Кавказом. В 2-х т. / С. С. Эсадзе. – Тифлис: Тип. Гуттенберг, 1907. – Т. 1. – 616 с.
288. Ядринцев Н. М. Сибирь как колония: к юбилею трехсотлетия: современное положение Сибири, ее нужды и потребности, ее прошлое и будущее / Н. М. Ядринцев. – СПб.: Типография М. М. Стасюлевича, 1882. – 471 с.

Справочные издания

289. Губернии Российской империи. История и руководители. 1708-1917 / Под общ. ред. Б. В. Грызлова, Гл. ред. Н. Ф. Самохвалов. М.: Объединенная редакция МВД России, 2003. – 535 с.
290. Месяцеслов с росписью чиновных особ, или общий штат Российской империи на лето от Рождества Христова 1823. СПб.: Имп. Академия наук, 1823. Ч. 2, 2003. – 448 с.
291. Общий морской список. СПб.: Тип. В. Демакова, Ч.8, 1894. – 639 с.
292. Рабцевич В. В. Государственные учреждения дореформенной Сибири (последняя четверть XVIII – первая половина XIX вв.): Справочник / В. В. Рабцевич. – Челябинск, 1998. – 270 с.
293. Сайтов В. И. Петербургский некрополь / В. И. Сайтов. – СПб.: Типография М. М. Стасюлевича. – СПб., 1912. – Т. 3. – 649 с.
294. Щеглов И. В. Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири. 1032-1882 гг. / И. В. Щеглов. – Иркутск: Изд. Вост.-Сиб. отд. Рус. геогр. о-ва под ред. чл. отд. В. И. Вагина, 1883. – 779 с.

Диссертации и авторефераты

295. Алексушин Г. В. Развитие губернаторской власти в России (1708 - 1917 гг.): исторический опыт и уроки / автореферат на соискание ученой степени доктора исторических наук: 07.00.02. / Г. В. Алексушин; Военный университет. – М., 2009. – 50 с.
296. Архипова А. И. Административное устройство и управление Северо-Востока России: институт губернатора в середине XIX-начале XX вв.: диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук: 07.00.02 / А. И. Архипова; Иркутский государственный университет. – Иркутск, 2018. – 227 с.
297. Гергилев Д. Н. Административно-территориальное управление Сибирью в XVIII-начале XX в.: диссертация на соискание ученой степени доктора

- исторических наук: 07.00.02 / Д. Н. Гергилев; Сибирский федеральный университет. – Красноярск, 2021. – 533 с.
298. Дамбаева О. В. Область в системе государственного устройства и управления Российской империи (XVIII - начало XX вв.): диссертация на соискание учёной степени кандидата юридических наук: 12.00.01 / О. В. Дамбаева; Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина. – Екатеринбург, Уральская академия государственной службы, 2006. – 245 с.
299. Минаков А. С. Губернаторский корпус и центральная власть: проблема взаимоотношений (по материалам губерний Черноземного центра во второй половине XIX – в начале XX вв.): автореферат на соискание ученой степени доктора исторических наук: 07.00.02 / А. С. Минаков; Орловский государственный университет. – М., 2011. – 50 с.
300. Михеева Ц. Ц. Эволюция института губернаторства в Российской Империи (Историко-правовой аспект): диссертация на соискание учёной степени кандидата юридических наук: 12.00.01 / Ц. Ц. Михеева; Российский университет дружбы народов. – М., 2006. – 190 с.
301. Плотникова М. М. Городские думы Восточной Сибири в последней четверти XVIII-первой половине XIX вв.: практика городского самоуправления и бюджетная политика городов. Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук: 07.00.02 / М. М. Плотникова; Иркутский государственный университет. – Иркутск, 2019. – 620 с.
302. Юрганова И. И. Деятельность Русской православной церкви в Якутском крае: инкорпорация в русскую государственность (XVII-нач. XX вв.): диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук: 07.00.02 / И. И. Юрганова; Иркутский государственный университет. – Иркутск, 2017. – 460 с.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1. ТАБЛИЦЫ

Таблица 1

Институт областного начальника в иерархии местного управления Российской империи

Географический регион	Степень управления		Областное управление	Чины	Председательство в областном правлении (гражданская часть управления)
	Главное управление	Губернское управление			
Сибирь	Генерал-губернатор	Иркутский Гражданский Губернатор	Якутский областной начальник (1805-1852) ¹	Гражданские	Председатель

¹ Обозначаются временные рамки функционирования института областного начальника

		Омский областной начальник (1822-1838)	Военные	Не имеется. Председатель назначался из других военных чиновников.
Кавказ	Главноуправляющий, с 1844 г. Наместник	Кавказский областной начальник (1822-1847)	Военные	Не имеется. Председатель назначался из других военных чиновников. С 1834 г. председателем становится Кавказский гражданский губернатор.
		Армянский областной начальник (1828-1840)	Военные	Председатель

		Джаро-Белоканский начальник (1830-1840).	областной	Военн ые	Председатель
		Каспийский начальник (1840- 1846).	областной	Военн ые	Председатель

Основание: ПСЗРИ. Собр. I. 1805. Т. XXVIII № 21726; ПСЗРИ. Собр. I. 1822. Т. XXXVIII. № 29125; ПСЗРИ. Собр. I. 1822. Т. XXXVIII. № 29138; ПСЗРИ. Собр. II. 1834. Т. IX. № 7541; ПСЗРИ. Собр. II. 1827. Т. II. № 878; ПСЗРИ. Собр. II. 1840. Т. XV. № 13368; Эсадзе С.С. Историческая записка об управлении Кавказом. Тифлис. 1907. Т. 1. С. 64, 190.

Иркутская губернская и Якутская областная администрации
(на основании штатных расписаний)

Иркутское губернское правительство					Иркутское губернское управление				
На основании указа 1805 г.					На основании указа 1822 г.				
Губернатор	Вице-губернатор	Председатель	Председатель Советник	Судья	Губернатор	Губернский Совет	Губернское правление	Казенная палата	Губернский суд
2	3	2 ассессора	2 ассессора	2 заседателя		Председатель	Председатель	Председатель,	Председатель,
советника	советник	2 ассессора	2 заседателя от купечества	из чиновников		губернского	губернского	советники	старший
Губернский	Губернский	заседателя от купечества		2 заседателя от купечества		правления,	правления,		советник, 3
землемер	Губернский	от купечества		2 заседателя от купечества		председатель	председатель		советника
Губернский	казначей			2 заседателя от купечества		Казенной	Казенной		
архитектор	1 ассессора			2 заседателя от купечества		палаты,	палаты,		
присяжный	4			от поселян		председатель	председатель		

ых из отставны х унтер- офицеров			Канцелярс кие служители		председат ель губернск ого суда, губернск ий прокурор. Председа тель – губернато р.	ль губернског о суда, губернски й прокурор. Председат ель – губернатор .		
Якутское областное управление								
На основании указа 1805.					На основании указа 1822 г.			
Якутское областное правление					Якутский начальник	областной	Якутское областное правление	

<p>Областной начальник – председатель областного правления</p> <p>Советник</p> <p>2 ассессора</p> <p>2 заседателя от купечества</p> <p>Прокурор</p> <p>Секретарь</p> <p>Канцелярские служители (Протоколист, переводчик для иноверцев, регистратор, архивариус, переплетчик, сторожи)</p>		<p>Областной начальник – председатель областного правления</p> <p>3 советника</p> <p>Областной стряпчий</p> <p>Чиновник по особым поручениям</p> <p>Областной землемер</p> <p>Канцелярские служители</p> <p>Архивариус</p>
---	--	--

Основание: ПСЗРИ. Собр. I. Т. XLIV. Книга штатов. Ч.2. №. 24985; ПСЗРИ. Собр. I. 1822. Т. XXXVIII. № 29125.

Общие сведения о якутских областных начальниках

ФИО	Хронологические рамки правления	Возраст на момент назначения	Чин	Сословное происхождение	Вероисповедание	Семейное положение	Имущественное положение	Участие в боевых действиях	Награды на момент назначения	Штрафы и судимость
Иван Григорьевич Кардашевский	19 ноября 1805 – 7 июня 1816	42	Надворный советник (VII кл.)	Дворянин	Православное	Женат	20 душ в Малороссийской Полтавской губернии (1821)	Нет		Нет
Михаил Иванович Миницкий	7 июня 1816 – 21 октября 1821	41	Статский советник (V кл.)	Дворянин	Православное	Женат, имеет троих	17 душ муж. пола в	Участник Русско-шведской	Орден Св. Георги	Нет

						дочерей (1829)	Черниговс кой губернии, 129 душ в Симбирск ой губернии (1829)	войны (1788- 1790) Участник Англо- французск ой войны (1803- 1805) Участник Русско- английско й войны (1807- 1812)	я 4 ст., Орден Св. Анны 2 ст.	
Алексей Николаеви ч Ачкасов	23 октября 1821 – 24 марта 1822	66	Коллежский советник (VI кл.)	Дворянин		Женат, детей не имеет	4 душ муж. пола	Участник боевых действий при	Орден Св. Влади мира 4	Имеет ся

	5 ноября 1824 – март 1826	69	Статский советник (V кл.)					Моздокско й линии (1779)	ст. (1823)	
Дмитрий Яковлевич Рудаков	24 марта 1822 - октябрь 1824	55	Статский советник (V кл.)	Дворянин		Женат, имеет сына и дочь (1820)	Крестьян не имеет	Участник Русско- шведской войны (1788- 1790)	Орден Св. Георги я 4 ст., Орден Св. Влади мира 4 ст.	Нет (1820)
Николай Степанови ч Лосев	21 март 1826 – июнь 1826	46	Коллежский советник (VI кл.)	Из военных дворян	Правосла вное	Не женат (1840)	Не имеет (1840)	Участник Русско- пруско- французск ой войны (1806- 1807)	Орден Св. Анны 2 ст., Орден Св. Влади	Нет

								Участник Русско- турецкой войны (1806- 1812) Участник Отечестве нной войны 1812 Участник заграничн ых походов русской армии (1813- 1815)	мира 4 ст.	
--	--	--	--	--	--	--	--	--	---------------	--

Николай Иванович Мягков	5 июня 1826 – 11 декабря 1831	44	Статский советник (V кл.)	Дворянин		Не женат	50 душ муж. пола в Псковской губернии	Нет	Орден Св. Влади мира 4 ст.	Нет
Иван Николаеви ч Веригин	11 декабря 1831 – 4 июня 1832	51	Статский советник (V кл.)	Из духовног о звания	Правосла вное	Женат вторым браком (1840)	2 дворовых (1840)	Нет	Орден Св. Влади мира 4 ст. Орден Св. Анны 2	Нет

									ст.	
Василий Иванович Щербачев	4 июня 1832 – 18 сентября 1833	40	Коллежский советник (VI кл.)	Дворянин	Правосла вное	Не женат (1828)	20 душ крестьян в Костромск ой губернии (1828)	Участник Русско- турецкой войны (1828- 1829)	Орден Св. Влади мира 4 ст., Орден Св. Анны 2 ст.	Нет (1828)
Иван Иванович Голубев	18 сентября 1833 – 11 сентября 1834	39	Коллежский ассессор (VIII кл.)	Из духовног о звания		Не женат	Не имеет	Нет	Орден Св. Анны 3 ст.	Имеет ся
Илья Дмитриев ич Рудаков	11 сентября 1834 – 5 мая 1845	46	Чиновник VI кл. (Позже произведен в статские	Дворянин	Правосла вное	Женат, имеет пятеро сыновей и трое	Не имеет	Участник Русско- японского конфликта (1811-	Орден Св. Анны 3 ст.	Нет

			советники – V кл.)			дочерей		1813)		
Флоренти н Петрович Булатов	9 мая 1845 – 4 июля 1845	44	Надворный советник (VII кл.)	Из обер- офицерск их детей	Правосла вное	Женат вторым браком, от первого имеет двоих дочерей (1838)	Наследств енный деревянны й дом в г. Иркутске (1830)	Нет (1838)		Нет (1838)

Николай Яковлевич Каргопольцев	4 июля 1845 - 18 марта 1850	54	Статский советник (V кл.)	Из обер-офицерских детей	Православное	Женат вторым браком, имеет двух сыновей	Нет	Нет	Орден Св. Анны 3 ст., Орден Св. Владимира 4 ст., Орден Св. Станислава 2 ст.,	Нет
Иван Васильевич Фролов	18 марта 1850 – 1 января 1852	57	Надворный советник (VII кл.)	Из приказнослужащих	Православное	Женат, третьим браком,	Нет	Нет		Нет

				ьских детей		имеет двоих дочерей				
--	--	--	--	----------------	--	---------------------------	--	--	--	--

Основание: РГИА. Ф. 1349. Оп. 3. Д. 974. Л. 23-52, Л.49-52; Там же. Д. 1307. Л. 107-136; Там же. Д. 385. Л. 19-31; Там же. Д. 563. Л.115-118; Там же. Д. 1933. Л. 95-99; Там же. Д. 308. Л.102-106; Там же. Д. 2368. Л. 68-71; РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 95. Л.11-12 об; РГИА. Ф. 1286. Оп. 4 1826. Д. 448. Л. 13-22; Там же. Оп. 3 1825. Д. 210. Л. 36-43; РГАВМФ. Ф. 406. Оп. 4. Д. 3039. Л.1-8; Там же. Оп. 7. Д. 214. Л. 409-412; Там же. Оп.3. Д.27. Л. 933-936; Месяцеслов с росписью чиновных особ, или общий штат Российской империи на лето от Рождества Христова 1823. СПб. 1823. Ч.2. С. 299; Общий морской список. СПб., 1894. Ч.8. С. 540-541.

Послужная география якутских областных начальников

ФИО	Происхождение¹	Первоначальное место службы	Место службы перед определением в должность областного начальника Якутии
И. Г. Кардашевский	Полтавская губерния	Подканцелярист Переславской канцелярии	Советник Иркутского губернского правления
М. И. Миницкий	Симбирская губерния, Алатырский уезд Черниговская губерния, Конотопский погост	Порутчик в армии, определен на суда гребного флота под начальством вице- адмирала, принца Нассау Де Зигена	Начальник Охотского порта
А. Н. Ачкасов		Рядовой Казанского гарнизона	Советник Якутского областного правления
Д. Я. Рудаков		Гардемарином	

¹ По наличию имений и наследственного недвижимого имущества

		назначен на корабль «Европа» под командою капитана 1 ранга Скуратова	
Н. С. Лосев		Рядовой Сенатского батальона	Начальник Верхнеудинского округа Иркутской губернии
Н. И. Мягков	Псковская губерния, Порховский уезд	Гардемарином назначен на корабль «12 Апостолов» под начальством адмирала Ханькова	Управляющий первого отделения при Хозяйственной экспедиции Адмиралтейства
И. Н. Веригин		Копиист Колыванской Казенной палаты	Исправляющий должность Иркутского губернского суда
В. И. Щербачев	Костромская губерния	Гардемарином назначен на фрегат под командою капитана-	Находился по особым поручениям при главной квартире главнокомандующего, графа Дибича Забалканского

		лейтенанта Зуева	
И. И. Голубев	Симбирская губерния, Ардатовский уезд	Копиист Ставропольского уездного суда	Старший советник Якутского областного правления
И. Д. Рудаков		Гардемарином плавал от Кронштадта до Любека	Чиновник особых поручений Кораблестроительного департамента при Адмиралтействе
Ф. П. Булатов	Иркутская губерния, г. Иркутск	Канцелярист Иркутского губернского правительства	
Н. Я. Каргопольцев		Подканцелярист Омских городнических дел	Иркутский губернский прокурор
И. В. Фролов	Якутская область	Копиист Якутского земского суда	Советник Якутского областного правления

Основание: РГИА. Ф. 1349. Оп. 6. Д. 471. Л. 74-75; РГИА. Ф. 1349. Оп. 3. Д. 974. Л.23-52, Л.49-52; Там же. Д. 1307. Л. 107-136; Там же. Д. 385. Л. 19-31; Там же. Д. 563. Л.115-118; Там же. Д. 1933. Л. 95-99; Там же. Д. 308. Л.102-106; Там же. Д. 2368. Л. 68-71; РГИА. Ф. 1264. Оп.

1. Д. 95. Л.11-12 об; РГИА. Ф. 1286. Оп. 4 1826. Д. 448. Л. 13-22; Там же. Оп. 3 1825. Д. 210. Л. 36-43; РГАВМФ. Ф. 406. Оп. 4. Д. 3039. Л.1-8; Там же. Оп. 7. Д. 214. Л. 409-412; Там же. Оп.3. Д.27. Л. 933-936; НА РС (Я). Ф. 180-и. Оп.1. Д. 361. Л. 205.

Якутские областные начальники, служившие ранее в якутских учреждениях

Якутский областной начальник	Служба в якутские учреждения
И. Г. Кардашевский	<p>1 марта 1792 г. земский комиссар Оленского земского суда</p> <p>15 июля 1797 г. заседатель Олекминского земского суда</p> <p>27 февраля 1800 г. якутский городничий</p>
А. Н. Ачкасов	<p>12 мая 1785 г. заседатель Жиганского земского суда</p> <p>2 ноября 1798 г. уездный судья в г. Жиганск</p> <p>С 1 ноября 1802 г. находясь в данной должности управлял должностью городничего г. Жиганска</p> <p>19 ноября 1805 г. советник Якутского областного правления</p> <p>С 8 июня по 11 сентября 1816 г. и с 22 июня по 2 сентября 1817 г. управлял Якутской областью в</p>

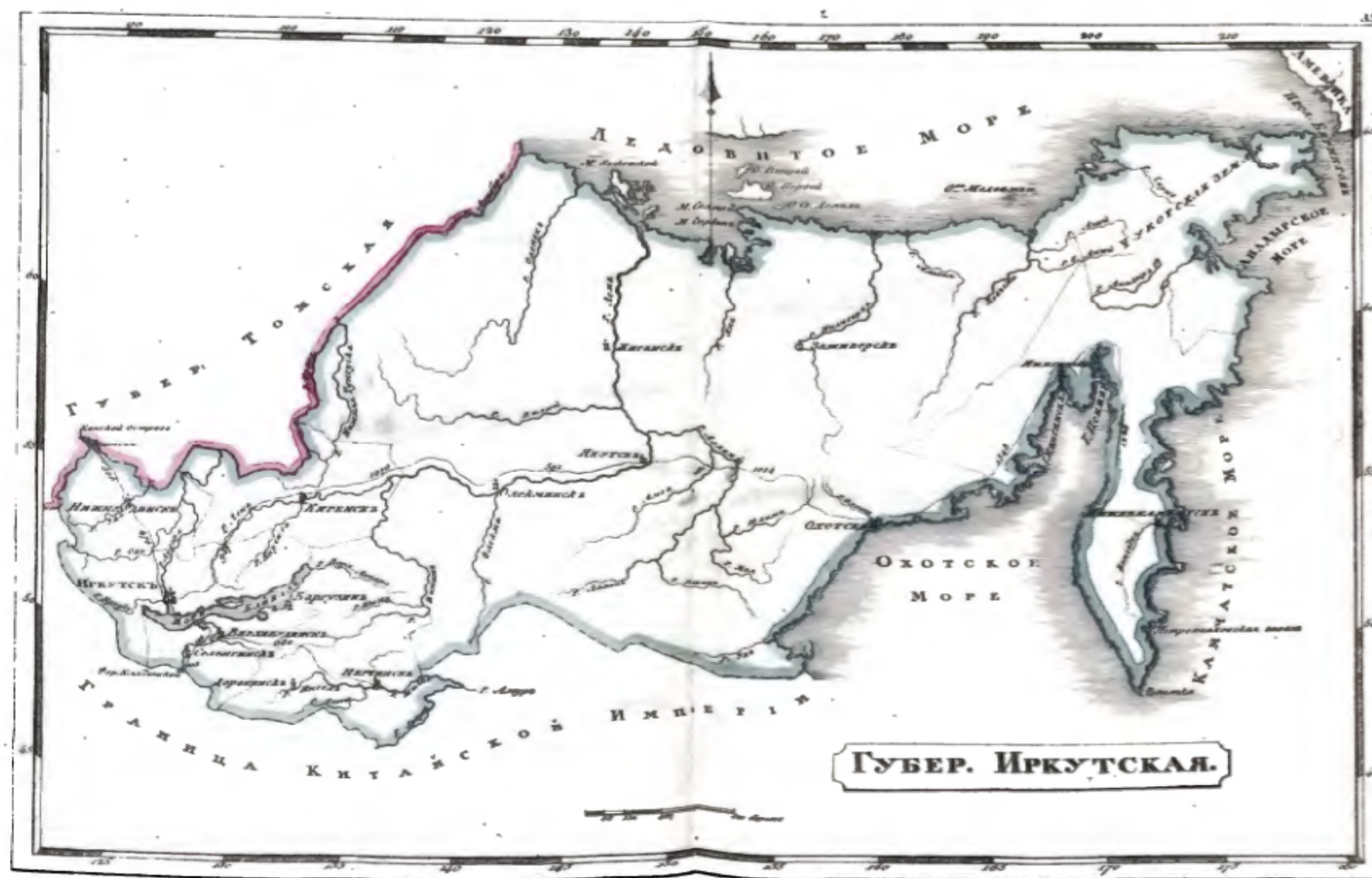
	<p>связи с командировкой М. И. Миницкого в Охотск</p> <p>1 марта 1823 г. старший советник Якутского областного правления</p>
И. Н. Веригин	<p>2 июля 1796 г. секретарь при Якутском областном коменданте</p>
Ф. П. Булатов	<p>4 декабря 1826 г. чиновник по особым поручениям при Якутском областном правлении</p> <p>С 1827 г. по 23 октября 1828 г. исправлял должность областного стряпчего</p>
И. В. Фролов	<p>16 марта 1810 г. копиист Якутского земского суда</p> <p>6 января 1811 г. подканцелярист Якутского земского суда</p> <p>1 декабря 1813 г. канцелярист Якутского земского суда</p> <p>20 марта 1817 г. поветчик Якутского земского суда</p> <p>С 18 июня 1819 г. по 19 января 1820 г. исправлял должность секретаря Якутского земского суда</p>

	<p>15 мая 1823 г. столоначальник Якутского земского суда</p> <p>С 1 ноября 1824 г. по 15 февраля 1826 г. исправлял должность секретаря Якутского земского суда</p> <p>С 1827 г. прикомандирован к исправлению должности секретаря</p> <p>13 ноября 1827 г. утвержден в должности секретаря Якутского земского суда</p> <p>29 апреля 1830 г. заседатель Якутского земского суда</p> <p>С 29 апреля 1832 г. прикомандирован к исправлению должности Вилюйского исправника</p> <p>6 сентября 1832 г. утвержден в должности Вилюйского исправника</p> <p>21 сентября 1844 г. исправляющий должность якутского городничего</p> <p>22 декабря 1845 г. якутский земский исправник</p> <p>7 мая 1848 г. исправляющий должности советника Якутского областного правления</p>
--	---

	<p>С 17 июня по 8 августа 1849 г. исправлял обязанности якутского областного начальника в связи с командировкой Н. Я. Каргопольцева в Вилюйский округ</p> <p>28 ноября 1849 г. утвержден в должности советника Якутского областного правления</p>
--	---

Основание: РГИА. Ф. 1349. Оп. 3. Д. 974. Л. 49-51; Там же. Д. 385. Л. 19-21 об; Там же. Д. 308. Л. 104; Там же. Д. 2368. Л.68-71.
РГИА. Ф. 1286. Оп.4 1826. Д. 448. Л. 15-19.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2. ИЛЛЮСТРАЦИИ

Библиотека "Руниверс"

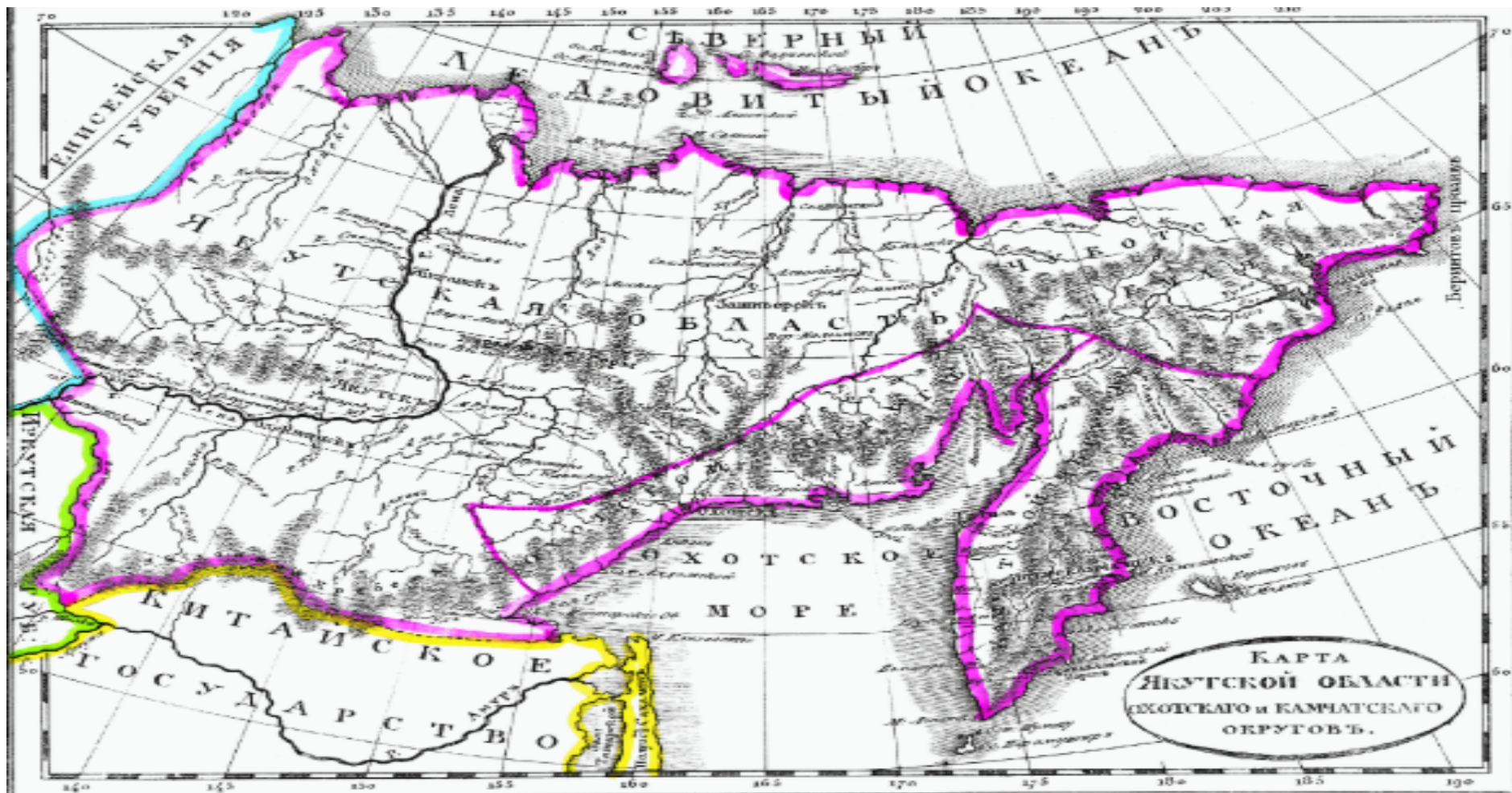
Изображение 1. Иркутская губерния в 1808 г.

<https://runivers.ru/maps/pochtovyiatlas/36/>

Изображение 2. Генеральная карта Якутской области и Охотского округа с показанием почтовых и больших проезжих дорог и станций. 1826 г.

<https://www.wdl.org/ru/item/14107/view/1/1/>

Изображение 3. Якутская область в 1835 г.

<https://runivers.ru/maps/AtlasRossiiskoyImperii51/19/>